

АЛЕКСЕЙ

ИСАЕВ

АРТЕМ

ДРАБКИН

22

9

ИЮНЯ

МАЯ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Краткий курс Великой Отечественной

Алексей Исаев

**22 июня – 9 мая. Великая
Отечественная война**

«Яуза»

2015

УДК 355.48(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

Исаев А. В.

22 июня – 9 мая. Великая Отечественная война /
А. В. Исаев — «Яуза», 2015 — (Краткий курс Великой
Отечественной)

ISBN 978-5-699-57434-6

Уникальная энциклопедия ведущих военных историков. Первый иллюстрированный путеводитель по Великой Отечественной. Полная история войны в одном томе. Великая Отечественная до сих пор остается во многом «неизвестной войной» – сколько ни пиши об отдельных сражениях, «за деревьями не разглядишь леса». Уткнувшись в холст, видишь не картину, а лишь бессмысленный хаос мазков и цветных пятен. Чтобы в них появился смысл и начало складываться изображение, придется отойти хотя бы на пару шагов: «большое видится на расстояньи». Так и величайшую трагедию XX века не осмыслить фрагментарно – лишь охватив единым взглядом. Новая книга лучших военных историков впервые предоставляет такую возможность. Это не просто хроника сражений; больше, чем летопись боевых действий, – это грандиозная панорама Великой Отечественной, позволяющая разглядеть ее во всех подробностях, целиком, объемно, «в 3D», не только в мельчайших деталях, но и во всем ее величии.

УДК 355.48(47+57)"1941/45"

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-699-57434-6

© Исаев А. В., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

ВРЕМЯ ТИТАНОВ	6
НА ПУТИ К ВОЙНЕ	11
Пакт Молотова-Риббентропа	12
Победа на Халхин-Голе	32
Начало Второй Мировой войны	38
Советско-финская война 1939-1940 гг	45
Реформирование и перевооружение Красной Армии	51
Рождение плана «Барбаросса»	63
«Но разведка доложила точно!»	72
Последний мирный месяц	76
21 июня 1941 года	79
ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ	86
Действия немецких диверсантов	87
Начало вторжения	90
Силы сторон	96
Первые танковые бои	99
Брестская крепость	106
Сражение в воздухе	116
«Нам объявили что началась война...»	125
ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ	131
Сдача Гродно	132
Танковые бои	136
Потеря Минска	150
Прорыв частей Западного фронта из окружения	156
Итоги Приграничного сражения	159
ПЕРВОЕ ВОЕННОЕ ЛЕТО	164
Сражение за Могилев	169
Стабилизация линии фронта под Смоленском	172
Действия высшего руководства СССР	175
Мобилизация	178
Суд над руководителями Западного фронта	182
Обстановка на фронтах	186
Сражение за Смоленск	190
ОБОРОНА КИЕВА	201
Бои на Линии Сталина	202
Бои на ближних подступах	215
Киевский «котел»	223
Конец ознакомительного фрагмента.	230

Алексей Исаев, Артем Драбкин

22 июня – 9 мая. Великая Отечественная война

ВРЕМЯ ТИТАНОВ

В российской истории Великая Отечественная война 1941–1945 годов навсегда останется временем титанов. Те люди, что отстаивали свободу и независимость нашей Родины, были титанами, пусть даже они не осознавали себя таковыми. Большое, как известно, видится на расстоянии, и сейчас, спустя семь десятилетий, мы можем по достоинству оценить подвиг своих отцов, дедов и прадедов. Тем не менее нам трудно представить реалии столкновения миллионных армий индустриальной эпохи, когда развитие военных технологий достигло невиданных ранее высот, а их применение на поле боя – колоссальных масштабов. В начале XXI века, несмотря на продолжающийся прогресс в разработке средств разрушения, вооруженные конфликты, к счастью, носят ограниченный характер. Бойцы и командиры Красной Армии, напротив, жили в условиях постоянной смертельной опасности, когда гибель боевых товарищей превращалась в обыденность. Никто не мог считать себя в абсолютной безопасности – ни генерал, ни рядовой, поскольку смерть могла подстеречь везде и в любую минуту.

Устрашающие удары с воздуха даже по тыловым железнодорожным станциям, прилетавшие, казалось, из ниоткуда тяжелые артиллерийские снаряды, неожиданные взрывы установленных противником мин и «сюрпризов». Снайперы, ставшие «притчей во языцех» современных локальных войн, в боях Великой Отечественной были лишь одним из многих факторов, и далеко не самым значимым. Пуля, выпущенная из снайперской винтовки, терялась в ряду опасностей, где-то далеко за 100-килограммовыми снарядами тяжелых мортир и 500-килограммовыми авиабомбами. В гигантских сражениях на окружение мог попасть в «котел» и сгинуть бесследно и старый вояка с передовой, и штабист, и интендант, и военный строитель.

Великая Отечественная война продолжалась три года, десять месяцев, шестнадцать дней, двадцать часов и одну минуту. Или, по-другому, 46,5 месяца; 202,42 недели; 1418 дней; 34 032 часа; 2 041 920 минут. Однако на фронте состояние постоянной смертельной опасности продолжалось, казалось, бесконечно, поскольку война с германским Вермахтом – сильнейшей армией мира, не была одномоментным, краткосрочным усилием воли, на которое способен практически каждый человек, а требовала длительной мобилизации всех физических и психологических сил на грани и за гранью возможного. Битва с немецкой военной машиной вновь и вновь заставляла преодолевать нечеловеческую усталость во имя новых боев, штурмов, рытья окопов и изматывающих пеших маршей. Подавляющее большинство солдат Великой Отечественной – это не танкисты и летчики, а пехотинцы, и гибли они гораздо чаще, чем представители других родов войск.

Многодневные марши становились неотъемлемой частью жизни бойцов. Иногда по грунтовым дорогам и бездорожью им приходилось проходить до шестидесяти-семидесяти километров в день. При этом кроме оружия пехотинцы должны были нести на себе шинель в скатке, вещмешок, противогаз, каску, саперную лопатку, полевую сумку и три-четыре под-сумка с патронами. Несмотря на страшную усталость, даже в краткие периоды затишья между боями времени на сон у красноармейцев почти не оставалось – к рассвету нужно

было успеть отрыть окопы, чтобы укрыться от града раскаленных осколков и свинцового ливня пулеметных трасс.

Именно рядовые бойцы и младшие командиры Красной Армии вынесли на своих плечах основную груз войны с гитлеровской Германией, разгромили казавшийся непобедимым Вермахт и взяли штурмом немецкую столицу. Однако нельзя сказать, что титанам Нового времени повезло с описанием их подвигов. Как удачно заметил еще в 1920-х годах советский историк М.Н. Покровский: *«История – это политика, опрокинутая в прошлое»*. В СССР Великая Отечественная война стала частью государственной идеологии, что неизбежно привело к определенной «лубочности» в ее описании. Уже 17 июля 1941 года, менее чем через месяц после немецкого вторжения, Генеральный штаб направил в действующую армию группы офицеров с целью изучения опыта первых отгремевших боев с Вермахтом. Очень быстро написание истории войны разделилось на два направления. С одной стороны, успехи советского оружия на фронте становились средством пропаганды, вселявшим уверенность в Победе. С другой – критический анализ прошедших боевых действий позволял в дальнейшем не повторять допущенных ранее ошибок, искать новые приемы и методы борьбы с врагом. Исходя из своих задач, первая категория литературы оказалась известна всем – брошюры с пропагандистской версией событий должны были быть доступны каждому гражданину Советского Союза. Вторая категория, напротив, оставалась доступной лишь узкому кругу военных профессионалов и публиковалась под грифом секретности.

В послевоенные годы, помимо пропагандистских целей, на облик широкодоступных работ, посвященных событиям 1941–1945 годов, большое влияние стали оказывать «полководческие» амбиции тех ее участников, кто в тот период занимал высокий пост в советской партийно-государственной иерархии. В угоду власти предрержавшим историки искусственно возвеличивали или же, наоборот, виртуозно затеняли те или иные события, что, естественно, не лучшим образом сказывалось на достоверности и объективности публикуемых книг и статей. К примеру, далеко не самый удачный эпизод Великой Отечественной – танковый контрудар под Прохоровкой превратился в переломный момент Курской битвы, поскольку советский лидер Н.С. Хрущев был членом Военного совета фронта на этом направлении, а значение одной из, безусловно, героических и заслуживающих внимания, но все же вполне рядовых страниц войны – обороны Малой Земли под Новороссийском было чересчур преувеличено, потому что армейским политработником, в воинском звании полковника, там воевал будущий Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев. По этому поводу в народе родились даже грустные анекдоты, в которых один ветеран войны говорил другому: *«Пока я защищал Малую Землю, ты отсиживался в Сталинграде»* или: *«Что такое Великая Отечественная война? – Локальный эпизод сражения на Малой Земле»*. В брежневскую «Эпоху застоя», когда министром обороны СССР стал маршал А.А. Гречко, страна также довольно много узнала о Битве за Кавказ. В 1942–1943 годах новый глава военного ведомства командовал армиями, которые сражались под Туапсе и Краснодаром. В итоге шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941–1945», вышедшая в период пребывания у власти Хрущева, и двенадцатитомная «История второй мировой войны 1939–1945 гг.», увидевшая свет при его преемнике Брежневе, получились крайне идеологизированными, «лакированными» и неполными работами.

В советской исторической литературе умолчания и пропуски присутствовали в освещении всех периодов Великой Отечественной войны, различались, пожалуй, только причины появления этих «белых пятен». Так, период поражений 1941–1942 годов был описан лучше, чем вторая половина войны, из-за большего общественного интереса к нему. Если, рассказывая о периоде поражений, советские историки стремились «спрятать» некоторые из них, то при освещении победных для Красной Армии 1944–1945 годов предметом умол-

чания становились упущенные возможности и локальные успехи противника. Начисто из официальной летописи военных лет была вырвана одна из самых напряженных и кровопролитных страниц – многомесячное позиционное сражение за Ржев с основными силами немецкой группы армий «Центр» в 1942–1943 годах. Поэтому строчки знаменитого стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом» после прочтения оставляли странное чувство. С одной стороны, Ржев интуитивно воспринимался как фронтовой город, но с другой – у подавляющего большинства советских граждан отсутствовали сведения о сколько-нибудь заметных боевых действиях, связанных с ним. На долгие годы скрыв Ржевскую битву от посторонних глаз, советские историки допустили непростительную ошибку как по отношению к людям, которые в ней участвовали, так и в отношении истории войны в целом.

Объективность, по крайней мере на уровне исторических знаний советского времени, сохраняли лишь недоступные для широкого круга читателей исследования и сборники документов, закрытые грифами «Секретно» и «ДСП» – «Для служебного пользования». Например, изданный в конце 1950-х годов четырехтомник «Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», богатый статистическими материалами и нелицеприятными оценками тех или иных решений командиров и командующих. Книги, подобные «Операциям...», были ориентированы на преподавателей и слушателей военных академий – будущих полководцев, которым требовалась максимально достоверная история побед и поражений Красной Армии. Они во многом опережали свое время и по стилистике близки к современным историческим исследованиям. Обычно закрытые работы не были перегружены «руководящей и направляющей ролью партии» и вполне достоверно описывали развитие событий в сражениях. Однако преимущественно учебные функции существенно снижали ценность этих книг как исторических работ. В первую очередь это касается практически полного забвения темы понесенных советскими войсками потерь. Между тем потери являются важнейшим критерием оценки интенсивности боевых действий, подготовки войск и правильности принятых командованием решений.

Другим серьезным минусом «грифованных» исторических работ является описание действий Вермахта, поскольку, как правило, оно основывалось исключительно на данных советской разведки, с неизбежными в боевой обстановке пропусками и промахами. Кроме того, до сих пор одной из проблем изучения начального периода войны остается плохая сохранность документов Красной Армии. О реальных подвигах наших пехотинцев, артиллеристов и танкистов зачастую приходится узнавать из немецких «кригстагебухов» (журналов боевых действий) и «гешихтов» (историй соединений). Однако в советское время обмену информацией на международном уровне, между бывшими противниками, препятствовала холодная война, между Советским Союзом и западным миром. При этом на Западе по каждой немецкой дивизии вышла книга с описанием ее боевого пути, зачастую написанная на основе архивных материалов. Западная историческая литература в СССР и советские закрытые работы за рубежом использовались специалистами по военной истории, но в крайне ограниченных объемах.

Закрытые грифами секретности военно-исторические исследования о Великой Отечественной были жизненно необходимой подпиткой для открытой, пусть и ориентированной на пропаганду литературы. К тому же эти книги писали те, кто не понаслышке знал о войне: встретивший 22 июня 1941 года под Брестом бывший начальник штаба 4-й армии Западного фронта генерал-полковник Л.М. Сандалов, бывший начальник штаба 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор М.Д. Грецов и другие опытные штабисты Красной Армии. Однако закрытость секретных и ДСПшных работ сыграла с ними и их авторами злую шутку, поскольку лишала общественного внимания и контроля. Это привело к тому, что в «эпоху застоя» ведение закрытых исследований по истории войны оказалось практиче-

ски свернуто. Так, издание «Сборников боевых документов Великой Отечественной войны» было приостановлено на томе, рассказывающем о событиях октября 1941 года на Брянском фронте. В условиях закрытости архивов продолжение публикации этих сборников могло бы дать серьезный импульс научным исследованиям.

После распада Советского Союза наряду с кассовыми фантастическими боевиками и дамскими романами отечественные читатели познакомились с еще одним популярным на западном книжном рынке жанром – разоблачением исторических «мифов». Под удар попали как прославленные военачальники, начиная с Маршала Победы Георгия Жукова, так и «народные герои» Александр Матросов и Зоя Космодемьянская. Однако наиболее ярким представителем этого направления стал «Ледокол» и другие книги, написанные под псевдонимом Виктор Суворов сбежавшим в Великобританию в разгар холодной войны, советским военным разведчиком В.Б. Резуном. Их основная идея заключается в том, что катастрофа 22 июня 1941 года произошла из-за того, что Сталин планировал захват европейских государств с целью установления в них коммунистического режима и Гитлер всего лишь на две-три недели упредил агрессию Красной Армии. После информационного вакуума советских лет и намеренного замалчивания трагедии первого периода войны теории, подобные изложенным на страницах книг Суворова, пустили глубокие корни в сознании читающей публики. Хотя на самом деле произведения бывшего разведчика и его последователей, сделавших себе имя на книгах со скандальными названиями и не менее скандальным содержанием, не что иное, как занимательные и талантливо выполненные мистификации. Все до единого «доказательства», на которые ссылаются авторы этих «исследований», при ближайшем рассмотрении похожи на карточные домики, рассыпающиеся от легкого прикосновения ветра.

Если в СССР существовали препятствия для работы с основными архивными документами по истории Великой Отечественной, хранящимися в Центральном архиве Министерства обороны в подмосковном Подольске, то сегодня, когда они практически устранены, движение исторической науки вперед становится все заметнее. Появился целый ряд книг о Курской битве, в которых детально описываются боевые действия одного из ключевых сражений Второй мировой войны, настоящая история которого до сих пор известна немногим. В нашей стране и даже на Западе о боях на Курском выступе судят обычно по мемуарам советских военачальников, «приглаженным» в соответствии с официальной версией. Однако ранее засекреченные документы, ставшие доступными для исследователей в последние годы, проливают свет на истинную картину героических и страшных боев жаркого лета 1943 года. Вязьма, Сталинград, Харьков, Севастополь, Керчь, Битва за Германию и взятие Берлина – все больше крупных сражений получили достойное современного уровня исторического знания освещение. Несколько лет назад в сети Интернет Министерством обороны были размещены электронные базы данных «Мемориал» и «Подвиг народа», содержащие информацию о советских воинах, погибших, умерших и пропавших без вести в годы войны, а также информацию о наградах участников боевых действий.

Вместе с тем реальные события времени титанов во многом продолжают оставаться «Неизвестной войной», в описании которой правда густо переплетена с вымыслом, а настоящие подвиги – с пропагандистскими выдумками. Регулярно история войны искажается в кино- и телефильмах, в том числе снятых на государственные средства и демонстрируемых в «прайм-тайм» по государственному телевидению, вроде эпических картин Никиты Михалкова «Предстояние» и «Цитадель», скандального фильма «Сволочи» и популярного у зрителей сериала «Штрафбат». В подобных лентах Красная Армия представляется в виде стада слабоумных солдат, уничтожаемого заградотрядами, звероподобными особистами и генералами. Свои на экране оказываются страшнее чужих – немцев. Если предположить, что у советских военачальников не было никакой моральной ответственности за доверенные им жизни, беречь людей имело смысл, исходя хотя бы из чисто практических соображений.

Если дивизия, армия, фронт понесут большие потери сегодня, то с кем воевать завтра, освобождать новые города, получать ордена и расти по карьерной лестнице? Не делают погоды на общем фоне унылых и бессмысленных картин современного отечественного кинематографа о войне даже такие несомненные творческие удачи, как «Звезда», «В августе 44-го...» и «Брестская крепость».

Тягостное впечатление производят также поощряемые на правительственном уровне манипуляции с историческими фактами и использование наработок гитлеровской пропаганды в странах Европы и некоторых бывших советских республиках, ставших независимыми государствами. В 2009 году парламентская ассамблея ОБСЕ – Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе – приняла специальную резолюцию, в которой Третий рейх и Советский Союз в равной степени обвинялись в развязывании Второй мировой войны. Однако не СССР бомбил Великобританию, Францию, Бельгию, Норвегию, Голландию, Польшу, Югославию, Грецию и другие государства, захватив пол-Европы, построил в покоренных странах концентрационные лагеря, где, по новейшим подсчетам, погибло около 7,5 миллиона человек. Показательными выглядят печально знаменитая кампания по демонтажу памятника Воину-освободителю в Таллине, шествия ветеранов латвийских формирований войск СС, установка в Латвии и Эстонии монументов эсэсовским карателям. Очевидно, что это прямой путь не к ревизии обстоятельств вхождения Прибалтики в состав Советского Союза в 1940 году, а к ревизии победы над Гитлером в 45-м.

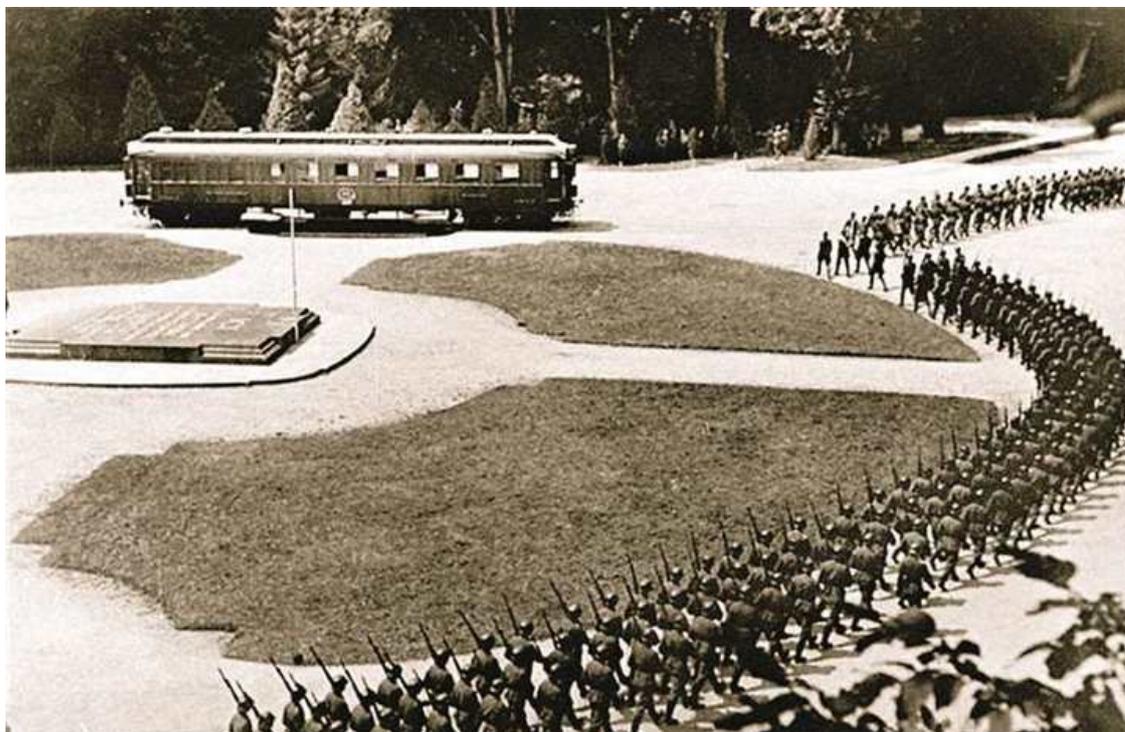
* * *

Книга, которую вы держите в руках, – это не просто летопись сражений, решавших судьбу Великой Отечественной войны, а первая на сегодняшний день попытка написать деидеологизированную, объективную и честную историю военных лет, по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные события и представить всю грандиозную панораму 1941–1945 годов во всем ее подлинном трагизме и величии. Благодаря приказу министра обороны Российской Федерации № 181 от 8 мая 2007 года о рассекречивании документов Красной Армии и Военно-Морского Флота периода войны авторы получили возможность ознакомиться с целым рядом ценнейших архивных материалов, ранее не доступных для историков. Сопоставление советских данных с боевой документацией Вермахта, хранящейся в немецких и американских архивах, позволило создать целостную картину беспримерного в человеческой истории военного противостояния, унесшего десятки миллионов жизней и надолго определившего судьбы мира, в котором наша Родина смогла выстоять и одержать Великую Победу.

НА ПУТИ К ВОЙНЕ

История договора между Советским Союзом и Третьим рейхом, известного под названием пакт Молотова-Риббентропа, началась за несколько лет до даты его подписания – 23 августа 1939 года.

16 марта 1935 года, спустя два года после прихода к власти Гитлера, в Германии был принят «Закон о создании вооружённых сил» – «Gesetz über den Aufbau der Wehrmacht». Исторически словом «Вермахт» (*Wehr* – «оружие, оборона, сопротивление» и *Macht* – «сила, мощь; власть, влияние», «войско») в немецкоязычных государствах обозначались вооружённые силы любой страны. Вермахт Третьего рейха состоял из сухопутных войск (*Heer*), военно-морского флота (*Kriegsmarine*) и военно-воздушных сил (*Luftwaffe*), во главе которых стояли соответствующие органы управления – Верховные командования.

Церемониальный марш войск Вермахта в Компьене во время подписания Францией капитуляции. 22 июня 1940 г. В центре – исторический железнодорожный вагон, в котором было подписано первое Компьенское перемирие, зафиксировавшее поражение Германии в Первой мировой войне

Пакт Молотова-Риббентропа

Немецкие войска вступают в Париж. 14 июня 1940 г.

В сентябре 1935 года в районе Киева свои масштабные маневры проводила Рабоче-Крестьянская Красная Армия. На учениях советских войск присутствовали британская, французская и чехословацкая делегации. Несмотря на целый ряд скептических отзывов иностранцев (особенно о тактике красноармейцев), в целом РККА произвела на них благоприятное впечатление. Советский Союз демонстрировал своим новым союзникам ценность своей армии в качестве силы для поддержания стабильности на европейском континенте. Появилась возможность на фоне усиления Германии создать коалицию противостоящих ей государств, испугать повторением сценария Первой мировой войны, когда она была вынуждена вести войну на два фронта. Поэтому взгляд французских и чехословацких руководителей обратился в сторону Советского Союза, в результате чего был заключен договор о взаимопомощи между СССР, Францией и Чехословакией.

Политическая обстановка в Европе начала накаляться весной 1938 года. В ночь на 12 марта на территорию Австрии были введены немецкие войска, но объединение – аншлюс двух государств – прошло без эксцессов. Австриец Йозеф Виммер вспоминал: *«Ввод немецких войск прошел спокойно. Тогда в стране была колоссальная безработица, и с приходом немцев мы надеялись получить работу»*. Вторая по величине немецкоговорящая страна и «малая родина» Гитлера фактически стала одной из земель Германии и, что самое главное, источником солдат и офицеров для германских вооруженных сил. Так, 45-я пехотная дивизия Вермахта (*45. Infanterie-Division*), первой вошедшая в Варшаву в сентябре 1939 года и в Париж в июне 40-го, а через год штурмовавшая советскую Брестскую крепость, была перестроена из 4-й венской дивизии австрийской армии.

Британцы всерьез опасались Большой войны. Первые бомбы с немецких дирижаблей упали на Лондон еще в разгар Первой мировой в 1916 году. За двадцать лет техника воздушных ударов шагнула далеко вперед, и все это время в Великобритании нагнеталась истерия относительно их эффективности. Действительно, ужасными возможными бомбардировки делало химическое оружие. В 1934 году Уинстон Черчилль оценивал потери от первых десяти дней бомбардировок Лондона и окрестностей в 30-40 тысяч человек. Будущего британского премьер-министра и министра обороны уж точно трудно назвать трусом и паникером. Подсчеты 1936 года показывали, что за те же десять дней погибнут 150 тысяч лондонцев. В этой ситуации готовность противовоздушной обороны Туманного Альбиона приобретала важнейшее значение. Однако истребительная авиация Королевских ВВС пока еще была далека от идеала как количественно, так и качественно. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен все это знал и считал силовое решение возникшего в сентябре 1938 года Чехословацкого кризиса далеко не лучшим вариантом. Как сильный и энергичный политик, он также фактически подмял под себя французского премьера Эдуара Даладье. Политика Франции следовала в кильватере политики Великобритании. Французское общество, как и британское, находилось под влиянием тяжелых потерь в Первой мировой войне и без энтузиазма относилось к перспективе нового вооруженного противостояния в Европе.

Формальным поводом для конфликта Германии с Чехословакией послужили столкновения между так называемыми судетскими немцами и чехословацкими властями. Однако *«воссоединение германской нации»* было лишь лежащей на поверхности причиной интереса Гитлера к Судетам. Независимое и сильное в экономическом и военном отношениях чехословацкое государство серьезно беспокоило немецких стратегов, поскольку могло стать удобным плацдармом для бомбардировок южной части Германии. Подписанный в 1935 году договор между Францией, Чехословакией и СССР делал эту угрозу вполне реальной. Также

Гитлера интересовал развитый военно-промышленный комплекс соседа. Поэтому на ниве политической немцы всячески раздували су-детский вопрос, а на ниве военной готовили план вторжения в Чехословакию, который получил кодовое наименование «Грюн» («*Grün*»). Идея этой операции была проста: максимальная концентрация германских вооруженных сил против Чехословакии и молниеносный разгром ее армии.

Немецкие полицейские маршируют по улице тирольского городка Имст во время аншлюса Австрии. 1938 г.

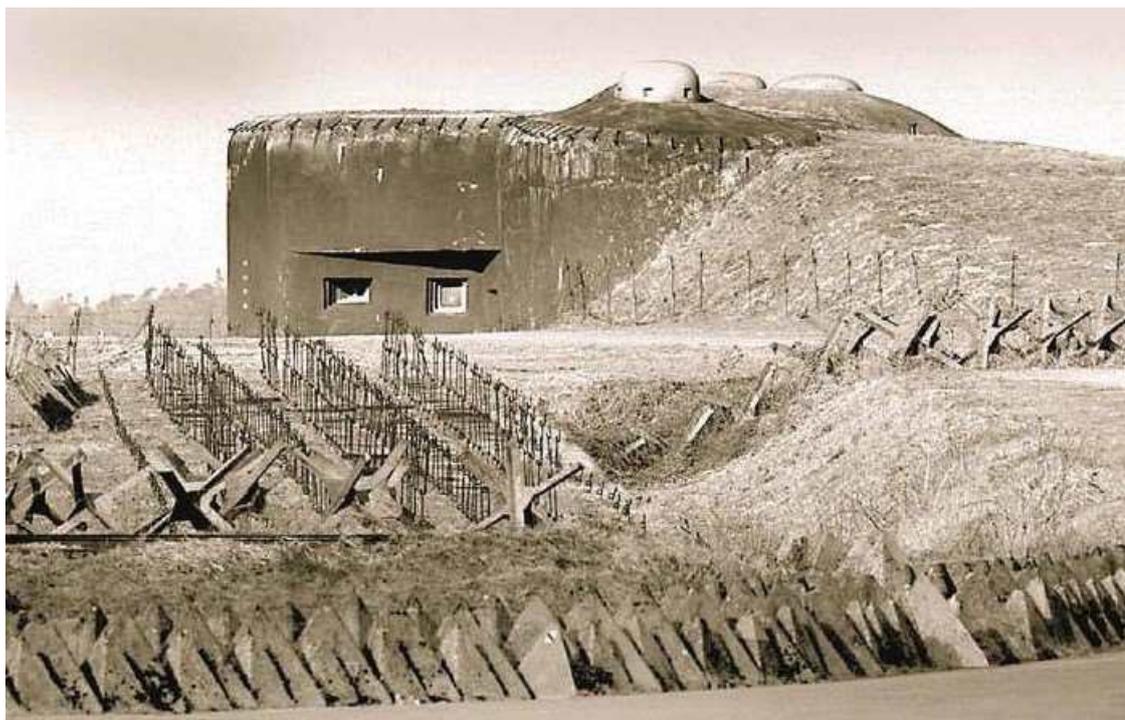

Исполинский символ достижений Советского Союза – самый большой в мире самолет АНТ-20 «Максим Горький» в сопровождении пары истребителей И-5 над Красной площадью во время парада. 7 ноября 1934 г.

Стремление сохранить мир любой ценой привело британского и французского премьеров Чемберлена и Даладье к шагам навстречу Гитлеру. В сентябре 1938 года они вместо союзнической поддержки в ультимативной форме убеждали правительство Эдварда Бенеша передать Судетскую область Германии. Однако страхи одних и планы других до поры до времени были скрыты от посторонних глаз. Впоследствии это привело к рождению теорий о «направлении агрессии на Восток» и многих других. Так или иначе, в публичной политике действовали заключенные ранее договоры. Обострение обстановки вокруг Чехословакии вызвало соответствующую реакцию. В Советском Союзе были отобилизованы 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий. В боевую готовность была приведена авиация. Руководство СССР считало необходимым безукоризненно выполнять взятые на себя военные обязательства. Так, в 1914 году мобилизация Русской Императорской армии стала одним из знаковых событий, предшествовавших началу Первой мировой войны. Естественно, Сталин не знал, с каким багажом 28 сентября 1938 года в Мюнхен вылетел самолет с Чемберленом на борту. Багаж из страха бомбардировок и собственного тщеславия британского премьера представлял собой гремучую смесь. К тому же скоро ему предстояло идти на выборы. Государственный деятель, не добившийся разрешения кризисной ситуации, в мгновение ока мог стать «политическим трупом». Чемберлену было 68 лет, и второй шанс совершить что-то великое в международных делах ему вряд ли мог представиться.

В столице Баварии Гитлер с ходу заявил о необходимости немедленного разрешения возникшего кризиса. В противном случае немецкий лидер угрожал применить силу уже 1 октября. Чемберлена и его французского коллегу Даладье фюрер элементарно переиграл. Ни советская, ни чехословацкая делегации на встрече не присутствовали. Фактически

Чехословакия была отдана за обещание Гитлера остановить на воссоединении с судетскими немцами экспансию Германии. При этом был создан опасный прецедент – свои претензии на этнически неоднородные чехословацкие территории последовательно предъявили Польша и Венгрия. Оказавшись в международной изоляции, чехи были вынуждены уступить. Также объявила о своей независимости Словакия. Однако хуже всего было то, что в результате Мюнхенского соглашения чешская армия потеряла свои пограничные укрепления. Без них соотношение сил войск Чехии и Германии не давало никакого шанса на удержание своей территории. Финалом стало поглощение Третьим рейхом оставшегося от Чехословакии «огрызка» в марте 1939 года.

Бункер чехословацкой линии укреплений в Судетах, так называемой линии Бенеша. 1938 г.

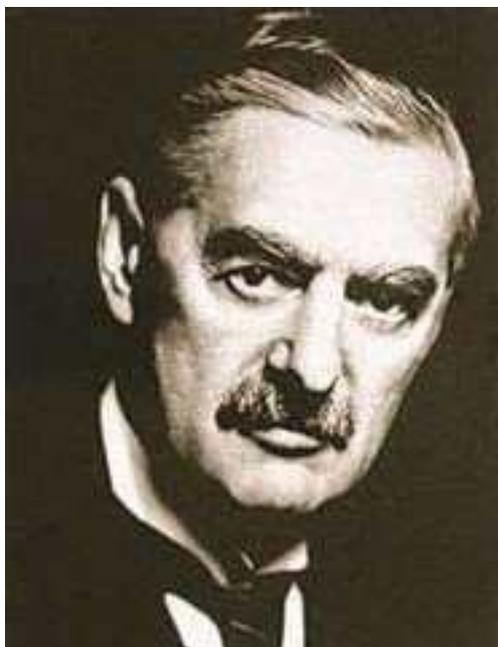

Рукопожатие польского маршала Эдварда Рыдз-Смиглы и немецкого военного атташе генерал-майора Богислава фон Штудница на параде «Дня независимости» в Варшаве 11 ноября 1938 г. Парад особо привязывался к захвату Войском Польским месяцем ранее чешской Тешинской Силезии

Сейчас Мюнхенское соглашение на Западе достаточно объективно оценивается как провал дипломатии и политики Великобритании и Франции, лишь в некоторой степени оправдываемый соображениями военного свойства. Более того, в западном политическом лексиконе слово «Мюнхен» стало именем нарицательным, синонимом капитуляции и провала. Уже в ходе Второй мировой войны выяснилось, что возможности немецких вооруженных сил были сильно переоценены. Люфтваффе в сентябре 1938 года не обладали той мощностью, которую гитлеровским ВВС приписывали в Лондоне. Цифра потерь в 160 тысяч человек погибших в результате бомбардировок не была превышена даже за пять лет войны Великобритании с Третьим рейхом. С другой стороны, Мюнхенский сговор дал британцам лишний год на подготовку к войне. Благодаря этому к лету 1940 года, когда началась легендарная Битва за Британию, противовоздушная оборона Туманного Альбиона стала для немецких летчиков «крепким орешком».

Однако помимо преимуществ с оттягиванием войны и образовавшейся в связи с этим паузой на перевооружение Мюнхен принес политические и военные убытки. Во-первых, военный и экономический потенциал Чехословакии фактически был подарен Гитлеру. Во-вторых, фюрер укрепился в своем мнении о политиках демократических стран как «червяках». В-третьих, следствием мартовских событий 1939 года стал вопрос о «косвенной агрессии», ставший одним из камней преткновения на будущих переговорах с Москвой. Наконец последнее и самое главное с точки зрения истории пакта Молотова-Риббентропа – в глазах советского руководства доверие к Великобритании и Франции как к потенциальным союзникам СССР оказалось серьезно подорвано.

События марта 1938 года, знаменовавшие собой провал политики Чемберлена в Мюнхене, заставили принять срочные меры. 31 марта свои односторонние гарантии Польше дала Великобритания, несколько позже к ним присоединилась Франция. 13 и 14 апреля такие же односторонние гарантии были даны Турции, Греции и Румынии. Формулировка была вида: *«Французское правительство будет считать себя обязанным немедленно оказать ему (правительству страны. – Прим. авт.) всю помощь, которая в его силах»*. Уже 14 апреля советскому полномочному представителю в Лондоне И.В. Майскому британским министром иностранных дел Галифаксом было прямо сказано: *«Не считало ли бы Советское правительство возможным дать, как это сделали Англия и Франция в отношении Греции и Румынии, одновременную гарантию Польше и Румынии»*. Почти идентичное предложение в Париже получил полпред Я.З. Суриц. Формулировка, правда, была немного иная. Французы предлагали договориться о том, что *«в случае, если бы Франция оказалась в состоянии войны с Германией вследствие помощи, которую она предоставила бы Польше или Румынии, СССР оказал бы ей немедленную помощь и поддержку»*.

Премьер-министр Великобритании в 1937-1940 годах Невилл Чемберлен (1869-1940). Он был младшим братом в семье и всю жизнь мечтал сделать что-то исключительное, превосходящее достижения других Чемберленов. Очередной политический кризис в Европе был для британского премьера как нельзя кстати

Советский нарком иностранных дел В.М. Молотов на приеме у Адольфа Гитлера в рейхсканцелярии. 13 ноября 1940 года. В качестве переводчика выступает немецкий дипломат Густав Хильгер. На заднем плане – немецкий дипломат Вальтер Хевель (слева) и начальник штаба Верховного главнокомандования Вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель (справа)

Помимо обращения к советским полпредам на следующий день, 15 апреля, последовал демарш посла Великобритании в Москве. Посол Сидс встретился с Литвиновым и прямо задал вопрос: «Согласно ли Советское правительство сделать публичное заявление?» Так СССР недвусмысленно предложили присоединиться к гарантиям на случай агрессии Третьего рейха. В ответ 17 апреля было сформулировано советское предложение о заключении договора. Подписание многосторонних политических, а тем более военных союзов было на тот момент практически исключено. Поэтому наиболее реалистичным вариантом было соглашение между ведущими европейскими державами с предоставлением гарантий осколкам рухнувших империй и другим государствам. Союзников устраивали декларации, а Советский Союз хотел формального договора. Более того, Сталин в первую очередь был заинтересован в гарантиях Прибалтике. В Латвии, Литве и Эстонии проживало немало этнических немцев, и советское руководство не исключало развития событий по чехословацкой модели марта 1939 года – капитуляции государства под угрозой применения военной силы. Такой сценарий получил наименование «косвенной агрессии». Ввод немецких войск в прибалтийские страны привел бы к образованию опасного для Советского Союза плацдарма в двух шагах от Ленинграда, создавая угрозу не просто «колыбели революции», а важному центру военной промышленности и возможности захвата морских «ворот» СССР. В отличие от прямого военного вторжения подобная «косвенная агрессия» требовала выверенных и точных формулировок договора о взаимопомощи.

Усложнялась ситуация также взаимным недоверием сторон. У СССР перед глазами был Мюнхенский сговор. Союзники же слишком хорошо помнили звучавшие еще не так давно из уст советских лидеров слова о Мировой революции и не исключали, что сам Сталин может стать инициатором «косвенной агрессии». У России имелся отрицательный опыт

1915 года, когда страна попала под главный удар немецких войск, потеряла большую территорию, но крупного наступления на Западном фронте, несмотря на заранее достигнутые договоренности об использовании войск, так и не дождалась. Летом 1939 года СССР предлагалось ввязываться в войну, не имея вообще никаких твердых обязательств со стороны союзников. В 1942 году, во время визита британского премьер-министра Уинстона Черчилля в Москву, Сталин сказал ему: *«Английское и французское правительства и не думали воевать в случае нападения на Польшу а больше надеялись на то, что дипломатическое единство Англии, Франции и России отпугнут Гитлера. Мы были уверены, что оно его не напугает»*. Другими словами, советское руководство в 1939 году было уверено, что нужно будет воевать. Естественно, публично признавать за собой прагматичную и со всех сторон обоснованную «позицию войны» было не слишком удобно. Как бы то ни было, война приносит народу жертвы и страдания. Даже если она сравнительно короткая и победоносная. Поэтому говорить на всю страну «мы хотели для вас скорой войны» было бы неразумно. Все это породило замысловатую легенду о вселенском заговоре изоляции Советского Союза, которая предлагалась в качестве официальной советской позиции в послевоенные годы. Она была удобна в период «холодной войны»: тогдашние противники СССР дополнительно демонизировались.

Еще одним фактором были события на Дальнем Востоке. Британцы и французы не хотели и слышать о них. Советский Союз, соответственно, не настаивал. Для того чтобы понять, какого масштаба была эта уступка, достаточно сказать, что в июле 1939 года уже гремели бои на Баин-Цагане, на реке Халхин-Гол. Более того, советский разведчик Рихард Зорге докладывал из Токио: *«Переговоры между Германией, Италией и Японией о военном пакте продолжаются. В случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против СССР. В случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Япония также автоматически присоединяется к Германии и Италии»*. В этой связи нельзя сказать, что советское руководство проявляло твердолобость и заняло на переговорах негибкую позицию. Выдвигались достаточно реалистичные требования. Решение проблем СССР на Дальнем Востоке союзникам не навязывалось, хотя, вступая в европейскую войну, Советский Союз в тот момент автоматически получал второй фронт с Японией.

Дети дарят цветы бойцам Красной Армии во время парада в Кишиневе по случаю вхождения Бессарабии в состав СССР. Июль 1940 г.

Таковы были стартовые позиции сторон, когда начался обратный отсчет дней и недель до заключения пакта Молотова-Риббентропа. Нельзя сказать, что в тот момент его заключение было предопределено. На какое-то время Советский Союз занял одно из центральных мест в европейской политике. Сталин постарался к этому подготовиться соответствующим образом. 1 мая 1939 года наркома иностранных дел Литвинова можно было видеть во время парада на Красной площади на трибуне Мавзолея недалеко от Сталина. Утром 3 мая он принял британского посла Уильяма Сидса. Даже самый проникательный советолог и кремленолог вряд ли бы заподозрил что-то неладное. Но вечером того же дня Президиум Верховного Совета СССР издал указ о назначении В.М. Молотова на пост народного комиссара иностранных дел с сохранением за ним поста председателя Совнаркома. Часто отставку еврея по национальности Литвинова и назначение вместо него русского Молотова, расценивают как шаг в сторону Германии. Однако назначение Молотова имело более широкий смысл, поскольку символизировало готовность советского руководства начинать переговоры «с чистого листа». За Литвиновым были взяты ранее на себя обязательства, у Молотова такого дипломатического груза не было.

В мае 1939 года у СССР и Третьего рейха не было никакого желания идти на какие-либо переговоры друг с другом. Германский посол в Москве граф Вернер фон дер Шуленбург уже 20 мая получил резкую отповедь от только что назначенного наркомом иностранных дел Молотова: *«У нас создается впечатление, что германское правительство вместо деловых экономических переговоров ведет своего рода игру; для такой игры следовало бы поискать в качестве партнера другую страну, а не правительство СССР»*. Интерес двух держав к сближению и заключению политических соглашений на тот момент был нулевой. Более того, 28 июня Гитлер даже дал фон дер Шуленбургу указание сообщить советской стороне о том, что *«мы не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией»*. Какие-то реверансы в сторону СССР в этот период являлись исключительно собственной инициативой посла. Фон дер Шуленбург был представителем старой школы немецкой дипломатии, стоявшей за мирное сосуществование с Советским Союзом, несмотря на все идеологические противоречия между национал-социалистами и коммунистами.

«Второй человек после Сталина» – председатель Совета народных комиссаров СССР (1930-1941) и министр иностранных дел СССР в 1939-1949 В.М. Молотов (1890-1986). В 1915 году молодой большевик сменил свою «родную» фамилию Скрябин на партийный псевдоним

Немецкий тяжелый истребитель «Мессершмитт Вf.110» из 6./ZG 76 (раскраска «акуля пасть») в небе над Ла-Маншем во время Битвы за Британию. Август 1940 г.

Инициатива начала переговоров между СССР и Германией была за немецкой стороной. Иногда в качестве приглашения Гитлера к диалогу называют речь Сталина на XVIII съезде ВКП(б), произнесенная им 10 марта 1939 года, в которой довольно резко оценивалась политика Великобритании и Франции. Однако это вовсе не означало, что советским лидером была проявлена благосклонность к Германии. Наоборот, Третий рейх, Япония и Италия в сталинском докладе прямо назывались «блоком агрессивных государств». Впоследствии чиновник немецкого Министерства иностранных дел доктор Юлиус Шнурре уверенно заяв-

лял, что в конце июля 39-го года Гитлер решил *«проявить инициативу в отношении Советского Союза»*. Ему вторит советник германского посольства Густав Хильгер, утверждая, что тогда же фюрер захотел *«взять на себя инициативу в налаживании взаимопонимания с русскими»*. 26 июля Шнурре по поручению своего шефа Иоахима фон Риббентропа пригласил временного поверенного в делах СССР в Германии Г.А. Астахова и заместителя советского торгового представителя Е.И. Бабарина на дружеский ужин в берлинский ресторан «Эвест», где впервые заговорил о возможности заключения договора между двумя государствами. Позиция советского руководства была однозначной – никаких шагов навстречу немцам. В телеграмме, отправленной Астахову 28 июля, Молотов был краток: *«Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву Вы поступили правильно»*.

Каковы же были побудительные мотивы немцев? 30 июля 1939 года статс-секретарь германского Министерства иностранных дел Эрнст фон Вайцеккер записал в своем дневнике: *«Этим летом решение о войне и мире хотят у нас поставить в зависимость от того, приведут ли неоконченные переговоры в Москве к вступлению России в коалицию западных держав. Если этого не случится, то депрессия у них будет настолько большой, что мы сможем позволить себе в отношении Польши все, что угодно»*. Таким образом, немцы также рассчитывали на психологический эффект, а не на наличие или отсутствие военной силы СССР на весах войны и мира как таковой. Однако на тот момент ответом Астахова и Молотова было гробовое молчание. Сам Вайцеккер тогда оценивал перспективы демарша немецкой дипломатии как весьма туманные. От Советского Союза немцам требовалось простое бездействие. Причем в качестве «бонуса» они могли договориться об урегулировании отношений с Японией через связанную с ней «антикоминтерновским пактом» Германию.

Так или иначе, пока еще формальные шаги навстречу военному соглашению СССР и западных союзников были сделаны. Британская и французская военные миссии довольно долго «укладывали чемоданы». Только 5 августа они, наконец, отправились в Советский Союз на старом товарно-пассажирском пароходе «Сити оф Экзетер» (*«City of Exeter»*). Путешествие до Ленинграда заняло почти неделю. Переговоры в Москве явно рассматривались союзниками как вспомогательная мера, ради которой жалко было рисковать даже одним крейсером. Начавшаяся вскоре Вторая мировая война стоила Королевскому флоту многих потопленных крейсеров всех типов. Впрочем, отнюдь не долгое ожидание стало причиной неудачи англо-франко-советских переговоров. Хотя именно 11 августа, в день приезда британцев и французов в Москву, полпреду Астахову в Берлине было дано указание ответить согласием на ведение с немцами пока еще экономических переговоров. Самым большим разочарованием стали сами переговоры. Дело было даже не в полномочиях и не в составе делегаций. Руководитель британской военной миссии адмирал Реджинальд Дракс прямо сказал уже в первый день переговоров 12 августа: *«У нас, конечно, имеется план, но разработанный в общих чертах; так как выезд миссии был поспешный, точно выработанного плана не имеется»*. Советская сторона подготовила развернутый военный план действий уже 4 августа.

Немецкий посол в Москве граф Вернер фон дер Шуленбург (1875-1944). В 1944 году он станет участником неудавшегося покушения на Гитлера и будет повешен

На следующий день, 13 августа, прозвучало еще более убийственное признание. Глава французской военной миссии генерал Жозеф Думенк ответил на вопрос о военных планах в отношении Польши: *«Лично мне не известны точные цифры войск, какие должна выставить Польша. Все, что я знаю, это то, что главнокомандующий польской армии обязан оказать нам помощь всеми имеющимися у него силами»*. Далее Думенк закрыл эту тему и перешел к следующему вопросу. Так советская военная миссия получила признание союзников о том, что и в случае Польши четких планов взаимодействия нет. При этом соглашение британцев и французов с поляками существовало уже достаточно давно. Как должны были быть сформулированы военные соглашения, советскому руководству объяснять было не надо. Примеры достались еще от Российской империи. Так, в протоколе совещания начальников штабов России и Франции, генералов Я.Г. Жилинского и Огюста Дюбайля, в августе 1911 года говорилось: *«Оба начальника генеральных штабов объявляют с обоюдного согласия, что слова «оборонительная война» не могут быть поняты в том смысле, что «война будет вестись оборонительно». Они, наоборот, утверждают, что для русских и французских армий является безусловной необходимостью предпринять энергичное наступление и насколько возможно одновременное»*. Более того, вполне определенно указывались сроки перехода в наступление: *«Французская армия на 12-й день мобилизации уже будет готова предпринять наступление против Германии, с помощью английской армии на их левом крыле»*. Ничего подобного на переговорах в Москве ни Драксом, ни Думенком предложено не было.

Следует сказать несколько слов о «войне на два фронта», которая якобы сама по себе, без дополнительных условий, обеспечивала поражение Третьего рейха. При этом забывается, что два фронта разделены пространственно и переброски войск между ними практически исключены. В то же время воюющая на два фронта, а следовательно, занимающая центральное положение держава может перебрасывать свои войска по внутренним линиям. Все это делает результат абстрактной войны на два фронта отнюдь не очевидным. К при-

меру, по крайней мере в двух войнах – 1967 и 1973 годов – противники Израиля обеспечили ему два фронта, что не помешало израильтянам последовательно громить своих врагов, умело маневрируя между Синаем и Голанскими высотами. Более того, коалиционная стратегия арабских армий вынуждала их наступать даже в невыгодных условиях.

Глава советской военной миссии народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов, а тем более начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников прекрасно понимали, что с таким состоянием дел в области военного планирования, какое в ходе переговоров обнаружилось у союзников, война на два фронта вовсе не гарантирует успеха коалиции. На этом этапе переговоров можно было бы и заканчивать. Но советская сторона предприняла попытку добиться соглашения о коридорах через Польшу для пропуска войск, поскольку границы между Германией и СССР в тот момент не существовало. Коридоры запрашивались далеко на периферии Польши – так называемый «Виленский коридор» на северо-востоке и коридор через Галицию на юго-востоке. «Виленский коридор» проходил даже не по исконным польским землям, поскольку Вильно (до 1919 года и после 1939-го – Вильнюс) – столица Литвы.

Нацистский флаг над одной из улиц Парижа. 1940 год

Эта бывшая территория Российской империи была захвачена Польшей в «смутное время» Гражданской войны. Однако даже предложение советской стороны пройти по «Виленскому коридору» и ударить по известной своими сильными укреплениями Восточной Пруссии не вызвало понимания у западных союзников. Хотя предложение советской стороны было достаточно весомым и серьезным. В 1914 году в борьбе за Восточную Пруссию погибла восьмидесятитысячная армия генерала А.В. Самсонова. Тем самым СССР фактически обещал заплатить за общее дело разгрома Германии немалую цену кровью.

Инициатива последнего даже не шага, а прыжка к пакту Молотова-Риббентропа принадлежала немцам. Резкий толчок развитию событий дала адресованная лично Сталину телеграмма Гитлера, переданная 21 августа. Фюрер прямо заявил, что *«является целесообразным не терять времени. Поэтому я предлагаю Вам принять моего министра иностран-*

ных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Он имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия». Ответ из Москвы последовал по дипломатическим меркам молниеносно – через два часа. Сталин ответил: «Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву господина Риббентропа 23 августа». Прибытие в Москву немецкой делегации советское руководство попробовало использовать в последней попытке реанимировать переговоры с западными военными миссиями. Видимо, еще теплилась надежда на то, что план действий у союзников есть, но его скрывают от советской стороны. Однако эти надежды быстро развеялись как дым. Наркому обороны К.Е. Ворошилову лишь осталось выразить сожаление о неудаче переговоров. При этом условия приема военных миссий и германской делегации существенно различались. Почти полсотни человек свиты министра иностранных дел Третьего рейха с трудом разместились в бывшем посольстве Австрии, доставшемся немецким дипломатам «по наследству», после аншлюса 1938 года. Напротив, англо-французскую делегацию поселили в одной из лучших московских гостиниц.

Панорама пожара в портовой части Лондона после первого массированного налета бомбардировщиков Люфтваффе. 7 сентября 1940 г. На заднем плане – знаменитый Тауэрский мост, один из символов Великобритании

Еще одной черточкой, характеризующей отношение Сталина к договору с Германией, стала процедура его подписания. Договор подписали в том же кабинете, в котором шли переговоры. Никакой пышной церемонии не было. Следует сказать, что текст договора о ненападении в целом соответствовал предложенному советской стороной варианту. Секретный дополнительный протокол был предложен немецкой стороной. Вообще говоря, в первый раз слова о дополнительном протоколе появились в ходе немецкого зондажа еще в июле 1939 года. Тогда он предлагался как дополнение к экономическому соглашению. В секретном дополнительном протоколе в сферу интересов Советского Союза относились прибалтийские государства и Бессарабия, по поводу которой было сказано: «С советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о

ее полной политической незаинтересованности в этих областях». В соответствии с этими договоренностями летом 1940 года последовал захват Красной Армией Бессарабии. Немцы лишь просили в случае вооруженного столкновения не бомбить румынские нефтепромыслы. Однако до этого дело не дошло, поскольку правительство Румынии согласилось на требования СССР, и с 28 июня по 3 июля советские войска заняли Бессарабию и Буковину. Еще менее шумно прошел ввод войск в Прибалтику, где часть латышских, литовских и эстонских дивизий даже стали соединениями Красной Армии. Гитлер рассчитывал, что сообщение о подписании пакта в Москве заставит западные державы отступить. На следующий день после триумфального возвращения фон Риббентропа в Берлин фюрер отдал приказ на наступление на Польшу. Пушки новой войны должны были загреть утром следующего дня, 26 августа. Колесики немецкой военной машины завертелись в нарастающем темпе. Абверкоманда доктора Херцнера получила задание заранее захватить Яблунковский перевал и не допустить взрыва тоннеля на дороге в Краков. Немецкие диверсанты просочились в горы сразу после получения в штабах приказа о наступлении. Однако, вопреки ожиданиям германской верхушки, позиция Великобритании и Франции осталась неизменной. Более того, в тот же час, когда Гитлер привел в движение свои войска, Галифаксом и польским послом Рачиньским в Лондоне было подписано соглашение о военной взаимопомощи. Первым отступил Муссолини. Получив известия из Лондона, дуче официально объявил о своем отказе участвовать в войне. Обескураженный фюрер отменил приказ о нападении на Польшу уже в 20 часов 30 минут того же дня. Однако злосчастная абверкоманда в горах «стоп-приказа» уже не получила. Рано утром 26 августа диверсионный отряд выполнил задание – захватил перевал, охрана тоннеля была заперта в железнодорожном пакгаузе. К вечеру, не дождавшись прибытия частей Вермахта, Херцнер и его люди были вынуждены уйти в горы. Если бы эта вылазка немецких диверсантов стала широко известной, то Вторая Мировая война могла начаться совсем по-другому.

Военный парад немецких войск в Берлине у Бранденбургских ворот. На переднем плане танки PzKpfw I Ausf. В и их экипажи

Собственно утверждения о том, что Пакт Молотова-Риббентропа стал спусковым крючком Второй Мировой, должны были начинаться на этом эпизоде и на нем же заканчиваться, поскольку никакого изменения позиций главных действующих лиц не произошло. Из Лондона Берлину четко указывалось, что платой за вторжение в Польшу будет война с Великобританией и Францией. Гитлер услышал это предупреждение, отменив свой приказ. Вновь начался замысловатый дипломатический танец с обменом меморандумами, нотами, заявлениями и дипломатическими встречами.

Однако решение фюрером было уже принято. В ходе обсуждения плана войны с Польшей в Оберзальцберге еще 22 августа он говорил: «Англия и Франция примут контрмеры, и это следует выдержать. Развертывание войск на Западе начинается». К войне на два фронта Гитлер был готов. Ситуация вернулась на исходные позиции апреля 1939 года, когда германским Генеральным штабом были подготовлены документы по плану «Вайс» («Weiß») - вторжению в Польшу. Потерпела крах как попытка Германии шокировать союзников пактом с СССР, так и попытка британцев и французов напугать Гитлера декларативным союзническим соглашением со Сталиным без обязательств. Трудно сказать, готовы ли были союзники к полноценному военному союзу с Советским Союзом. Ответ, пожалуй, будет отрицательным. Главную роль здесь играла их недооценка военного потенциала СССР. Заключение пакта не было вынужденной мерой и с советской стороны, поскольку непосредственная военная угроза со стороны Третьего рейха в августе-сентябре 1939 года еще отсутствовала.

Раздел сфер интересов в Восточной Европе по секретному дополнительному протоколу к пакту Молотова-Риббентропа. Слева – предполагаемый по протоколу от 23 августа 1939 г., справа – фактический

Соглашение с Советским Союзом как Германией, так и Великобританией и Францией расценивалось как вспомогательное средство в проводимой ими политике. «Разменная карта», может быть, слишком сильное выражение, но реальное положение дел недалеко отстояло от этой хлесткой фразы. Считалось, что сам факт достижения самых общих договоренностей со Сталиным произведет нужное впечатление и воздействие на другую сторону. В одном случае это было соглашение о невмешательстве (пакт Молотова-Риббентропа), в другом – союзнический договор или хотя бы односторонние гарантии. Практическое воплощение в жизнь военного соглашения с СССР с целью обуздания агрессора всерьез не рассматривалось. Одной группе противоборствующих государств (Италии и Германии) военный союз со Сталиным был просто не нужен, вторая (Великобритания и Франция) не была заинтересована в строго оговоренных обязательствах на военном поприще. Баланс сил в Европе пакт Молотова-Риббентропа не изменил. Военные реалии были таковы, что разгром Польши Третьим рейхом был предопределен. Если бы у союзников был четкий и реалистичный план действий на случай войны, а не только замысловатая система запугивания противника, то польское государство могло сохраниться. Впрочем, если бы детализированный план войны все же присутствовал, то и соглашение с СССР так или иначе состоялось бы.

Ошибкой Великобритании и Франции было нежелание рассматривать ситуацию «от войны». Именно это предопределило развитие событий как за столом переговоров в августе, так и на поле боя в сентябре 1939 года. Советский Союз, напротив, с самого начала отстаивал позицию «от войны», но не был услышан. В итоге Сталин оказался перед выбором условий вступления в Мировую войну. Для Москвы пакт Молотова-Риббентропа в военном отношении стал тем же, чем для Лондона был Мюнхенский договор – минимум годичной паузой на подготовку страны к войне. В любом случае рассматривать этот документ как поворотный пункт европейской политики накануне Второй мировой нельзя, поскольку он определял лишь условия и сроки вступления в войну самого СССР. Все прочие события развивались именно так, как их определяли правительства остальных ведущих европейских держав.

Нарком иностранных дел В.М. Молотов подписывает Пакт о ненападении между СССР и Германией. За спиной наркома стоят слева направо: начальник Генерального штаба РККА Б.М. Шапошников, немецкий дипломат Р. Шульце-Коссенс, министр иностранных дел Третьего рейха Й. фон Риббентроп, Генеральный секретарь ЦК КПСС И.В. Сталин, первый секретарь представительства СССР в Германии В.Н. Павлов

Победа на Халхин-Голе

Красноармейцы на Халхин-Голе ведут огонь из 82-миллиметрового батальонного миномета образца 1936 года

В конце июля – начале августа 1939 года разгорелся пограничный конфликт между Советским Союзом и Японией в районе озера Хасан в Приморском крае. Основной причиной конфликта была неопределенность линии границы в практически безориентирной пустынно-степной местности на востоке Монголии между Монгольской Народной Республикой и марионеточным государством Маньчжоу-Го, образованном японской военной администрацией на оккупированной территории Маньчжурии. Командование японской Квантунской армии и правительство Маньчжоу-Го считали, что линия границы проходит по реке Халхин-Гол. В свою очередь, монгольское руководство исходило из начертания границы восточнее реки, к востоку от небольшой деревни Номонган. Разночтения приводили к пограничным стычкам, которые начались задолго до 39-го года. Ни та, ни другая сторона не были настроены решить проблему границы дипломатическим путем.

Две захваченные японцами высоты были отбиты войсками Дальневосточного фронта под командованием В.К. Блюхера. Однако, по мнению штаба японской армии, Советский Союз не сумел показать на Хасане ни тактических новинок, ни искусства в развертывании войск, что подтверждало мнение разведки Квантунской армии о том, что чистки очень неблагоприятно сказались на боеспособности Красной Армии. Как следствие, в начале 1939 года штаб Квантунской армии принял более агрессивные правила применения вооруженной силы, направленные на сокрушение любых попыток СССР проникнуть на маньчжурскую территорию. В итоге в мае 1939-го цепочка пограничных инцидентов переросла в боевые действия с участием частей регулярной армии сторон и советских войск (у Монголии с 1936 года был договор с СССР о взаимопомощи).

С середины мая на Халхин-Голе развернулись бои с использованием бронетехники, артиллерии и авиации. Правда, численность вовлеченных в боевые действия войск на тот момент не превышала нескольких тысяч человек. Решительного результата ни одной из сторон добиться не удалось, однако японская авиация быстро и уверенно завоевала господство в воздухе. Японские пилоты-истребители обладали опытом в воздушных боях в Китае, и советские летчики в Монголии не могли им противостоять на равных.

Неоднозначные результаты первых боев заставили советское руководство принимать срочные меры. Уже 29 мая из Москвы самолетами в район конфликта отправились лучшие авиаспециалисты и опытные летчики (в том числе 11 Героев Советского Союза) во главе с начальником ВВС Красной Армии комкором Я.В. Смушкевичем. Также на Халхин-Гол был направлен Г.К. Жуков. Первоначально он направлялся в качестве наблюдателя, но уже в начале июня занял место командира 57-го особого корпуса. Вскоре корпус был переименован в 1-ю армейскую группу.

В середине июня 1939 года японское командование спланировало наступательную операцию с целью разгрома советских и монгольских войск. План предусматривал переправу через реку и выход по западному берегу в тыл монголо-советской группировке на восточном берегу Халхин-Гола. Предполагалось, что для реализации этого плана достаточно будет одной усиленной танками и артиллерии дивизии. Общее руководство операции поручалось генералу Комацубаре.

В течение июня стороны накапливали силы и вели воздушную войну. К началу июля советские ВВС завоевали качественное и количественное превосходство в воздухе, доведя свою авиационную группировку до 280 самолетов, в основном новых типов. Японские ВВС на Халхин-Голе к началу боев насчитывали около 100-110 машин.

Японское наступление началось 1 июля 1939 года с захвата господствующих высот примерно в 20 километрах к северу от занимаемого советскими и монгольскими войсками плацдарма. 2 июля были захвачены переправа через реку Халхин-Гол и высоты Баин-Цаган на ее западном берегу. Однако переправочные средства японцев не позволили им переправить танки, и последние участвовали только в сковывающих атаках на советско-монгольский плацдарм. Тем не менее наступление в тыл главным силам 57-го корпуса могло привести к самой настоящей катастрофе. Реакция Г.К. Жукова была незамедлительной – высоты Баин-Цаган были атакованы танками. Контрудар готовился в большой спешке, танки и броневые автомобили вступали в бой с ходу, без предварительной подготовки и поддержки пехоты. Однако обстановка требовала нанести удар по японцам как можно скорее. В итоге из 133 танков и 59 бронемашин, задействованных в контрударе, было потеряно 77 танков и 37 бронемашин. Несмотря на потери, наступление противника застопорилось: японская пехота не успела выйти в тыл советским войскам на восточном берегу Халхин-Гола. Вскоре японцы были вынуждены эвакуировать свой плацдарм под ударами танков и артиллерии.

Потерпев неудачу в обходном маневре, японское командование предприняло несколько попыток выбить советско-монгольские войска с восточного берега Халхин-Гола лобовыми ударами. Теперь ставка была сделана на артиллерию. Также в этот период усилились японские ВВС в районе конфликта, их численность возросла до 150 машин. Особенно сильными были атаки 23-25 июля, когда по советским позициям было выпущено 25 тысяч снарядов. Однако ответный огонь советской артиллерии был даже более интенсивным, и все атаки японской пехоты успеха не имели. Потеряв в боях с конца мая по 25 июля свыше 5 тысяч человек убитыми и ранеными, японские войска перешли к обороне. В свою очередь, советское наступление, предпринятое в начале августа, также успеха не имело. В последующие дни обе стороны накапливали силы и готовились к новым наступательным действиям.

Инструктаж японских танкистов у танка «Йи-Го» (Тип 89) на Халхин-Голе. Лето 1939 года. На заднем плане виден танк «Чи-Ха» (Тип 97). Название небольшой реки Халхин-Гол, протекавшей по территории Китая и Монголии, в 1939 году обошло страницы газет всего мира. Здесь, в одном из самых отдаленных уголков земного шара, развернулись бои между войсками Советского Союза и Японии, в которых использовались невиданные доселе массы танков. «Нью-Йорк таймс» называла ее странной войной

К 20 августа 1939 года войска 1-й армейской группы насчитывали около 50 тысяч человек, 530 самолетов, 438 танков и 385 бронев автомобилей. Японские войска на Халхин-Голе на тот момент насчитывали около 30 тысяч человек, объединенных управлением 6-й армии. Поддержку с воздуха им обеспечивали около 200 самолетов. Японское наступление было назначено на 24 августа. На этот раз предполагалось обойти и смять правый фланг советско-монгольских войск и прижать их к болотистой реке Хайластын-Гол, притоку Халхин-Гола.

Однако этим планам не суждено было реализоваться. В 6 часов 15 минут утра 20 августа 1939 года по позициям японцев был нанесен мощный удар советской артиллерии и авиации, а в 9 часов началась атака пехоты по всему фронту. Замысел советского наступления представлял собой «классические канны» – так в военной науке называют операцию на окружение со сковыванием противника в центре и ударами на флангах по сходящимся направлениям. С этой целью основная масса танков и бронемашин была сосредоточена на флангах, в северной и южной группировках советских войск.

«Исюминкой» подготовленной Жуковым операции была быстрота сосредоточения ударных группировок. И северная, и южная ударные группировки переправились на западный берег Халхин-Гола только в ночь на 19 августа. Тем самым была обеспечена внезапность удара утром 20 августа. До 19 августа на восточном берегу реки находились только хорошо знакомые японцам по июльским боям стрелковые части и монгольская конница.

Атака Красной Армии во время боев на Халхин-Голе. Август 1939 г.

Советское наступление действительно оказалось абсолютно неожиданным для японцев. Их разведка полагала, что атаками в начале августа наступления советской стороны ограничатся. Японские аналитики также отказывались верить в возможность снабжения крупной группировки войск в столь удаленном районе. Однако командованию 1-й армейской группы удалось решить все проблемы снабжения войск для крупной наступательной операции. Наступление танков и пехоты развивалось стремительно. Уже к вечеру 23 августа окружение японской группировки было завершено. Бои с окруженными японскими частями продолжались до конца августа 1939 года, а к 31 августа их сопротивление было окончательно сломлено.

Перемирие было объявлено 16 сентября 1939 года. Считается, что память о поражении на Халхин-Голе стала одним из факторов, помешавших Японии вступить в войну с Советским Союзом на стороне Третьего рейха в 1941 году. Для СССР этот конфликт был войной ограниченных масштабов, для победы в которой большая страна задействовала небольшие ресурсы. На Халхин-Гол направили лучших летчиков, самолеты, большое количество боеприпасов всех типов. Все это позволило добиться впечатляющего успеха. Однако в грядущей Великой Отечественной войне ни одна советская армия на фронте не могла рассчитывать на такое внимание, какое было уделено 1-й армейской группе на Халхин-Голе.

Красноармейцы обследуют брошенную японскую технику после боев на реке Халхин-Гол. На переднем плане – легкий танк Тип 95 «Ха-Го». Боец слева осматривает 75-миллиметровое орудие, «улучшенный тип 38», основное полевое орудие Квантунской армии в боях на Халхин-Голе. Несмотря на архаичную конструкцию, это орудие благодаря своему небольшому весу, продержалось в японской армии вплоть до конца войны

Начало Второй Мировой войны

Вид на польский город с места бортстрелка немецкого бомбардировщика «Хейнкель He-111P». Воздушный стрелок вооружен 7,92-мм пулеметом MG-15. Сентябрь 1939 г.

В разгоревшейся 1 сентября 1939 года Второй Мировой войне очень быстро вскрылись те пробелы в планировании, которые обнаружили еще на переговорах в Москве. Осмысленной коалиционной стратегии, четкого плана действий у западных союзников и Польши просто не существовало. Более того, было потрачено время на совершенно бесполезный ультиматум Гитлеру. Война Германии была объявлена Великобританией и Францией только 3 сентября. Импровизированное наступление французской армии в Сааре уже ни на что повлиять не могло. Даже применение авиации было ограниченным. Страх бомбардировок, оказавший негативное влияние на решения Чемберлена в 1938 году, еще присутствовал, поэтому британцы не спешили бросать в бой свои Королевские ВВС – они могли пригодиться им самим для защиты метрополии. Все это сделало коллапс Польши столь стремительным, что Польская кампания Вермахта получила впоследствии название «рождение блицкрига». Рецепт успеха был достаточно прост: против Польши были сосредоточены превосходящие силы немецких войск, а на Западном фронте оставлен лишь относительно слабый заслон.

Ни пакт Молотова-Риббентропа, ни даже секретный дополнительный протокол к нему не накладывали на Советский Союз никаких обязательств, касающихся вторжения в Польшу с целью помощи немецким войскам. Сроки вступления войск в районы к востоку от советско-германской демаркационной линии также никак не оговаривались. Секретный дополнительный протокол вообще не содержал никаких уточнений относительно необходимости использовать вооруженные силы. Когда 8 сентября последовало сообщение о выходе танков Вермахта к Варшаве, на следующий день командованием Красной Армии были подготовлены приказы войскам Белорусского и Киевского военных округов *«к исходу 11 сентября 1939 г. скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника»*. Однако сообщение о захвате польской столицы оказалось преждевременным. В этих условиях ввод войск в «сферу влияния» СССР был отложен.

Советское руководство терпеливо ждало финала драмы. 6 сентября правительство Польши перебралось из Варшавы в Люблин, оттуда 9 сентября оно выехало в Кременец, а 13 сентября – в Залещики, город у границы с Румынией. В ночь на 18 сентября польское правительство покинуло пределы своей страны. Впрочем, с точки зрения принятия советской стороной решения о вводе войск конкретная дата перехода польским правительством границы с Румынией значения не имеет. Части Красной Армии получили приказ о наступлении еще 14 сентября. Однако немцы уже продвинулись далеко на восток, вышли к Бресту и Львову. В 4 часа 20 минут утра 15 сентября Военный совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, в котором говорилось, что *«белорусский, украинский и польский народы истекают кровью <...> Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей – содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Ближайшая задача фронта – уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее литовской границы и линии Гродно-Кобрин»*.

17 сентября Красная Армия вступила на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Ни о каком ударе в спину уже не было речи. Польская армия была разгромлена, и даже без советского вторжения она в лучшем случае продержалась бы неделю.

Солдаты Вермахта ведут бой на улицах польского города Сохачев. Сентябрь 1939 г. Два немца на переднем плане укрываются за мотоциклом BMW R12

Советский средний танк Т-28 вброд форсирует речку у местечка Мир в Польше (ныне – белорусский поселок Мир Гродненской области). Сентябрь 1939 г. По мосту движется грузовая машина ЗиС-5

Сопrotивления продвигающимся на запад советским танковым бригадам и стрелковым дивизиям практически не оказывалось. После нескольких дней маршей и вялых стычек с деморализованными частями Войска Польского Красная Армия вошла в соприкосновение с дивизиями Вермахта. В Бресте состоялся даже торжественный вывод немецких войск и передача города советским войскам, в котором участвовали подразделения 29-й танковой бригады комбрига С.М. Кривошеина. Под контроль СССР перешла территория площадью 196 тысяч квадратных километров (50,4 % территории Польши) с населением около 13 миллионов человек, практически полностью находящаяся в границах так называемой линии Керзона, рекомендованной Антантой в качестве восточной границы Польши в 1918 году. Территория Виленского края вместе с Вильно была передана Литве согласно «Договору о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой», подписанному 10 октября 1939 года. В ноябре 1939-го территории Западной Украины и Западной Белоруссии, после организованного при участии советской стороны «народного волеизъявления», были «воссоединены» с Украинской и Белорусской Советскими Социалистическими Республиками.

Немецкие генералы, в числе которых Гейнц Гудериан (крайний справа), совещаются с представителем Красной Армии в Бресте. Сентябрь 1939 г. В ходе вторжения Вермахта в Польшу 14 сентября 1939 г. Брест был занят 19-м моторизованным корпусом Вермахта под командованием Гейнца Гудериана. 20 сентября Германия и СССР согласовали временную демаркационную линию между своими войсками, Брест отходил в советскую зону. 21 сентября в город вошла советская 29-я отдельная танковая бригада под командованием С.М. Кривошеина

Гитлер изучает карту боевых действий во время вторжения в Польшу. Сентябрь 1939 г. Слева – рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, справа – командир полка СС «Дойчланд» штандартенфюрер Феликс Штайнер

Реакция Запада на вступление Красной Армии в Польшу была достаточно осторожной. Когда польский посол Рачиньский обратился к Галифаксу с вопросом, почему Великобритания не объявит войну Советскому Союзу в соответствии с польско-английским договором, тот ответил: *«Что касается советской агрессии, мы свободны в принятии нашего собственного решения и решить, объявить ли войну СССР или нет»*. В меморандуме для военного кабинета, подготовленном Уинстоном Черчиллем 25 сентября, указывалось: *«Хотя русские повинны в грубейшем вероломстве во время недавних переговоров, однако требование маршала Ворошилова, в соответствии с которым русские армии, если бы они были союзниками Польши, должны были бы занять Вильнюс и Львов, было вполне целесообразным военным требованием. Его отвергла Польша, доводы которой, несмотря на всю их естественность, нельзя считать удовлетворительными в свете настоящих событий. В результате Россия заняла как враг Польши те же самые позиции, какие она могла бы занять как весьма сомнительный и подозреваемый друг. Разница фактически не так велика, как могло показаться. Русские мобилизовали очень большие силы и показали, что они в состоянии быстро и далеко продвинуться от своих довоенных позиций. Сейчас они граничат с Германией, и последняя совершенно лишена возможности обнажить Восточный фронт. Для наблюдения за ним придется оставить крупную германскую армию. Насколько мне известно, генерал Гамелен определяет ее численность по меньшей мере в 20 дивизий, но их вполне может быть 25 и даже больше. Поэтому Восточный фронт потенциально существует»*.

Бойцы Красной Армии наблюдают за торжественным выводом немецких войск из Бреста. 22 сентября 1939 г. По договору о временной демаркационной линии Брест отходил в советскую зону оккупации. Вывод немецких частей из Бреста, при котором присутствовали красноармейцы, часто именуют «совместным парадом» Вермахта и РККА, хотя это неверно – советские войска не проходили торжественным маршем по городу вместе с немецкими. Миф о брестском параде широко используется для отождествления СССР и Третьего рейха

Советско-финская война 1939-1940 гг

Бойцы Красной Армии выкапывают пограничный столб у реки Сестры в районе пограничной заставы Майонила. 1939 г.

В конце 1939 года начался вооруженный конфликт между Советским Союзом и Финляндией, известный также как «зимняя война». Конфликт возник после провала переговоров об изменении границы двух государств, начатых еще в 1938-м. Москва предлагала Хельсинки обмен территорий на Карельском перешейке на подступах к Ленинграду на обширные пространства Карелии и возмещение стоимости оставляемой финскими гражданами собственности. Финляндию этот территориальный обмен не устраивал, в том числе из-за потери строившихся в 1920-1930 годах на Карельском перешейке между Финским заливом и Ладожским озером укреплений так называемой Линии Маннергейма, предназначенной для сдерживания возможного вторжения со стороны советского соседа. При этом сам фельдмаршал Карл Густав Эмиль Маннергейм отзывался о ней в весьма сдержанных тонах: *«Её образовывали только редкие долговременные пулемётные гнёзда да два десятка выстроенных по моему предложению новых дотов, между которыми были проложены траншеи. Эту позицию народ и назвал «Линией Маннергейма». Её прочность явилась результатом стойкости и мужества наших солдат, а никак не результатом крепости сооружений»*.

Переговоры зашли в тупик, и 30 ноября 1939 года Красная Армия вступила на территорию Финляндии. В свою очередь, финские вооруженные силы уже успели отобилизоваться и были почти полностью готовы к отражению агрессии. Советские войска вели наступление на нескольких направлениях: на Карельском перешейке, в пространстве между Ладожским и Онежским озерами, в Карелии и на Севере. По всему фронту 425 тысячам бойцов Красной Армии противостояло 265 тысяч финских военнослужащих. Несмотря на массированное использование бронетехники, штурм Линии Маннергейма в декабре потерпел неудачу. Причиной этого стали плохое взаимодействие родов войск Красной Армии и неподготовленность бойцов к штурмовым действиям в атаках финских ДОТов – долговременных огневых точек. Многочисленные советские легкие танки с тонкой броней несли большие потери от огня противотанковой артиллерии противника. Вместе с тем танковые атаки финнов и их попытка контрнаступления провалились.

Если на Карельском перешейке Красная Армия потерпела неудачу, то в пространстве между Ладожским и Онежским озерами и в Карелии наступление обернулось рядом катастроф. Пользуясь пассивностью командиров частей и недостаточным вниманием к защите тыловых коммуникаций, финны с помощью лыжных отрядов перехватили линии снабжения нескольких советских дивизий и фактически окружили их. Наступившие в январе 1940 года жестокие морозы усугубили трагедию окруженных и привели к большим потерям. Лейтенант М.И. Лукинов вспоминал: *«Мы стали подходить непосредственно к фронту. Первое, что нас поразило, – это неубранные замерзшие трупы наших солдат и офицеров, уже запорошенные снегом. Они лежали там, где их застала смерть, в самых разных позах»*. Фотографии многочисленных трофеев, доставшихся финским войскам, обошли страницы мировой прессы и нанесли большой урон репутации Красной Армии. Впоследствии негативный опыт войны с Финляндией заставил советское военное руководство обратить более серьезное внимание на вопросы боевой подготовки войск и ведения боевых действий в зимних условиях.

Финские военнослужащие на дороге Раате-Суомуссалми осматривают разгромленную колонну советской 44-й стрелковой дивизии. Северная Карелия, январь 1940 г. На переднем плане – два легких танка Т-26, далее – три малых плавающих танка Т-37А. За разгром дивизии по приговору трибунала были расстреляны ее командир комбриг А.И. Виноградов, начальник штаба полковник О.И. Волков и полковой комиссар И.Т. Пахоменко

«Принимай нас, Суоми-красавица!» Наступление частей советской 7-й армии в Карелии. Декабрь 1939 г.

Оперативная пауза в период сильных морозов в январе 1940-го была использована советским командованием для накопления сил, разведки укреплений линии Маннергейма и разрушению ее укреплений огнем артиллерии большой мощности. Приведение к молчанию большинства ДОТов, преграждавших дороги в глубь Карельского перешейка, позволило Красной Армии 11 февраля начать новое наступление, которое завершилось прорывом линии Маннергейма на выборгском и кегскольском направлениях. Потеря линии укреплений и истощение резервов заставило правительство Финляндии пойти на переговоры с руководством Советского Союза. 12 марта в Москве был подписан мирный договор, согласно которому боевые действия на советско-финском фронте прекращались на следующий день ровно в полдень по московскому времени. Доброволец Г.В. Прусаков вспоминал: *«По подразделениям, по цепочкам, по личному составу была команда – в 12 часов 13 марта должен быть прекращен огонь. И утром такая канонада была – как с нашей, так и с финской стороны! Лупили как могли. В 12 часов – муха пролети, слышно было бы. Ни одного выстрела. Мертвая тишина. Даже не верится, что так могло быть».*

По мирному договору Советскому Союзу отходили территории на Карельском перешейке со вторым по величине городом Финляндии – Выборгом и ряд островов в Финском заливе. Также СССР получал в аренду на тридцать лет военно-морскую базу в Ханко. 430 тысяч финнов были вынуждены оставить свои дома и переселиться в глубь страны. Когда накануне подписания договора глава финской делегации Юхо Кусти Паасикиви завел речь о компенсации за передаваемую территорию, Молотов, вспомнив, что по Ништадтскому миру 1721 года Россия заплатила Швеции два миллиона серебряных талеров, ответил: *«Пишите письмо Петру Великому. Если он прикажет, то мы заплатим компенсацию».*

Безвозвратные потери Красной Армии в Советско-финской войне составили почти 127 тысяч человек. Финны потеряли убитыми и пропавшими без вести в пять с половиной раз меньше – около 23 тысяч солдат. Не менее сильным был и удар по престижу Советского Союза на международной арене. Как отмечал известный немецкий военный историк бывший генерал Вермахта Курт фон Типпельскирх, *«во всем мире сложилось неблагоприятное мнение относительно боеспособности Красной Армии. Несомненно, впоследствии это оказало значительное влияние на решение Гитлера (напасть на СССР. – Прим. авт.)».*

Т-28 – первый в СССР средний танк, запущенный в массовое производство (всего было выпущено более 500 машин). В середине 1930-х гг. эта трехбашенная машина создавалась для увеличения огневой мощи дивизий, оснащенных легкими танками Т-26, прорыва тяжелых укреплений противника и на момент разработки обладал выдающимися тактико-техническими характеристиками. Опытный образец танка был вооружен 45-мм пушкой и имел конструкцию корпуса отличную от машины, которая пошла в серию. В дальнейшем Т-28 оснащались 76-мм короткоствольной, а затем и длинноствольной пушкой и тремя пулеметами ДТ. Проводились эксперименты по установке на танк 85-мм пушки. Боевое крещение Т-28 приняли во время Советско-финской войны 1939-1940 гг. и в боях начального периода Великой Отечественной. Хотя этот танк остался в тени Т-34 и КВ по меркам 1941 г. это была достаточно современная боевая машина. Танк отличался хорошей надежностью, а его ремонтпригодность была просто феноменальной. К примеру, во время «зимней войны» некоторые Т-28 подбивались и восстанавливались до пяти раз. В начале Великой Отечественной большую часть оставшихся машин модернизировали и оснастили дополнительными броневыми экранами, приблизительно приравняв к немецкому среднему танку PzKpfw IV. Однако лишь считанные единицы этих машин остались в строю до 1944 г., когда приняли участие в прорыве блокады Ленинграда. Всего в мире сохранилось 4 экземпляра Т-28. Один из них находится в экспозиции под открытым небом Центрального музея Вооруженных сил в Москве. Остальные в Финляндии – две машины в экспозиции танкового музея в Пароле и одна на территории воинской части в Миккели. Хотя этот танк остался.

Тактико-технические характеристики: масса – 27,8 кг, экипаж – 6 чел., длина – 7440 мм, ширина – 2800 мм, высота – 2820 мм, вооружение – 76,2-мм пушка, четыре 7,62-мм пулемета, бронирование – до 30 мм, мощность двигателя – 500 л.с, скорость по шоссе – до 40 км/ч, запас хода по шоссе – 180 км.

Ленинградцы приветствуют танкистов 20-й танковой бригады на средних танках Т-28, возвращающихся с Карельского перешейка после окончания Советско-финской войны. Апрель 1940 г.

Бойцы подразделения инженерного ОСНАЗ, вооруженные 6,5-мм автоматами Федорова, сидят на покрытии из бетонных блоков одного из финских ДОТов. Февраль-март 1940 г. Автомат Федорова – автоматическая винтовка калибра 6,5 мм, разработанная русским оружейником В. Г. Федоровым в 1913-1916 г., считается далеким предшественником современного поколения автоматических винтовок

Реформирование и перевооружение Красной Армии

«Экипаж машины боевой». Советские танкисты и средний танк Т-34-76. 1941 год

Первым шагом руководства Советского Союза сразу по окончании войны с Финляндией стало реформирование структуры Красной Армии. Размер советских вооруженных сил вырос с полутора миллионов человек в августе 1939 года до 5 миллионов к июню 41-го. Приграничные дивизии содержались в штате, составлявшем примерно 70 % от численности

военного времени, а дивизии в глубине страны – около 30 % от штата военного времени. В танковых войсках от бригад 1930-х годов перешли к более сбалансированным соединениям – дивизиям, объединявшим в единое целое танки, моторизованную пехоту и артиллерию. Правда, в этом процессе не обошлось без перегибов: весной 41-го из стрелковых дивизий и корпусов изъяли легкие танки поддержки пехоты, тем самым оставив их без штатных танковых частей и породив массу формально механизированных, но неспособных к самостоятельным действиям соединений. 5 мая на выступлении перед выпускниками военных училищ Сталин с гордостью говорил: *«Раньше существовало 120 дивизий в Красной Армии. Теперь у нас в составе армии 300 дивизий. Из общего числа дивизий третья часть – механизированные дивизии».*

Другим важным шагом советского правительства в рамках реформирования армии была модернизация военной промышленности. В 1930-е годы СССР строил свою оборонную промышленность практически с нуля и крайне нуждался в новых станках, материалах и технологиях. Однако из-за войны с Финляндией Страна Советов оказалась в международной изоляции, и только торгово-экономическое сотрудничество с Германией позволило приобрести крайне необходимые материалы, оборудование и технологии, недоступные в то время на других рынках, в обмен на поставки некоторых видов сырья. Закупленные у немцев оборудование и новейшие образцы вооружения способствовали интенсивному развитию советской военной промышленности. К примеру, самая массовая противотанковая пушка Красной Армии, знаменитая «сорокапятка», была усовершенствованная отечественными конструкторами орудием фирмы «Рейнметалл-Борзиг» (*«Rheinmetall-Borsig» AG*). Авиационный двигатель М-17 являлся не чем иным, как лицензионным авиадвигателем BMW VI, 203-миллиметровые снаряды на головы солдат рвущейся к Ленинграду немецкой группы армий «Север» обрушивал тяжелый крейсер («карманный линкор») «Петропавловск» – бывший «Лютцов» (*«Lützow»*), заложенный в 1937 году на верфи в Бремене и в феврале 1940-го купленный у Третьего рейха. Немецкие станки использовались при производстве новейших советских средних танков Т-34-76.

Новейшие советские высотные истребители МиГ-3 в сборочном цеху

Эскадрилья МиГ-3 на аэродроме

Приоритетной областью расхода советских бюджетных средств стала авиапромышленность. В 1940 году ассигнования на ее развитие составили 40 % от всего военного бюджета СССР. Уже к осени советские авиазаводы, перейдя на режим работы военного времени, перескочили «немецкий рубеж» – 25 самолетов в день – и выпускали до 70-100 самолетов в сутки. Аналогичные процессы шли и в других отраслях. 1940 год стал знаковым в перевооружении танковых войск, вместо танков с противопульной броней и батальонными (серии БТ, Т-26) или полковыми (Т-28) пушками в производство пошли танки с противоснарядным бронированием и пушками дивизионного класса (средний Т-34-76 и тяжелые КВ-1 и КВ-2). Зима 1941-го стала финалом в выпуске артиллерийских систем, доставшихся Советскому Союзу в наследство от Российской империи, -122- и 152-миллиметровых гаубиц, созданных еще до Первой мировой войны и модернизированных в начале 30-х годов. Их место на конвейерах заняли орудия образца 1938 года. Опыт «зимней войны» с Финляндией заставил советское военное руководство пересмотреть свои взгляды на пистолеты-пулеметы как дорогое оружие сомнительной эффективности. Было восстановлено свернутое в 1939 году производство 7,62-миллиметровых пистолетов-пулеметов конструкции В.А. Дегтярева, и к июню 1941-го в дивизиях приграничных армий их количество исчислялось уже сотнями штук, тем самым вплотную приближаясь к штату дивизий Вермахта – один пистолет-пулемет на вооружении командира отделения пехотинцев. Также на вооружении советских войск состояла самозарядная винтовка СВТ – оружие, не имевшее аналогов в немецкой армии. В то же время в перевооружении Красной Армии были и слабые места. К примеру, производство технологически сложных зенитных автоматических пушек калибра 37 миллиметров, являвшихся незаменимым средством борьбы с авиацией противника, промышленность СССР освоила только в 1939-1940 годах.

Первый опытный образец тяжелого танка КВ (У-0) перед отправкой в Москву. Сентябрь 1939 г. В башне танка смонтированы два орудия – 45-мм и 76-мм. В декабре 1939 г., перед отправкой У-0 в 20-ю тяжелую танковую бригаду, 45-мм орудие было снято

Советский танк А-34 – прототип легендарного Т-34 на испытаниях. Весна 1940 года. Забрасывание моторного отсека бутылками с горючей смесью

Напротив, немцы смогли полностью модернизировать артиллерию своей армии в 1920-1930-х годах. Формальные ограничения, наложенные Версальским договором, обходились ими весьма бесхитростным образом – орудиям присваивался индекс, говорящий о том, что оно разработано в 1918 году. Иногда это приводит к ошибочным утверждениям, что Вермахт вооружался орудиями эпохи Первой Мировой войны. В действительности основа дивизионной артиллерии немцев, 10,5-сантиметровая легкая полевая гаубица leFH 18 была разработана на «Рейнметалле» в 1929-1930 годах и начала службу в 1935 году. Полковое орудие 7,5-сантиметровое leichtes InfanterieGeschütz 18, или, сокращенно, 7,5-см leIG 18, было

разработано сразу после войны и пошло в серию в 1927 году. 10-сантиметровая Канноне 18 была разработана в 1926–1930 годах и поступила в войска в 1933-1934 годах.

Сравнивая возможности техники противоборствующих сторон, всегда нужно помнить, что в 1941 году Советский Союз вступил в схватку с промышленно развитой европейской державой, обладавшей ко всему прочему опытом войны с такими же промышленно развитыми государствами Европы в ходе Первой Мировой. В Германии в 1940 году было 125 тысяч металлорежущих станков, а в СССР – только 58 тысяч, более чем вдвое меньше. Это, безусловно, оказывало влияние на количество выпускаемых на советских заводах артиллерийских орудий.

Легкие бронеавтомобили БА-20М на Манежной площади Москвы перед парадом 7 ноября 1940 г. Первый ряд составляют машины, оборудованные радиостанциями 71-ТК-1 с поручневой антенной

УКРЕПРАЙОНЫ

На Линии Молотова укрепрайоны по фронту достигали 100-120 километров и состояли из трех-восьми узлов обороны. Каждый узел обороны состоял из трех-пяти опорных пунктов. Узел обороны укрепрайона удерживал отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Линия Молотова должна была стать созданной по последнему слову тогдашней фортификационной техники системой линии обороны, надежной опорой приграничных войск Красной Армии. ДОТы на Линии Молотова были защищены стенами толщиной 1,5-1,8 метров а толщина перекрытий – до 2,5 метра. Если лишь небольшая часть сооружений Линии Сталина на старой границе была артиллерийской, то на Линии Молотова орудиями калибра 45 и 76,2 миллиметра предполагалось оснастить почти половину сооружений. Артиллерийское вооружение имелось не только в большем количестве, но и в лучшем качестве. Высокую оценку немцев впоследствии получили шаровые установки 76,2-миллиметровых капонирных орудий Л-17, эффективно защищавшие гарнизоны артиллерийских ДОТов от огнеметов. Кроме того, УРы Линии Молотова помимо 45- и 76,2 миллиметровых орудий, установленных в ДОТах, имели и собственные артиллерийские части с гаубичной артиллерией. Хотя по плану Брестский УР не должен был быть самым сильным, фактически в июне 1941 года он был лидером по числу построенных сооружений. Однако не все построенные ДОТы были обсыпаны и замаскированы. Отсутствие земляной обсыпки не только маскировало бетонные коробки, но и закрывало трубы подходивших к ним кабелей. Впоследствии трубы коммуникаций стали «ахиллесовой пятой» многих ДОТов, позволявших немцам подрывать их или вводить внутрь сооружений огнеметы.

Выпускавшиеся новые танки Т-34 и КВ имели серьезные механические и конструктивные проблемы. По результатам испытаний «Тридцатьчетверки» осенью 1940 года были сделаны следующие неутешительные выводы: *«В представленном на испытания виде танк Т-34 не удовлетворяет современным требованиям к данному классу танков по следующим причинам: а) огневая мощь танка не может быть использована полностью, вследствие непригодности приборов наблюдения, дефектов вооружения и оптики, тесноты боевого отделения и неудобства пользования боеукладкой; б) при достаточном запасе мощности двигателя и максимальной скорости, динамическая характеристика танка подобрана неудачно, что снижает скоростные показатели и проходимость танка; в) тактическое использование танка в отрыве от ремонтных баз невозможно, вследствие ненадежности основных узлов – главного фрикциона и ходовой части».*

Проблемами с качеством изготовления смотровых приборов и главным фрикционом недостатки Т-34-76 отнюдь не исчерпывались. Также серьезным недостатком новейших советских танков, как среднего Т-34-76, так и тяжелого КВ, был недостаточный ресурс установленного на них дизельного двигателя В-2. Гарантийный срок в 100 часов для маневренных сражений грядущей Большой войны был явно недостаточен.

Довоенные танки производства Харьковского тракторного завода. Слева направо: легкий танк БТ-7М, опытный легкий танк А-20, средний танк Т-34-76 образца 1940 г. с пушкой Л-11 (1940 г.), Т-34-76 образца 1941 г. с пушкой Ф-34

Схожие проблемы были и с самолетным парком. Например в докладной записке начальника 3-го отдела Западного особого военного округа П.Г. Бегмы первому секретарю Центрального Комитета компартии Белоруссии П.К. Пономаренко за пять дней до начала Великой Отечественной войны, 17 июня 1941 года, указывалось: *«Истребительные авиационные полки 9-й смешанной авиационной дивизии – 41, 124, 126 и 129-й – для перевооружения получили 240 самолетов МиГ-1 и МиГ-3. В процессе освоения летно-техническим составом самолета МиГ-1-МиГ-3 по состоянию на 12.6.41 г. произошло 53 летных происшествия. В результате этих происшествий полностью разбиты и ремонту не подлежат 10 самолетов, 5 требуют заводского ремонта и 38 самолетов требуют крупного ремонта в авиационных мастерских. Итого выведено из строя 53 самолета. По различным заводским дефектам самолета и мотора временно непригодно к эксплуатации свыше 100 самолетов. Таким образом, в настоящее время на все полки 9-й смешанной авиационной дивизии имеется исправных 85-90 самолетов на 206 летчиков, вылетевших на самолетах МиГ-1 и МиГ-3».*

Неважные пилотажные качества новых истребителей усугублялись недостатками вооружения. В том же докладе отмечалось: *«При пристрелке пулеметов БС в апреле-мае месяцах с.г. большинство пулеметов по различным заводским дефектам совершенно не стреляли».* У «МиГа» оставались еще 7,62-миллиметровые пулеметы ШКАС, но и с ними не все было в порядке. Так, в докладе о состоянии 9-й смешанной авиационной дивизии в качестве серьезного недостатка новой матчасти отмечалось: *«Установки пулеметов ШКАС заводом № 1 не отлажены, в результате пулеметы не стреляют или дают сплошные задержки».*

РЕПРЕССИИ В КРАСНОЙ АРМИИ

В оценке репрессий 1930-х годов встречаются два противоположных друг другу направления. Согласно первому, репрессии являются едва ли не основной причиной катастроф 1941 года. Сторонники второго объявляют чистки жизненно необходимыми и положительно сказавшимися на боеспособности Красной Армии. Однако обе эти точки зрения одинаково далеки от действительности. Сторонники теории о фатальности репрессий исходят из ложного тезиса о том, что РККА до них была хорошо укомплектована командным составом и хорошо подготовлена. Но, к примеру, на маневрах в сентябре 1935 года из 18 соединений от бригады и выше управлялись командирами, не соответствующего масштабам соединения ранга. Многие комбриги командовали дивизиями, а комдивы – корпусами. В 1928 году, когда численность Красной Армии составляла 529 тысяч человек, 48 тысяч из них были офицерами. В 1933 году армия выросла до 900 тысяч человек и требовалась уже 81 тысяча офицеров. К 1937 году для управления 1,3-миллионной армией требовалось 117 тысяч офицеров, а имелось только 107 тысяч. В 1937 году при численности офицерского корпуса 144 300 чело-

век было репрессирован и числилось исключенными из состава армии на май 1940 года 11 034 человека. Это 7,7 % численности офицерского корпуса. В 1938 году из 179 000 командиров было репрессировано и не восстановлено в правах к маю 1940 года 6742 человека, или 3,3 % численности. Подсчитаны именно репрессированные, поскольку иногда в число пострадавших от чисток записывают уволенных из армии по причинам, далеким от политики. Это пьянство, моральное разложение, уголовные преступления, убыль по болезни или смерти. Наиболее значимым фактором, вызывавшим некомплект командных кадров к 1941 году был рост численности армии. Однако нельзя вообще исключать репрессии из списка причин наших неудач 1941 года. Жертвами борьбы за власть стали многие талантливые командиры и военные теоретики. Небольшие удельные цифры числа репрессированных по отношению к общей численности офицерского корпуса не показывает того разгрома, который пережили высшие звенья советской военной пирамиды.

Пять первых маршалов Советского Союза. Сидят (слева направо) – М.Н. Тухачевский, К.Е. Ворошилов, А.И. Егоров. Стоят (слева направо) – С.К. Буденный, В.К. Блюхер. В результате репрессий 1937-1938 годов М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров и В.К. Блюхер были расстреляны.

СБ – советский скоростной фронтовой бомбардировщик, разработанный в начале 1930-х гг. в конструкторском бюро А.Н. Туполева и к 1941 г. составлявший 90 % бомбардировочной авиации ВВС Красной Армии. СБ стал первым советским самолетом, чье лицензионное производство было налажено за рубежом – чешские заводы под обозначением В.71 выпустили более сотни таких бомбардировщиков. Впоследствии эти машины использовались Люфтваффе и сателлитами Третьего рейха. В СССР за шесть лет серийного производства было построено около 7 тысяч СБ, которые воевали в небе Испании, Китая, Халхин-Гола и в ходе Советско-финской войны 1939-1940 гг. По отзывам летчиков этот самолет, получивший прозвище «Катюша», был отличной в пилотировании, но совершенно неустойчивой к боевым повреждениям машиной. Баки самолета не имели протектора, защищавшего от вытекания бензина при его повреждении, он не был оборудован системой подачи инертного газа в баки, вытеснявшего пожароопасные бензиновые пары. Казалось бы, в предвоенные годы можно было провести мероприятия по модернизации бомбардировщика, но в 30-х гг. прошлого столетия скорость развития авиации была сопоставима со скоростью развития современной электроники, поэтому тратить средства и время на совершенствование машины, которая все равно морально устареет через несколько лет, никто не собирался. Предполагалось, что в случае крупномасштабной войны советские летчики пойдут в бой на современной технике нового поколения, однако этим планам не суждено было сбыться.

Технические характеристики: экипаж – 3 человека; размеры: длина – 12,57 м, размах крыла – 20,33 м, высота – 3,48 м, площадь крыла – 56,7 м²; масса: пустого – 4768 кг, снаряженного – 7880 кг, двигатели – два М103 мощностью 960 л.с; скорость: максимальная – 450 км/ч, крейсерская – 375 км/ч; практическая дальность – 2300 км; практический потолок – 7800 м; скороподъемность – 9,5 м/с; длина разбега/пробега – 300-350 м; вооружение: пулеметное – шесть 7,62-мм пулеметов ШКАС; бомбовая нагрузка – 600 кг.

Предвоенные оценки были вскоре подтверждены в воздушных боях с самолетами Люфтваффе. В отчете штаба ВВС Западного фронта за 1941 год прямо указывалось, что стрелковое вооружение новых истребителей давало большое количество отказов. В отношении истребителей конструкции Микояна отмечалось: *«На самолетах МиГ-3 на первых сериях были плохо подогнаны головки питания к пулеметам ШКАС, рукава питания к головкам и не отработана синхронная передача»*. Вкупе с проблемами с 12,7-миллиметровым пулеметом БС неотработанная подача на 7,62-миллиметровых ШКАС делала «МиГ» «голубем мира». Читая сухие формулировки *«совершенно не стреляли», «дают сплошные задержки»* или *«трудно и не без риска для жизни»*, остается только позавидовать мужеству летчиков, воевавших на этой технике.

Одним из масштабных мероприятий военного строительства в СССР в 1941 году стали бетонные взлетно-посадочные полосы. В докладе наркома обороны С.К. Тимошенко в СНК

Союза СССР, ЦК ВКП(б) и Комитет Оборона при СНК Союза СССР было сказано следующее: *«На Западе в период весенней и осенней распутицы можно производить полеты не более чем на 61 аэродроме; в Киевском и Западном особых военных округах – только на 16 аэродромах, что совершенно недостаточно»*. Действительно, советские ВВС активно развивались, и им нужно было время на боевую учебу. Раскисание аэродромов в распутицу было серьезным сдерживающим фактором. Соответственно в докладе Тимошенко предлагалось: *«Чтобы обеспечить круглогодичную работу авиации, хотя бы из расчета одного полка на авиадивизию, требуется построить на 70 аэродромах бетонные и грунто-асфальтовые взлетно-посадочные полосы»*. После некоторого обсуждения количество аэродромов, подлежащих оборудованию бетонными взлетно-посадочными полосами (ВПП), было существенно расширено. В итоге к июню 1941 года работы велись: в ПриОВО – на 23 аэродромах; в ЗапОВО – на 62 аэродромах; в КОВО – на 63 аэродромах. К сожалению, это оказалось благое намерение, которым была вымощена дорога в ад. К началу войны ВПП построить не успели, а аэродромы оказались перекопаны и загромождены строительной техникой. Фактически строительство бетонных ВПП, развернутое весной 1941 года, к 22 июня было в самом разгаре и существенно сузило аэродромный маневр авиасоединений приграничных округов.

Однако самым амбициозным предвоенным проектом стали не бетонные ВПП на аэродромах и даже не перевооружение армии на новейшие танки Т-34 и КВ. Им стало строительство укреплений на новой границе, получивших неофициальное наименование Линия Молотова. Укрепленные районы – УРы – на новой границе начали строиться в 1940 году.

Рекогносцировка границы на предмет строительства УРов началась под руководством лучших советских инженеров-фортификаторов, в том числе легендарного генерала Д.М. Карбышева, уже осенью 1939 года.

Укрепленные районы на новой границе могли сыграть важную роль в начальный период войны при выполнении двух условий: во-первых, они должны были быть достроены, а во-вторых, УРы должны были быть заняты войсками, а не только гарнизонами сооружений. Однако хотя УРы ЗапОВО были в достаточно высокой степени готовности, число построенных и боеготовых сооружений было невелико. Также не все из построенных ДОС успели вооружить. В сравнении с другими участками линии Молотова УРы на территории КОВО были в наибольшей готовности как по числу боеспособных сооружений, так и по общему проценту готовности. Большинство УРов КОВО оказалось в полосе немецкого наступления и оказало определенное влияние на развитие событий в первые дни Великой Отечественной войны.

Легендарный военный инженер генерал – лейтенант Д.М. КАРБЫШЕВ (1880-1945). В начале июня 1941 года Д. М. Карбышев был командирован в Западный Особый военный округ. Великая Отечественная война застала его в штабе 3-й армии в Гродно. Через 2 дня он перешёл в штаб 10-й армии. 27 июня штаб армии оказался в окружении. 8 августа 1941 года при попытке выйти из окружения генерал Карбышев был тяжело контужен в бою в районе Днепра. В бессознательном состоянии был захвачен в плен. В плену неоднократно получал от немцев предложения о сотрудничестве. Несмотря на свой возраст, был одним из активных руководителей движения сопротивления в нацистских концлагерях. Погиб после зверских пыток в австрийском концлагере Маутхаузен. В Советском Союзе его имя стало символом негибаемой воли и стойкости.

Красноармейцы в строю на Красной площади во время первомайского парада. 1941 г.
На переднем плане – бойцы в звании сержанта

Рождение плана «Барбаросса»

Адольф Гитлер с генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем изучает карту в процессе подготовки плана нападения на СССР «Барбаросса»

После подписания пакта Молотова-Риббентропа в обеих странах произошли значительные изменения в области пропаганды. В СССР яростная антифашистская риторика сменилась на общую антибуржуазную. Хотя отношение к Гитлеру простых людей не стало лучше, вместе с тем договор многими советскими гражданами был воспринят как гарантия

неприкосновенности советских границ. В ходу были такие фразы: «*Войны не может быть, ведь с немцами же заключили договор о ненападении!*»; «*Мы же торгуем с Германией и доставляем ей хлеб, нефть, уголь. Какая может быть война?*»; «*Молотов недаром ездил к Гитлеру. Они договорились о мире!*» Немцы так же стали рассматривать СССР как ключевого партнера. Вольфганг Морелль вспоминал: «*Россия была для нас закрытой страной. Я слушал немецкий голос из Москвы по радио, но это было не интересно – сплошная пропаганда. В 1939 году, когда был заключен договор, произошел поворот в отношениях наших стран. Мы видели советские войска, солдат, офицеров, танки, и это было очень интересно. Некоторые мои товарищи по школе начали учить русский язык. Они говорили, что в будущем между нашими странами будут тесные экономические отношения и надо уметь говорить по-русски*».

Разумеется обыватели не имели информации ни о масштабных реформах в армии СССР, ни о начавшейся в Генеральном штабе Вермахта разработке планов операции против СССР. Термин «блицкриг» – молниеносная война – как правило, ассоциируется с лязгом гусениц танков, воем пикирующих бомбардировщиков Junkers Ju 87 «Stuka» и несущимися по пыльным дорогам мотоциклистами. Однако это были лишь новейшие инструменты для решения вечной задачи скорейшего завершения военных действий. Немцы не имели возможности вести длительную войну на истощение и потому постоянно искали возможность быстрого сокрушения своих противников. В Третьем рейхе эта идея выкристаллизовалась в концепцию уничтожения армии противника быстрее, чем жертва агрессии сможет поставить под ружье всех, кто способен держать в руках оружие. В сентябре 1939 года Польское государство перестало существовать, несмотря на то что в нем оставалось еще более миллиона человек призывного возраста. В 1940 году во Франции также не были исчерпаны людские резервы к моменту подписания перемирия. Однако вся Французская кампания Вермахта заняла всего 44 дня (с 10 мая по 22 июня), а Польская – лишь 36 суток (с 1 сентября по 5 октября, когда прекратили сопротивление последние регулярные части польской армии). Обе страны не смогли создать новых дивизий взамен разгромленных у границ. Те, кто мог бы сражаться в их составе, позднее стали бойцами французского Сопротивления (*Resistance*) и гибли под гусеницами немецких танков в огне Варшавского восстания 1944 года.

Основной проблемой планирования была абсолютно непригодная для ведения боевых действий область Припятских болот в центре Советско-германской границы. Эта область разделяла немецкие группировки севернее и южнее болот, лишая их возможности взаимодействия между собой. Поэтому предполагалось севернее Припятских болот осуществить окружение группировки Красной Армии 3-й танковой группой Германа Гота, наступавшей из Сувалкского выступа на границе между Белоруссией и Прибалтикой и 2-й танковой группой Гейнца Гудериана из района Бреста. Южнее Припятских болот «клещи» состояли из танковых соединений 1-й танковой группы Эвальда фон Клейста и пехотных дивизий 11-й армии Ойгена Шоберта. В Прибалтике самостоятельную задачу получала 4-я танковая группа Эриха Гепнера. Конечной целью операции «Барбаросса» было создание заградительного барьера по общей линии Архангельск-Астрахань.

Серьезно затрудняло планирование операции против Советского Союза отсутствие разведывательных данных. Как отмечал известный немецкий военный историк бывший генерал Люфтваффе Вальтер Швабедиссен, «*возможность сбора информации в России сильно ограничивалась тем, что страна полностью отгородилась от остального мира. Ситуация осложнялась еще и беспомощностью немецкой разведки, до 1935 г. находившейся в стадии становления и до 1938 г. не предпринимавшей особых шагов против России. После заключения советско-германского договора о дружбе 1939 г. по указанию Гитлера Верховное командование вооруженных сил Германии издало декрет, категорически запрещающий*

сбор разведанных о Советском Союзе <...> Деятельность разведки возобновилась только в середине 1940 г., когда уже было потеряно много драгоценного времени».

Аэрофотоснимок аэродрома Смоленск-1, сделанный самолетом-разведчиком Люфтваффе. Аэродром с ангарами и взлетно-посадочными полосами отмечен в левой верхней части снимка. На фотографии также указаны другие стратегические объекты: казармы (слева внизу, отмечены литерой «В»), крупные мосты, батареи зенитной артиллерии (вертикальная черта с кружком)

Для сбора информации немцам пришлось положиться на «Команду Ровеля» («*Kommando Rowehl*») – секретное подразделение Люфтваффе, вооруженное дальними разведчиками Ю-86. Свое название оно получило по имени своего командира полковника Теодора Ровеля и с января 1941 года занималось фотографированием территории Советского Союза. При отсутствии у СССР сплошного поля обзора воздушного пространства радиолокаторами полеты на высотах свыше 10 тысяч метров были относительно безопасными. Однако далеко не все из них проходили гладко. Так, 15 апреля Ю-86Р, вылетевший для фотографирования в район Житомира, из-за неисправности двигателя был вынужден снизиться и тем самым раскрыть себя. В районе Ровно его сбил советский истребитель. На допросах пилоты совершившего вынужденную посадку «Юнкерса» упорно твердили, что заблудились во время тренировочного полета вокруг Кракова и потеряли ориентировку. От летчиков, сбитых в паре сотен километров от границы, это звучало не очень убедительно. К тому же в обломках их самолета нашли карту приграничных областей Советского Союза.

С середины апреля до середины июня 1941 года полеты «Команды Ровеля» осуществлялись с завидной систематичностью – по три вылета в день. Главной задачей самолетов-разведчиков было обновление информации, собранной в аналогичных полетах весной 1940 года. В июне 41-го «Юнкерсы», «Хейнкели» и «Дорнье» каждый день фотографировали районы расположения войск Красной Армии. Если в течение мая и первых десяти дней июня был зафиксирован 91 пролет самолетов-нарушителей, то с 10 по 19 июня их было уже 86. И это при том, что фиксировались далеко не все пролеты и помимо высотных самолетов-разведчиков советско-германская граница постоянно нарушалась обычными самолетами-разведчиками, которые занимались фотосъемкой пограничных укреплений.

За несколько дней до немецкого вторжения над полуостровом Рыбачий зенитным огнем был поражен двухмоторный «Юнкерс» Ju 88, погиб его бортинженер унтер-офицер Йозеф Хаузенблас. Вероятно, это была первая потеря летного состава Люфтваффе в еще не начавшейся войне с Советским Союзом. 19 июня старший лейтенант В. Воловиков из 72-го сводного авиаполка авиации Северного флота на своем истребителе-биплане И-153 «Чайка» попытался атаковать неопознанные «двухмоторные самолеты». В ответ его атаковали четыре истребителя «Мессершмитт» Bf.109 из группы прикрытия, после чего советский летчик предпочел скрыться от преследования в облаках. Результаты кропотливой работы «Команды Ровеля» позволили немецкому командованию спланировать гигантскую по своим масштабам операцию по разгрому ВВС приграничных округов на аэродромах.

Адольф Гитлер в окружении своих генералов. Третий слева – 1-й обер-квартирмейстер Генерального штаба сухопутных сил Вермахта генерал-лейтенант Фридрих Паулюс, автор плана агрессии против Советского Союза «Барбаросса»

Советский Союз отнюдь не считался сильным противником в тот момент, когда Гитлер принял решение о походе на Восток. Вскоре после окончания кампании на Западе в 1940 году, упоенный успехом, Гитлер сказал начальнику штаба Верховного командования вооруженных сил Германии: «Мы сейчас показали, на что мы способны. Поверьте мне, Кейтель, кампания против России будет детской игрой в сравнении с этим». После краха Франции

летом 1940 г. Гитлер оценил силу, способную, по его мнению, уничтожить Россию – от 80 до 100 германских дивизий: «Это будет детская работа по сравнению с победой над Францией». Тогда перспектива ведения войны сразу на два фронта не беспокоила Гитлера: *«Славяне в любом случае недочеловеки, неспособные оказать сопротивление высшей расе. Большевизм сделал их лишь слабее»*. 5 декабря 1940 г. фюрер сказал Браухичу и Гальдеру: *«Их армия не имеет вождей. Германским вооруженным силам потребуется не более четырех-пяти месяцев, чтобы сокрушить Советский Союз»*.

Цели и задачи войны против СССР были сформулированы фюрером 31 июля 1940 года на совещании в Бергхофе: *«Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции <...> Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии»*. Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на Британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Великобритании на победу над Германией даже в отдаленной перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на европейском континенте позволяло немцам перевести военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Примерно в том же духе 2 февраля 1941-го года Гитлер высказался в разговоре с командующим группой армий «Центр» Федором фон Бокком. В своем дневнике генерал-фельдмаршал записал слова фюрера следующим образом: *«Стоящие у власти в Англии джентльмены далеко не глупы и не могут не понимать, что попытка затянуть войну потеряет для них всякий смысл, как только Россия будет повержена»*. Таким образом, перед нами не вырванное из контекста высказывание, а осмысленная идея, регулярно звучавшая на совещаниях руководства Третьего рейха.

После принятия летом 1940 года политического решения о нападении на Советский Союз военное руководство немецких вооруженных сил начало вести разработку военных планов разгрома Советских Вооруженных Сил. Наконец, 21 декабря 1940 года окончательный вариант плана, вошедший в историю как Директива № 21, был утвержден фюрером. Гитлер дал ей название «Барбаросса» (*Weisung Nr. 21. Fall Barbarossa*) – в честь короля Германии и императора Священной Римской империи Фридриха I Гогенштауфена (1122-1190), прозванного Барбароссой из-за своей рыжеватой бороды. Этот германский правитель был одним из вождей Третьего крестового похода в Святую землю, во время которого в полном боевом снаряжении упал с коня в реку и захлебнулся. Выбирая имя столь «невозучего» исторического персонажа в качестве названия плана агрессии против СССР, фюрер уверял своих генералов: *«Когда «Барбаросса» начнется, мир в безмолвии затаит дыхание!»*

«КОМАНДА РОВЕЛЯ»

(Aufklärungsgruppe des Oberbefehlshabers der Luftwaffe)

Это секретное разведывательное подразделение немецких ВВС было создано в 1933-1934 годах, когда Люфтваффе еще официально не существовали. Первоначально для разведки использовались гражданские авиалайнеры. В небе Советского Союза самолеты «Команда Ровеля» впервые появились в середине 1930-х годов. Немцы летали над Кронштадтом и фотографировали корабли Балтийского флота. Одна из крылатых машин группы была потеряна из-за аварии в ходе полета над Крымом. Советское руководство тогда отделялось лишь вялыми протестами по дипломатическим каналам. Разведывательная деятельность немецких летчиков не прекращалась, за исключением периода с сентября по декабрь 1940 года, когда Гитлер запретил

все полеты разведчиков над советской территорией. Фюрер считал, что преждевременная интенсификация разведки может спугнуть противника. В первые месяцы 41-го года «Команда Ровеля» возобновила свою работу над территорией СССР. К тому моменту в ее составе было четыре эскадрильи. Первая совершала полеты с аэродрома Кракова в Польше, вторая – из района Бухареста в Румынии и третья – с аэродрома Хамина в Финляндии. Всего «Командой Ровеля» было выполнено свыше 500 полетов над советской территорией. За день до вторжения в Советский Союз 4-я эскадрилья группы вернулась на место своего постоянного базирования – аэродром Берлин-Рангсдорф для ведения разведки на Западном фронте. Три остальные эскадрильи после начала войны с СССР продолжили собирать информацию о Красной Армии.

Командир разведывательной группы главнокомандования люфтваффе Теодор Ровель, 1940 год

Последним, кто работал над планом «Восточного похода», был заместитель начальника немецкого Генерального штаба генерал-лейтенант Фридрих Паулюс – будущий командующий погибшей под Сталинградом 6-й полевой армии. Ключевой задачей Вермахта по плану «Барбаросса» стало уничтожение Красной Армии: *«Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных Войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»*. Направлением главного удара было выбрано московское. В Директиве № 21 было сказано: *«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии»*. Завершалась Директива № 21 словами Гитлера: *«Я ожидаю от гос-*

под главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях». То есть командующим группами армий сформулировали их задачи в общем виде и предлагали им разработать свои детализированные предложения по ведению операций.

В течение января 1941 года немецкими стратегами был проведен ряд штабных игр на картах и сформулированы идеи, на которых должны были базироваться действия Вермахта на каждом из операционных направлений. Итог всей этой работе был подведен на совещании, состоявшемся в Берлине 31 января. На этом совещании генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич сообщил командующим группами армий, что план операции «Барбаросса» базируется на предположении, что Красная Армия даст сражение к западу от линии Западной Двины и Днепра. Относительно этого замечания Федор фон Бок скептически записал в своем дневнике: *«Когда я спросил Гальдера, есть ли у него точная информация относительно того, что русские будут удерживать территорию перед упомянутыми реками, он немного подумал и произнес: «Такое вполне может быть».* По итогам совещания на свет появился документ, озаглавленный «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (операция «Барбаросса»)».

Главным инструментом, предназначенным для достижения целей, поставленных планом «Барбаросса», должны были стать танковые группы. На тот момент они были вершиной развития организации танковых войск не только в Германии, но и во всем мире. Танки стали одним из главных действующих лиц на поле боя Второй мировой войны. Однако характер их использования по сравнению с периодом Первой мировой существенно изменился. Характерные для 1916-1918 годов атаки танков совместно с пехотой остались в тактическом арсенале, но были лишь одним из способов применения бронетехники. Большим шагом вперед стало создание самостоятельных механизированных соединений – танковых и моторизованных дивизий. Немцы длительное время опережали своих противников в создании и применении этого средства борьбы.

Трофейные французские танки 35S проходят в составе войск Вермахта по Елисейским Полям. Париж, 1 января 1941 года

Для достижения целей «Барбароссы» были созданы четыре танковые группы, которые возглавили генерал-полковники Эвальд фон Клейст, Гейнц Гудериан, Герман Гот и Эрих Гепнер. Выделенные для нападения на Советский Союз войска были разделены на три группы

армий: «Север» (*Heeresgruppe Nord*), «Центр» (*Heeresgruppe Mitte*) и «Юг» (*Heeresgruppe Süd*). Группа армий «Север» во главе с генерал-фельдмаршалом Вильгельмом риттером фон Леебом должна была наступать на Ленинград, «Центр» во главе с генерал-фельдмаршалом Федором фон Боком – на Москву и «Юг» во главе с генерал-фельдмаршалом Гердом фон Рундшtedтом – на Киев и Донбасс. В составе групп армий «Юг» и «Север» было по одной танковой группе, в группе армий «Центр» на ключевом, московском, направлении – две (Гудериана и Гота).

Зимой 1940-41 года штаб танковой группы Германа Гота вместе с другими штабами танковых групп прибыл на Восток. Это была лишь группа офицеров со средствами связи. Штаб занялся разведкой и планированием предстоящей агрессии. Наиболее настораживающие разведку противника инструменты современной войны – танки – должны были прибыть непосредственно перед наступлением. В целях маскировки предназначенные для участия в «Барбароссе» войска Вермахта были разбиты на шесть эшелонов. В первых четырех к советско-германской границе перебрасывались только пехотные дивизии. Крупные массы пехоты без бронетехники выглядели как заслон на Востоке для прикрытия готовящегося вторжения на Британские острова. Командир взвода 2-го пехотного полка 11-й пехотной дивизии Готфрид Эверт вспоминал: *«Ходили тысячи слухов. По одной из версий, Советский Союз должен нам был дать проход через Кавказ в Персию и оттуда в Африку. То, что мы нападём на Россию, никому и в голову не приходило».*

Помимо танковых групп, важнейшим инструментом решения поставленных в «Барбароссе» задач должна была стать авиация. Люфтваффе были одним из главных инструментов германского «блицкрига». Хотя изначально ВВС Третьего рейха не нацеливались на плотное взаимодействие с сухопутными войсками, к 1941 году именно это стало их коньком. Опыт гражданской войны в Испании показал действенность воздушной поддержки атак на земле. Для эффективной реализации этой стратегии требовалось расчистить небо на направлениях главных ударов. Одним из методов борьбы с авиацией противника было ее уничтожение на аэродромах. Испания в этом отношении дала немцам бесценный опыт и стала своего рода полигоном для отработки тактики и стратегии такой борьбы. К примеру, в 1936-1937 годах на Северном фронте, где активно действовал немецкий «Легион Кондор» (*Legion Condor*), из 62 потерянных республиканцами истребителей И-15 и И-16 около трети было уничтожено на аэродромах бомбардировкой противника.

ТАНКОВАЯ ГРУППА

Оперативное объединение в сухопутных войсках Третьего рейха, являвшееся промежуточной инстанцией между моторизованным корпусом и армией. В танковую группу входило два-три моторизованных корпуса, иногда ей придавались пехотные армейские корпуса. Промежуточное положение между корпусом и армией позволяло подчинять танковые группы полевым армиям, хотя танковые командиры относились к этому без восторга. Часто группы армий брали управление танковой группой на себя. При численности танковой группы от 130 до 200 тысяч человек и полной механизации и моторизации ее основных соединений она могла использоваться для прорывов на большую глубину. Такая масса людей и техники обладала достаточной самостоятельностью для действий в отрыве от основных сил группы армий. Бывший командующий 1-й танковой группой генерал-фельдмаршал Эвальд фон Клейст, уже в советском плену, охарактеризовал боевые качества этого объединения в чем-то даже поэтическим сравнением: *«Танковую группу, как средство оперативного управления армейской группировкой, можно сравнить с охотничьим соколом, который парит над всем оперативным районом армейской группировки, наблюдает за участком боя всех армий и стремительно бросается туда, где уже одно его появление решает исход боя».*

«Но разведка доложила точно!»

Иосиф Виссарионович Сталин накануне начала Великой Отечественной войны. 1941 г.

В апреле 1941 года эшелоны с солдатами Вермахта уже непрерывно шли на Восток. Гитлер спешил с началом войны против Советского Союза и в близком кругу прямо говорил: *«Русские вооруженные силы – это глиняный колосс без головы <...> Россию в любом случае необходимо разгромить, и лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена»*. Интересно, что этот тезис лидера Третьего рейха был почти дословно повторен в записке военного атташе СССР в Германии генерал-майора В.И. Тупикова: *«Немцы, несомненно, в курсе слабых сторон подготовленности Красной Армии <...> и какими темпами идет перестройка в армии <...> А эти данные весьма весомые для выбора сроков ведения с нами войны»*. Это пространное аналитическое донесение, важность которого мы можем оценить только сегодня, было отправлено Тупиковым в Москву 25 апреля 1941 года. В заключение своего сообщения он делал следующие выводы: *«1. В германских планах сейчас ведущейся войны СССР фигурирует как очередной противник; 2. Сроки начала столкновения – возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года»*. Однако точной даты начала немецкой агрессии Тупиков назвать не смог и содержание его докладной не было должным образом оценено советским руководством.

До недавнего времени было широко распространено заблуждение о том, что немецкие планы попадали на стол Сталина едва ли не сразу после их подписания. В действительности же ни о каких добытых разведкой немецких планах речи не было. Это относится как к плану операции «Барбаросса», так и к немецким планам 1942-1943 годов. Хотя с осени 1940 года разведывательные отделы приграничных округов регулярно сообщали о сосредоточении войск Вермахта на советско-германской границе. Однако даты нападения на СССР разведчиками назывались самые разные. Сначала войну с Гитлером они «обещали» в марте-апреле 1941 года, затем – летом того же года, но лишь после того, как капитулирует Лондон. Легендарный советский разведчик Рихард Зорге 28 декабря 1940 года, когда план «Барбаросса» был уже подписан фюрером, сообщал в Центр о том, что 80 немецких дивизий находятся в Польше *«с целью воздействия на политику СССР»*. 19 мая 1941 года Зорге сообщал о возможном начале войны *«в конце мая»*, 1 июня срок немецкого вторжения был «перенесен» им на 15 июня. Донесения разведки, которым Сталину оставалось только поверить, – это не более чем миф. Однозначные сведения о планах немцев у советского лидера, к сожалению, отсутствовали.

Главным недостатком в работе советской разведки накануне войны, причем как военной, осуществлявшейся Разведывательным управлением Генерального штаба Красной Армии, так и разведки по линии государственной безопасности, была слабая аналитическая обработка поступавших от резидентур в Центр донесений. В результате действительно важные сообщения терялись в массе второстепенной информации. Записка генерал-майора Тупикова в этом отношении выбивалась из общей массы, поскольку содержала не просто хаотичный набор сведений, но и анализ ситуации. Если бы все поступавшие данные анализировались на подобном уровне, то немецкие планы советской разведкой, несомненно, были бы раскрыты раньше. Ситуация серьезно усложнялась еще и тем, что точную дату начала войны с Советским Союзом знал лишь один человек на планете – Адольф Гитлер. Более того, было не ясно, состоится ли вообще нападение Германии на СССР. Конечно, в своем программном произведении «Моя борьба» (*«Mein Kampf»*) фюрер говорил о расширении жизненного пространства немецкого народа за счет территорий на Востоке. Однако все же это были долгосрочные планы, а в 1941 году варианты действий Третьего рейха в первую очередь определяла текущая военно-политическая обстановка в мире.

СТРУКТУРА СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Нелегальные резидентуры советской военной разведки начали создаваться в Европе еще в начале 1920-х годов. После 1933 года, когда определился главный противник СССР в грядущей Большой войне, многие из разведывательных групп были ориентированы на добывание информации по Германии. Собирались сведения о ее военном потенциале, реальных планах и намерениях. После начала Второй мировой войны эта работа активизировалась. С сентября 1939 года по июнь 1941 года количество нелегальных групп в Третьем рейхе увеличилось в полтора раза. Такие же группы разведчиков действовали в Великобритании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Франции, Японии, Болгарии, Югославии. В этих государствах работали и легальные резидентуры военной разведки, сотрудники которых действовали под «крышей» посольств и различных советских учреждений, формально числясь дипломатами, экспертами, шоферами, чиновниками.

Активно действовали также разведывательные отделы штабов в военных округах, находящихся на границе, которые тоже направляли за рубеж своих разведчиков. В их задачу входила вербовка агентуры на территории Польши, Чехословакии, Румынии, Финляндии, Китая и других стран. В июне 1941 года за границей работало свыше тысячи подобных разведчиков.

В июне 1941 г. на центральный аппарат советской военной разведки за рубежом работало 914 человек, из них 316 были сотрудниками легальных резидентур, а 598 – разведчиками-нелегалами и агентами. Большинство из этих «бойцов невидимого фронта» даже Сталин знал только по псевдонимам. Руководитель Советского государства, сам имевший большой опыт конспиративной работы, прекрасно понимал, что лишний раз произнесенное имя агента приближает того к провалу.

Одну из самых мощных в Западной Европе советских разведывательных сетей, впоследствии вошедшую в историю мировой разведки под названием «Красная капелла», в 1938 г. во Франции и Бельгии создал Леопольд Треппер (1904-1982), действовавший под оперативными псевдонимами «Отто», «Лео», «Жильбер». В эту сеть входило около 300 агентов. Треппер руководил работой «Капеллы» до своего ареста в Париже в ноябре 1942 г.

Начальник Разведуправления Красной Армии в 1940-1941 гг. генерал-лейтенант Ф.И. ГОЛИКОВ

Леопольд ТРЕППЕР – руководитель легендарной «Красной капеллы»

ЗОРГЕ Рихард (Richard Sorge; 1885-1944) – самый известный советский разведчик Второй мировой войны, действовавший под оперативными псевдонимами «Рамзай», «Зонтер», «Шварц», «Инсон»; Герой Советского Союза (1964, посмертно). В Первую мировую воевал в немецкой армии на Западном фронте. В 1924 г. принял советское гражданство, а в 1929-м стал агентом советской военной разведки. В 1933 г. по заданию Центра Зорге вступил в НСДАП. В Токио он работал помощником немецкого посла и журналистом влиятельных немецких изданий. В октябре 1941 г. Зорге арестовала японская полиция, а в 1943-м он был приговорен к смертной казни. Последними словами разведчика перед повешением стали: *«Да здравствует Коммунистическая партия, Советский Союз, Красная Армия!»*.

Последний мирный месяц

Советские пограничники в дозоре. Фотография интересна тем, что она была сделана для газеты на одной из застав на западной границе СССР 20 июня 1941 года, то есть за два дня до начала войны

В 1941 году Вермахт находился на пике своего могущества и уровня боевой подготовки, а его дивизии практически полностью укомплектованы по штатам военного времени. Летом 40-го года после разгрома Франции немецкая армия не была демобилизована. Почти год войска интенсивно тренировались и осмысливали опыт «блицкригов» – молниеносных войн – 1939-1940 годов. Напротив, Красная Армия весной 1941-го была армией мирного времени. Это означало, что значительная часть войск оставалась во внутренних округах в глубине страны и содержалась в сокращенных штатах. На границе располагались только так называемые армии прикрытия, задача которых была ограниченной – «прикрыть от мобилизацию, сосредоточение и развертывание». Отразить удар главных сил врага они были не в состоянии. Фактически к немецкому вторжению реорганизация Красной Армии была в самом разгаре: строились укрепленные районы и аэродромы, формировались новые авиаполки и механизированные корпуса. Руководство СССР полагало, что время до начала войны с Германией еще есть.

Для того чтобы создать группировку, способную наступать или хотя бы эффективно обороняться на границе, советским вооруженным силам нужно было две-три недели интенсивных перевозок войск. Ожидалось, что войне будет предшествовать период обострения на политическом фронте, выдвижение немцами каких-либо требований или ультиматумов. По крайней мере, именно так Гитлер ранее поступил с Чехословакией и Польшей. Политические демарши дали бы Советскому Союзу те самые недели на мобилизацию и переброску войск из глубины страны в военные округа на границе – Прибалтийский, Западный и Киевский. Без твердой уверенности в агрессивных намерениях немцев было опасно давать старт мобилизации и начинать перегруппировку крупных масс войск из глубины страны к границам. Гитлером это могло быть воспринято как угроза и вызвало бы ответные меры с постепенным сползанием ситуации к войне с Третьим рейхом. К сожалению, вплоть до середины июня противоречивые данные разведки не вселяли в советских руководителей твердой уверенности, достаточной для принятия решения о мобилизации, а Германия не предъявляла никаких ультиматумов или требований. С подачи рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса против Советского Союза была использована не знающая прецедентов в истории мировой дипломатии тактика – абсолютное молчание.

В первой половине июня ситуация становилась все более угрожающей – началось выдвижения пятого эшелона войск Вермахта для участия в операции «Барбаросса», состоявшего из танковых и моторизованных дивизий. Развитая дорожная сеть Европы позволила немцам вначале сосредоточить группировку войск, объяснимую с точки зрения прикрытия с тыла высадки в Великобритании, а затем быстрыми темпами создать из нее ударные группировки сил вторжения. В свою очередь, советские разведчики продолжали называть разные сроки вторжения немцев на территорию СССР. В условиях этой неопределенности советское руководство пошло на отчаянный шаг. За восемь дней до начала войны – 13 июня 1941 года – в газете «Известия» было опубликовано сообщение Телеграфного агентства Советского Союза, начинавшееся легендарной фразой: *«ТАСС уполномочен заявить...»* В нем были такие строки: *«В английской и вообще иностранной прессе стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». Выдвинув тезис, далее его опровергли: «По мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы <...> слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными».* Жители Советского Союза терялись в догадках, что означает это странное сообщение, но предназначалось оно не для них. Таким

способом намеками и полунамеками Сталин приглашал Гитлера сесть за стол переговоров. Однако ответом на сообщение ТАСС было прежнее гробовое молчание немцев по дипломатическим каналам.

Реакция Сталина последовала незамедлительно – войска внутренних округов с Северного Кавказа, Поволжья, Орловского военного округа, а также так называемые «глубинные» стрелковые корпуса особых (приграничных) округов, находившиеся в нескольких сотнях километров от государственной границы, получили приказы на выдвижение к западной границе. Ключевое решение руководством СССР было принято, а «красная кнопка» – нажата. Через три дня после сообщения ТАСС Рихард Зорге из Токио докладывал в Центр, что *«война задерживается до конца июня»*. В Кремле появилась надежда, что войска успеют подойти к границе вовремя. Но было уже слишком поздно. На самом деле до немецкого вторжения оставалось меньше недели. Собрать группировку войск, способную достойно встретить противника, советское командование не успело. «Глубинные» корпуса находились на марше в 100-150 километрах от границы и не могли помочь своим товарищам, встретившим первый удар противника. К 22 июня Красная Армия оказалась разорвана на три эшелона, разделенных сотнями километров, которые были разбросаны на пространстве от западной границы СССР до Западной Двины и Днепра. При этом в первом эшелоне находилось меньше половины войск, большая часть подразделений оставалась еще в глубине страны или двигалась к границе. Напротив, немецкая группировка собралась у советских границ плотной массой – около 80 % войск Вермахта находилось в первом эшелоне сил вторжения.

Танки PzKpfw IV модификации D из состава 3-го батальона 11-го танкового полка 6-й немецкой танковой дивизии накануне вторжения в Советский Союз. Восточная Пруссия, май 1941 г.

21 июня 1941 года

21 июня 1941 года во многих средних школах и училищах страны состоялись выпускные вечера

21 июня 1941 года в 16 часов 45 минут по берлинскому времени (в 17 часов 45 минут – по московскому) в радиозэфире над Южной Польшей прозвучала загадочная для непосвященных фраза – «Сказание о героях, Вотан, Неккер, 15». Однако в ней была зашифрована одна из самых страшных дат в истории России. Слова «Сказание о героях» обозначали ввод в действие плана нападения на Советский Союз, имя божества «Вотан» – дату 22 июня, название реки «Неккер» – 3 часа утра, а минуты радисты Вермахта передали открытым текстом.

Нажатие немецким руководством «красной кнопки» вызвало цепочку аналогичных сигналов в армиях и танковых группах. Повинуясь этому приказу, серые танки с крестами на бортах, тысячи автомашин и тягачей по пыльным дорогам направились на Восток. Через несколько часов им предстояло пересечь окутанную дымом пожаров границу СССР. Начался обратный отсчет времени до начала одной из самых страшных войн в мировой истории. Вечером, подсвечивая себе фонариками, командиры рот зачитали подчиненным обращение Гитлера, начинавшееся словами: «*Солдаты Восточного фронта!*» Фюрер сообщал своим солдатам, что «*судьба Европы, будущее германского рейха, само существование народа Германии находится теперь в ваших руках*». Лидер Третьего рейха обвинил Советский Союз в подготовке агрессии, которую нужно упредить, и завершил свою речь словами: «*Я решил сегодня передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе!*»

После того как солдатам и офицерам Вермахта зачитали обращение фюрера, начались напряженные часы ожидания. Командир взвода 11-й пехотной дивизии Готфрид Эверт вспоминал: «*Нам зачитали обращение Гитлера. Было сказано, что завтра в пять утра мы наступаем, и выданы боеприпасы. Ко мне подошел старый фельдфебель и как-то очень неуверенно и удивленно спросил: «Господин лейтенант, можете ли вы объяснить мне, почему мы нападаем на Россию?» Что я мог ему ответить?! Таков приказ!*» Тем не менее слова Гитлера упали на благодатную почву. Немецкие солдаты в своих действиях руководствовались простыми и ясными формулировками, такими, например, как приказ генерал-полковника Эриха Гепнера: «*Борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью <... > Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы*». В ясности установок немцы, безусловно, превосходили бойцов и командиров Красной Армии, у которых не было четко сформулированного образа врага. Виной тому во многом стал пакт Молотова-Риббентропа 1939 года и попытки советской пропаганды представить немецкий народ как неоднородную социальную массу, где пролетариат восстанет, как только начнется война с СССР – первым в мире государством рабочих и крестьян.

Однако далеко не все немецкие солдаты жаждали принять участие в спасении германской цивилизации и культуры путем военного вторжения в Советский Союз. Среди сотен тысяч человек, составлявших армию вторжения, были люди самых разных убеждений. Были среди призванных в немецкую армию и те, кто в той или иной мере симпатизировал коммунистам. Один из них, выслушав своего командира роты лейтенанта Шульца, бросился к границе, переплыл Буг и сдался советским пограничникам. Запинаясь от волнения, сапер Альфред Лисков рассказал, что 22 июня на рассвете немецкие войска должны перейти границу. Не успел перебежчик обсохнуть после купания в пограничной реке, как произнесенные им слова дошли до самого Сталина. Маршал Г.К. Жуков впоследствии вспоминал: «*Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик <... > утверждающий, что немецкие*

войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Я тотчас же доложил наркомом и Сталину то, что передал Пуркаев. – Приезжайте с наркомом минут через 45 в Кремль, – сказал Сталин <...> вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность».

ЛИСКОВ Альфред (Alfred Liskow; 1910-?) – немецкий солдат-перебежчик, антифашист. До призыва в Вермахт работал на мебельной фабрике в Кольберге (ныне – польский Колобжег), был членом компартии. Служил в 221-м полку 15-й пехотной дивизии, дислоцировавшемся накануне немецкого вторжения в СССР севернее Сокаля. 21 июня 1941 г. около 21:00 сдался советским пограничникам 90-го погранотряда. После начала Великой Отечественной войны участвовал в пропагандистской кампании, его история публиковалась в газетах и листовках. Вместе с другими антифашистами, деятелями искусства, участвовал в агитационных поездках по СССР. В советских документах даже указывались имя и отчество Лисков – Альфред Германович. Осенью 1941 г. он вступил в конфликт с Димитровым, Тольятти и другими руководителями Коминтерна, обвинив их в предательстве. В декабре 1941-го Димитров обратился к руководству НКВД, в свою очередь обвиняя Лискова в фашизме и антисемитизме. В начале 1942 г. его арестовали, однако в июле того же года реабилитирован.

Дальнейшая судьба перебежчика неизвестна, но в сохранившихся списках расстрелянных Лисков не числится.

КУЗНЕЦОВ Василий Иванович (1894-1964) – советский военачальник, генерал-полковник (1943), Герой Советского Союза (1945). Среди 40-летних советских командармов 1941-го он казался стариком. В начале Великой Отечественной войны ему было 47 лет, и он один из немногих в Красной Армии имел командирский опыт Первой мировой. Тогда Кузнецов был подпоручиком, спешно подготовленным офицером военного времени. В Гражданскую войну он стал командиром полка, а к 1930-м гг. дослужился до комкора. Имел академическое образование – незадолго до немецкого вторжения окончил Военную академию им. Фрунзе. Волна репрессий конца 30-х его миновала. В докладе начальнику Генерального штаба весной 1941 г. по итогам учебных игр на картах в Западном особом округе Кузнецове было сказано следующим образом: «Принимал решения в соответствии с обстановкой, грамотно реагировал на ее изменение». В начале Великой Отечественной 3-я армия, которой он командовал, была окружена под Гродно, однако в конце июля 41-го смогла выйти из окружения. Кузнецов участвовал в Битве за Москву, Сталинградской битве и во взятии столицы Третьего рейха. 1 мая 1945 г. бойцы его 3-й ударной армии водрузили над Рейхстагом Знамя Победы.

Так через немецкого ефрейтора советский лидер узнал общее содержание обращения Гитлера к своим солдатам. Немедленного решения на совещании в Кремле не последовало. Поначалу Сталиным были высказаны сомнения относительно достоверности сведений, сообщенных перебежчиком. Народный комиссар обороны С.К. Тимошенко высказал мнение, которое поддерживали все присутствующие люди в военной форме: перебежчик говорит правду. Еще утром 21 июня сходная информация поступила также от агента в немецком посольстве в Москве Герхарда Кегеля, который докладывал в Центр, что *«война начнется в ближайшие 48 часов»*. Нарком предложил дать в особые округа директиву о приведении войск в боевую готовность. Однако этот вариант был сочтен Сталиным преждевременным. Надежда на мирное разрешение кризиса еще оставалась, и было решено ввести в распоряжение войскам уточнение относительно возможных провокаций противника. Таким образом, советским руководством не исключался вариант, когда немцы отдельными выпадами 22 июня могло вынудить командиров приграничных частей и соединений нанести авиаудары или же перейти границу. В этом случае был бы создан *casus belly* – повод для войны, оправдывающий вторжение в глазах мирового сообщества. Крупномасштабные боевые действия в этом случае начались бы не 22, а 25 или 26 июня, после обширной пропагандистской кампании в западной прессе, разоблачающей «красных варваров». Как мы

знаем сегодня, немецкие стратеги не рассматривали такой вариант, но вечером 21 июня на совещании в Кремле это было совсем не очевидно.

Исходя из этих предположений директива была доработана. В итоге в войска был направлен документ, вошедший в историю как Директива № 1. В ней говорилось: *«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота. 1. В течение 22-23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий. 2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. 3. Приказываю: а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно; г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов; д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить. Тимошенко. Жуков. 21.6.41 г.»* В этом документе еще содержались слова о возможных «провокациях» с немецкой стороны, но в целом Директива № 1 была достаточным основанием для приведения войск Красной Армии в боевую готовность. С этой директивой Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в военные округа. Передача директивы в округа была закончена в 00 часов 30 минут 22 июня.

В Минске командующий Западным особым военным округом генерал армии Д.Г. Павлов был вызван в штаб едва ли не из театральной ложи. Командующие армиями в этот поздний час также уже были на своих рабочих местах. Из Гродно Павлову командующий 3-й армией генерал-лейтенант В.И. Кузнецов докладывал: *«Патроны розданы, занимаем укрепленные районы»*. Слова *«возможно нападение»* не удивили Кузнецова, поскольку он уже предчувствовал недоброе – по другую сторону границы в Сувалкском выступе многие часы гудели моторы механизированных колонн Вермахта. Руководство Киевского особого военного округа во главе с М.П. Крипоносом не покидало командного пункта в Тарнополе с вечера 21 июня. В 0 часов 30 минут 22 июня Крипонос сообщил еще об одном перебежчике, подтвердившем информацию о вторжении, что было немедленно доложено Сталину. Тем временем Директива № 1 уже расшифровывалась в штабах округов. Далее по цепочке пошло оповещение армий, корпусов, дивизий, полков. Боевая тревога была объявлена в промежутке от 3 до 7 часов утра, в зависимости от того, как быстро приказы проходили все звенья цепочки, расторопности и инициативности командиров. Многие, как, например, командующий 4-й армией А.А. Коробков, вводили в действие планы прикрытия советско-германской границы на свой страх и риск. За объявлением тревоги последовало построение в колонны и марш к позициям на границе, навстречу гулу артиллерийской канонады.

Последние мгновения перед вторжением. Штаб 2-й танковой группы Гудериана на советско-германской границе

КЕГЕЛЬ Герхард (Gerhard Kegel; 1907-1989) – советский военный разведчик, член легендарной «Красной капеллы», сотрудник МИД Третьего рейха. Состоял в немецком комсомоле и компартии. В 1934 г. по заданию Москвы вступил в НСДАП. Перед войной передавал важные сведения под оперативными псевдонимами «ХВС» и «Курт». В 1944 г. был направлен на Восточный фронт, где сразу же перешел на сторону Красной Армии. После войны жил в ГДР. Умер от сердечного приступа, когда увидел по телевизору разгром штаб-квартиры разведслужбы Восточной Германии «Штази».

* * *

Когда боевые действия на земле еще не начались, самолеты Люфтваффе уже были в воздухе. Немцы понимали, что если бомбардировщики пересекут границу одновременно с началом операции наземных войск, то авиация Красной Армии успеет прийти в боевую готовность. Машины с ломаными крестами на крыльях летели бомбить крупные советские города, железнодорожные узлы, аэродромы, военно-морские базы, расположение которых стало известно благодаря разведчикам из секретной «Команды Ровеля». Немецкие самолеты шли на восток навстречу поднимавшемуся солнцу. Наступало воскресенье. В советских школах накануне прошли выпускные вечера, отзвучали вальсы школьных оркестров, и вчерашние десятиклассники шли встречать рассвет. В то утро солнце вошло над Москвой в 3 часа 45 минут утра. К этому времени немецкие бомбардировщики уже выходили на боевой курс, чтобы через пятнадцать минут открыть бомболюки и сбросить свой смертоносный груз на города Советского Союза.

21 июня 1941 г.

Время – московское

(берлинское – минус один час)

12.00

Герхард Кегель, советский агент в посольстве Германии в Москве, сообщает, что война начнется в течение ближайших 48 часов

13.00-17.00

Немецкие танковые части получают приказ выдвинуться к границе с СССР

19.00-20.15

Встреча руководства СССР в кабинете Сталина в Кремле. Обсуждение возникшей угрозы

20.00-21.00

На участке Сокальской комендатуры был задержан бежавший из германской армии солдат Альфред Лисков. Перебежчик показал, что на рассвете 22 июня немцы должны перейти границу. Эти сведения были подтверждены еще двумя перебежчиками

20.50-22.20

Принято решение привести войска Приграничных округов в готовность «номер один»

22.59

Немцы начали операцию по минированию вод Финского залива

23.50

Народный комиссар Военно-Морского флота Н.Г. Кузнецов отдает директиву о приведении флотов в боевую готовность: «Немедленно перейти на оперативную готовность № 1»

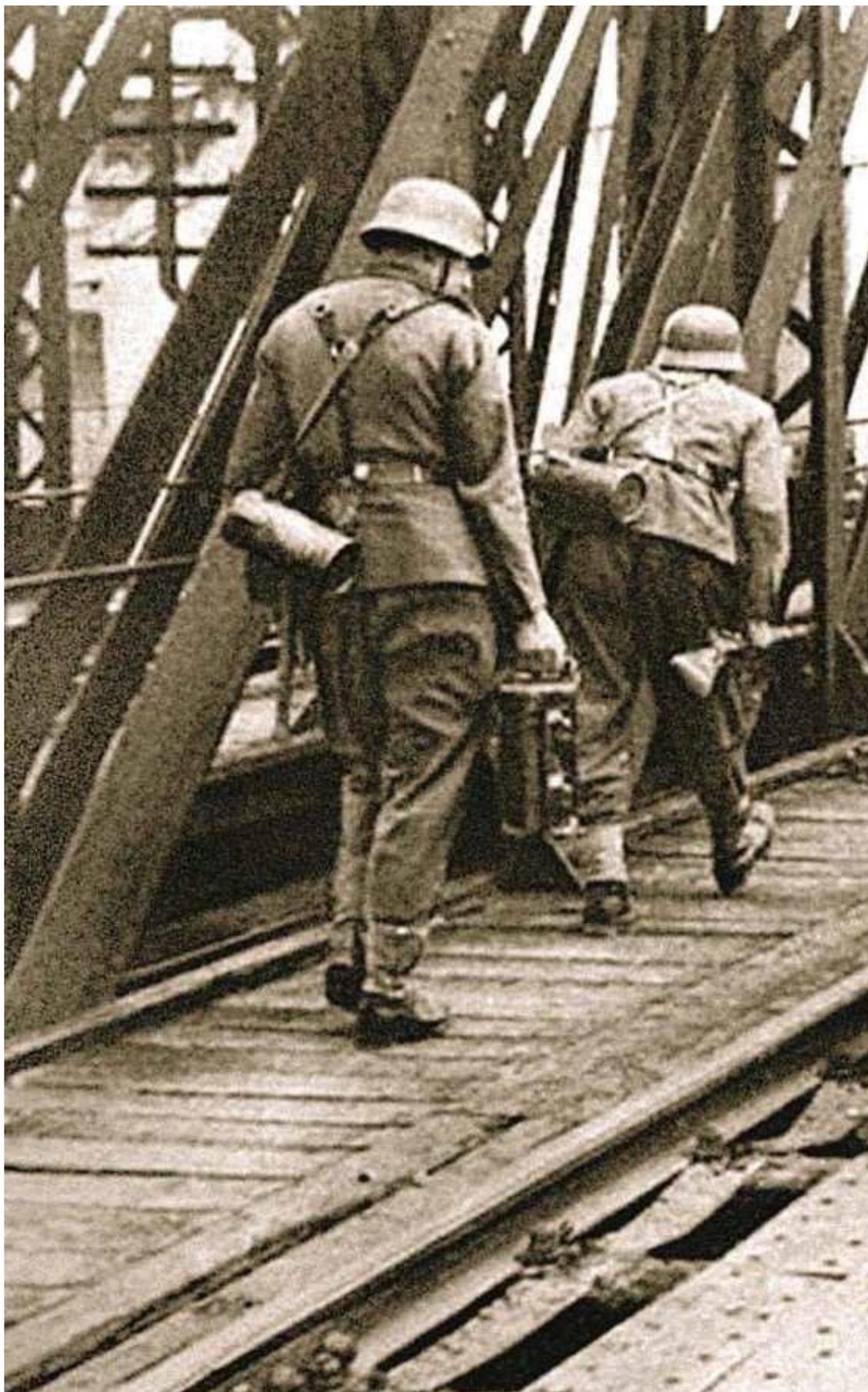
ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

22 июня 1941 года – одна из самых важных и трагических дат не только в советской, но и во всей отечественной истории. Более того, по ряду показателей этот день является уникальным для мировой истории войн. В нем в удивительный клубок сплелись и переход от мирной жизни к войне, и применение высоких технологий того времени, и колоссальные масштабы происходивших событий. Первый день войны на советско-германском фронте ознаменовал собой новую эпоху в истории военного искусства. Если ранее государства постепенно втягивались в боевые действия, то 22 июня в бой сразу же вступили крупные массы войск. Такого не было ни в начале Первой мировой войны 1914-1918 годов, или, например, Русско-японской войны 1904-1905 годов, или Советско-финской войны 1939-1940 годов. Военный конфликт между Третьим рейхом и СССР не разгорался, а сразу вспыхнул ослепительным пламенем. На этот молниеносно охвативший границу пожар войны во многом похожи 1 сентября 1939 года в Польше и начало арабо-израильских войн 1967 и 1973 годов. Однако по своим масштабам эти конфликты, конечно же, существенно уступают войне Советского Союза и гитлеровской Германии.

Первая бомба отрывается от He 111. Кадр из немецкого пропагандистского киножурнала «Die Deutsche Wochenschau»

Действия немецких диверсантов

Первый день войны в Перемышле

Первыми тишину раннего утра 22 июня 1941 года на Советско-германской границе разорвали диверсионные группы из секретного спецподразделения Вермахта – 800-го учебного полка особого назначения «Бранденбург» (Lehrregiment Brandenburg z. b. V. 800), переодетые в форму бойцов и командиров Красной Армии. Диверсанты, проникавшие на территорию СССР, оказались в числе тех немногих солдат Вермахта, кто не слышал обращения Гитлера вечером 21 июня. Произошло это в районе Гродно, где еще ночью группа «Бранденбурга» под командованием лейтенанта Кригсхайма попыталась пересечь границу с целью предотвратить взрывы на мостах и дамбах вдоль дороги Липск-Даброво. Однако благодаря бдительности советских пограничников эта попытка обернулась полным провалом. Вспыхнула перестрелка, которую можно со всем основанием назвать первыми выстрелами Великой Отечественной войны, диверсанты вынуждены были отступить. В дальнейшем группа Кригсхайма все же проникла на советскую территорию, но успеха не добила: она была рассеяна, понесла потери, ее командир был тяжело ранен.

Первой задачей немецких диверсантов были мосты, находящиеся в глубине советской территории, в нескольких километрах от границы. Для их захвата требовался транспорт, и ранним утром 22 июня группы «Бранденбурга» рыскали на пылающей границе в поисках советских автомашин разных типов.

Под Брестом задачей групп «Бранденбурга» (из 12-й роты) стали мосты через Мухавец, в нескольких километрах от границы. После захвата грузовиков и санитарной автомашины одна такая группа понеслась по дороге впереди наступающей немецкой пехоты. Группа была действительно переодета в советскую униформу и вооружена советским оружием. Более того, командир группы от руки написал приказ, который показал охране моста. Это позволило одной автомашине въехать на мост, после чего в ход пошли винтовки и пистолеты. Мост был захвачен. Однако перестрелка с охраной привела к большому расходу боеприпасов, и «бранденбуржцы» решили отойти от моста за подкреплением. Когда они вернулись, мост уже был сожжен.

В первые часы «Восточного похода» «бранденбуржцы» смогли захватить целый ряд важных переправ. Успешными оказались действия диверсионной группы из состава 12-й роты «Бранденбурга» под Брестом. На марше переодетых диверсантов окликнули советские танкисты, стоявшие на дороге с колонной танков. Ответив на русском языке, немцы продолжили свой путь. Именно на такие короткие контакты с противником – обмен несколькими фразами на русском без долгих диалогов – и были ориентированы действия «бранденбуржцев». Выйдя к назначенному мосту, диверсионная группа вступила в перестрелку с его охраной и смогла предотвратить взрыв переправы. Уже под утро захваченный мост едва не был потерян – на него на полной скорости влетел бензовоз с открытым краном, из которого хлестало горячее. Ураганным огнем не сразу пришедших в себя от неожиданности немецких диверсантов машина была остановлена. Скорее всего этот бензовоз принадлежал 22-й танковой дивизии. Сейчас это тяжело себе даже представить: район Бреста, 6 часов утра 22 июня 1941 года, война гремит еще где-то на границе, но находится смельчак, который не растерялся и попытался уничтожить злосчастный мост.

О встрече с переодетыми немецкими диверсантами из полка «Бранденбург-800» сержант В.Ф. Осауленко, служивший в 18-м отдельном артиллерийско-пулеметном батальоне 62-го Брестского укрепленного района, вспоминал следующим образом: *«Когда [днем 22 июня] шли через северный гарнизон, увидели группу – 7-8 солдат. Мы подошли к ребятам. Они рассказали, что их командир, младший лейтенант, ставил им боевую задачу. Подошел некий капитан и закричал: «Ты что говоришь, сволочь?!» – и выстрелил в этого парня из*

пистолета. Их, шпионов, диверсантов, была огромная масса. Надо было обратить внимание, что они были одеты в новую нашу форму. Это была в основном форма наших капитанов и майоров. У них был некоторый запас слов. Потом, они ездили и на мотоциклах, и на велосипедах. Единственное, что, сколько я их видел, три или четыре человека, они все были одеты с иголки, чего у нас не было. Так что вот это их выдавало сразу».

800-й полк особого назначения «Бранденбург» (Lehrregiment Brandenburg z. b. V. 800) – специальное подразделение Вермахта, созданное в 1940 году на основе батальона особого назначения при активном участии руководителя Абвера (военная разведка и контрразведка) адмирала Вильгельма Канариса. Свое название полк получил по месту дислокации – Бранденбургу, прусскому региону Германии, на востоке граничащему с Берлином. Летом 41-го подразделением из немецкой столицы командовал подполковник Пауль Хелинг фон Ланценауэр. Полк разделялся на роты и распределялся между группами армий. Каждая рота действовала независимо и сама дробилась на небольшие группы численностью около 30-40 человек с легким вооружением. Знание русского языка не было обязательным для каждого солдата «Бранденбурга». Чаще всего им владели только один-два человека в группе. Доходило до почти курьезных случаев. Так, в одной из групп в качестве знатоков языка выступали этнические немцы (фольксдойч) из Румынии, способные изъясняться лишь на ломаном русском.

Главным итогом первого дня войны на Восточном фронте, с точки зрения «бранденбуржцев», был захват немецкими войсками транспорта, униформы и документов Красной Армии. Все это позволило диверсантам активнее действовать под прикрытием. Именно поэтому свои самые громкие операции «Бранденбург-800» провел не 22 июня 1941 года, а позднее, когда эффект внезапности был уже утрачен. «Бранденбуржцам» еще предстояли многочисленные захваты мостов, плотин, узлов дорог от Бреста до Майкопа. Например, в 1942 году ими была захвачена плотина на Дону и стратегически важный мост на подступах к Пятигорску. Диверсанты меняли форму, знаки различия, «ЗиСы» на «Студебеккеры», винтовки и револьверы – на автоматы с дисками, всегда оставаясь тенями, предвещавшими удар немецких танковых клиньев.

В 42-м полк был переформирован в особый отряд «Бранденбург» (Sonderverband Brandenburg), а через год – в дивизию. В тот же день она была выведена из подчинения Абверу и передана в распоряжение Верховного командования сухопутных сил. В 44-м «Бранденбург» переформировали в танково-гренадерскую дивизию (Panzer-Grenadier-Division Brandenburg), в составе двух егерских полков, противотанкового батальона, батальона связи и запасного батальона.

Начало вторжения

Солдаты Вермахта пересекают Государственную границу СССР. 22 июня 1941 г.

Немецкие истребители и бомбардировщики шли на большой высоте над лесисто болотистыми районами. Внизу, на земле было тихо – артиллерийская подготовка должна была начаться с минуты на минуту. Немцы считали, что если перелетать границу одновременно с началом операции наземными войсками, то у советских летчиков будет примерно 30-40 минут на приведение в боевую готовность. Опасения немецких авиаторов были не напрасными. Командир одного из истребительных полков капитан Ю.М. Беркаль, услышав артиллерийскую канонаду, тут же на свой страх и риск объявил боевую тревогу. С аэродрома Гарново поднялись истребители. Уже в 4 часа 5 минут утра три эскадрильи были в воздухе и заявили об уничтожении в завязавшихся схватках трех немецких самолетов. Всего за день ими было выполнено 74 вылета на прикрытие аэродрома. Советские летчики заявили об уничтожении 2 истребителей Me-109. В воздушном бою был потерян 1 самолет, еще 1 не вернулся с боевого задания. На земле было потеряно 27 МиГ-3, 11 И-153. В соседнем 124-м истребительном авиаполку майора И.П. Полунина также вовремя объявили тревогу. В воздух поднялись заместитель командира полка капитан Н.А. Круглов и младший лейтенант Д.В. Кокорев. Последнему удалось перехватить и сбить таранным ударом двухмоторную двухкилевую машину, опознанную им как Do-217. В действительности это был истребитель Me-110, которому было суждено стать первым потерянными немцами самолетом на Восточном фронте. Существует распространенное заблуждение о том, что советская авиация была разгромлена буквально в первые минуты Великой Отечественной войны. Однако секретом успеха Люфтваффе 22 июня был не первый удар по «спящему аэродрому», а конвейер следующих один за другим ударов, когда один аэродром за день подвергался нескольким ударам с воздуха, которые авиаполки приграничных военных округов уже не выдерживали. Авиатехники не успевали подготовить самолеты к вылетам, не хватало заправщиков, боеприпасов, автостартеров. К примеру, по аэродрому 124-го полка немецкими летчиками за день было выполнено около 70 вылетов, при этом чередовались атаки бомбардировщиков He-111 и истребителей Me-110. Рано или поздно наступал момент, когда все самолеты оказывались прикованы к земле, заправляясь или перезаряжая оружие. В итоге немцам удалось подбить и уничтожить 30 советских самолетов. Многие авиаполки ВВС Красной Армии были полностью уничтожены после четырех-пяти налетов немецкой авиации. Летчик базировавшегося на Украине 17-го истребительного авиаполка Герой Советского Союза Ф.Ф. Архипенко вспоминал: *«Противодействовать ударам бомбардировщиков мы не могли: летный состав находился в Ковеле у своих близких»*. Пилоты полка на выходные обычно уезжали к семьям в Ковель. Суббота 21 июня 1941 года не стала исключением. Последствия их отсутствия на базе были самыми печальными. Этот случай был не единственным. Экипажи 64-го штурмового авиаполка утром 22 июня прибыли на летное поле с опозданием, поскольку решили, что в выходной день объявлена обычная учебная тревога. Однако тревога оказалась боевой и результаты несерьезного отношения к своим служебным обязанностям не заставили себя ждать – половина самолетов полка была сожжена или повреждена немецкой авиацией.

Упрощало уничтожение советских самолетов прямо на аэродромах базирования то, что крылатые машины не были рассредоточены, а стояли в линейку поэскадрильно для удобства их обслуживания. Гауптман Герхард Беккер вспоминал об одной из таких штурмовок утром 22 июня: *«Ночь была прозрачная. Наша цель был аэродром на котором базировалась истребительная часть, вооруженная И-16 как мы их называли «Крыса». Они стояли в несколько плотных рядов представляя для нас отличную цель»*.

Всего летчикам Люфтваффе в первый день войны на Восточном фронте удалось сбить около 400 самолетов ВВС Красной Армии. Еще 800 было уничтожено на земле. Наихуд-

шей ситуация была на направлении главного удара немцев – в Белоруссии, где у них был собран мощный авиационный кулак. Вооруженная новейшими высотными истребителями МиГ-3 9-я смешанная авиадивизия Героя Советского Союза генерал-майора С.А. Черных за 22 июня лишилась 347 самолетов из 409 имевшихся. Всего Белорусский особый военный округ потерял 738 крылатых машин, из них 528 самолетов было уничтожено немцами на земле. Командующий ВВС фронта генерал Копец застрелился, а командира 9-й смешанной авиадивизии генерал-майора С.А. Черных обвинили в преступном бездействии, арестовали и по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР расстреляли. Выдвинутые на высокие командные должности перед самой войной, пройдя за два-три года путь от лейтенантских кубарей до генеральских звезд, Копец, Черных и другие, безусловно, талантливые летчики, оказались не готовы к управлению крупными авиационными соединениями.

Наименьшими потерями отделались советские ВВС на Юге – в Одесском особом военном округе. Там командующий ВВС округа генерал-лейтенант Ф.Г. Мичугин заблаговременно отдал приказ рассредоточить самолеты, как того требовал план проводимых в округе учений. Кроме того, интенсивность налетов на аэродромы ОдВО была гораздо ниже, чем на направлении главного удара. Поэтому потери авиации округа составили всего 6 самолетов.

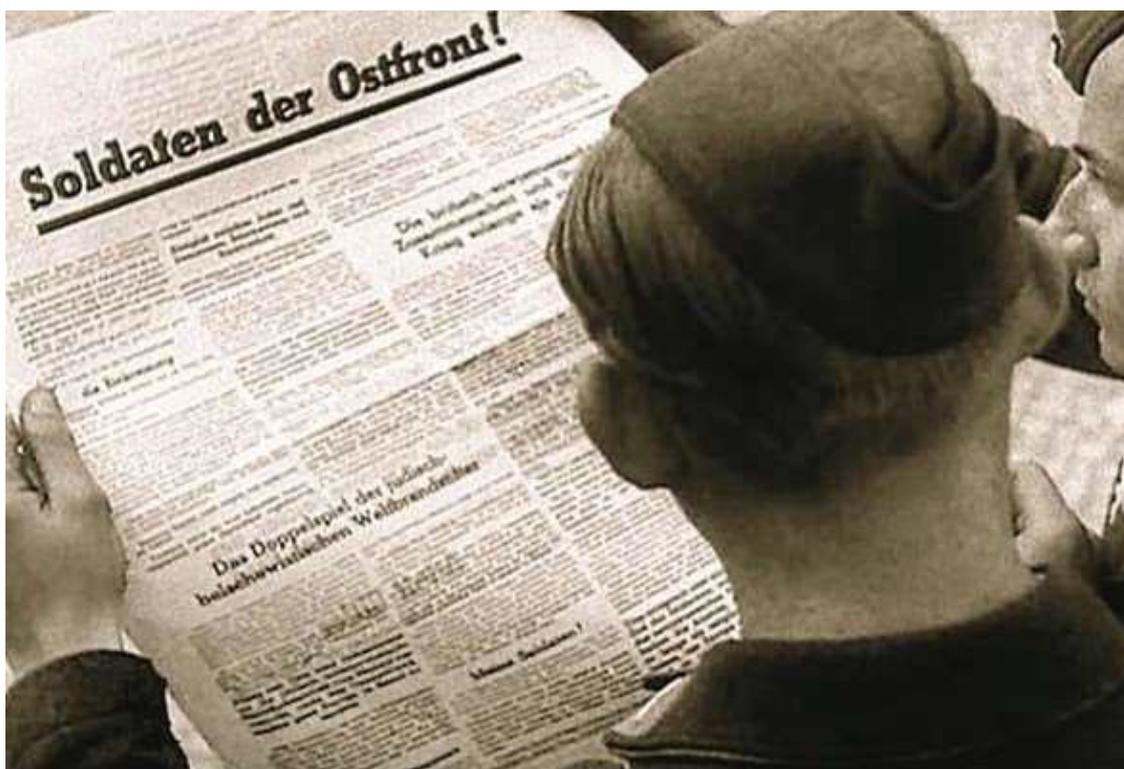

Министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп на пресс-конференции в Берлине объявляет о начале войны против Советского Союза. 22 июня 1941 г.

В 3 часа 5 минут утра по берлинскому времени по всей границе между Советским Союзом и Германией загрохотала артиллерийская подготовка. В журнале боевых действий 1-й танковой дивизии появилась запись: *«Небо дрожит от разрывов. Под прикрытием массированного артиллерийского огня батальоны начинают атаку»*. В истории соединения этот момент описан следующим образом: *«Еще до того, как в 3.45 огонь внезапно умолк, штурмовые группы саперов и стрелков уже ползли к границе. Прижимаясь вплотную к земле, они отодвинули в сторону первые заграждения. Вскоре полетели ручные гранаты, загремели связанные и сосредоточенные заряды. Предрассветные сумерки снова наполнились вспыхи-*

ками от палящего оружия всех калибров». Война Третьего рейха с Советским Союзом, которой будет суждено продлиться долгие четыре года, началась.

Нет ничего удивительного в том, что столь же ярким и запоминающимся первый день Великой Отечественной войны стал для бойцов и командиров Красной Армии. Приближение Большой войны чувствовали, к ней готовились. Однако в ее первый день еще никто не знал, что впереди советские войска ждут тяжелые поражения, отступление до Москвы, Ленинграда и даже Волги. В журнале боевых действий 8-й армии начало боевых действий описано живо, даже поэтично: «В 4.20 оперативный дежурный майор Андриющенко вбежал в блиндаж оперативного отдела и взволнованным голосом объявил: «На всей границе немцы начали артиллерийскую подготовку». Одновременно с этим начальник штаба 8 армии генерал-майор Ларионов разговаривал по телефону с к-ром 11 ск (стрелкового корпуса. – **Прим. авт.**) генерал-майором Шумиловым; последний докладывал, что немцы усиленно обстреливают Тауроген, частям приказано выдвинуться в свои районы. Артподготовка началась ровно в 4.00». На самом деле немецкая артиллерия открыла огонь по территории СССР в 3 часа 5 минут утра по берлинскому времени, то есть в 4 часа 5 минут по московскому. Солдаты и офицеры Вермахта поминутно смотрели на циферблаты своих часов и нетерпеливо ждали, когда стрелки покажут заветные пять минут четвертого. Командиры Красной Армии, услышав грохот орудийной канонады и взглянув на часы, мысленно вычли несколько минут – первые залпы показались им вечностью.

Газета с обращением Гитлера к солдатам Восточного фронта: «Немецкий народ! Национал-социалисты! <...> Я сегодня решил снова вложить судьбу и будущее германского рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Господь в этой борьбе!»

Первый день войны в Перемышле (ныне – польский город Пшемысль) и солдаты немецкой 101-й легкопехотной дивизии – первые погибшие захватчики на советской земле. 22 июня 1941 г. Уже на следующее утро город был освобожден частями Красной Армии и пограничниками, которые удерживали его до 27 июня

В 4 часа 15 минут по московскому времени вперед двинулись немецкие сухопутные части. Танкист Оскар Мюнцель описал эти минуты следующим образом: *«Мощный артиллерийский огонь из тяжелых орудий разрывает клочья тумана. Тут и там за Бугом раздаются взрывы снарядов. В 03.15 пехота начинает наступление. Для врага оно оказалось полной неожиданностью, и он почти не оказывает сопротивления. Пехота поднимается на высокий восточный берег Буга и свободно овладевает еще не достроенными укрепленными позициями захваченного врасплох противника».*

Первоочередной задачей Вермахта в войне с Советским Союзом был захват пограничных мостов. Однако на случай их разрушения были подготовлены броды и предусмотрена постройка наплавных переправ. Захват переправ лишь сэкономил время. Типичным был захват моста под Сокалем на Украине. Забор из колючей проволоки на немецкой стороне был имитацией – опоры не были скреплены между собой. По сигналу к атаке стоявшие на мосту советские пограничники были застрелены. Быстро раздвинув проволочное ограждение, немецкие пехотинцы бегом бросились по стометровому мосту.

Для огромной группировки сил вторжения захваченных мостов было недостаточно, и поэтому под прикрытием огневого удара Буг в предрассветной мгле быстро пересекли лодки с пехотинцами, захватывавшими плацдармы на советской стороне. Севернее Бреста в реку тяжело оседали танки с крестами на бортах. Вскоре они скрывались под водой и выходили из нее уже на противоположный берег. Так роль бойцов специального назначения выполнили переоборудованные для передвижения по дну танки. Эти бронемашины проектировались для высадки на британском берегу, но получили неожиданное применение в войне с СССР. Плавающие «пантеры» украшала белая литера «G», обозначающая их принадлежность к тан-

ковой группе Гейнца Гудериана. Сам Гудериан пересек Буг на штурмовой лодке вслед за своими подопечными в 6 часов 50 минут утра. Южнее Бреста задача была проще: глубина Буга составляла всего около одного метра, и немецкие танки переходили на восточный берег без особых затруднений. После захвата плацдармов в первые часы вторжения пограничные реки пересекли мосты на поплавках-понтонках, и на советскую сторону хлынули непрерывным потоком танки, автомашины, тягачи с тяжелыми орудиями, лошади пехотных дивизий.

PzKpfw III Ausf F выезжает из реки Буг в районе Бреста

Летом 1940 г. в связи с подготовкой вторжения в Великобританию – операции «Морской лев» – немцы переоборудовали для передвижения под водой 168 танков PzKpfw III и 42 PzKpfw IV. Данная модификация получила название Tauchpanzer – «ныряющий танк». В отличие от современных вариантов оборудования подводного хода, предусматривающих установку на танке жесткой трубы для закачивания воздуха для экипажа и двигателя, немецкие танки соединялись с поверхностью резино-тканевым рукавом, прикрепленным к поплавку. Вождение танка-амфибии осуществлялось по гирокомпасу или с помощью команд, передававшихся по радио (антенна прикреплялась к поплавку). Теоретически «ныряющие танки» могли преодолевать водные преграды глубиной до 15 м. Боевое крещение они приняли ранним утром 22 июня 1941 г., когда форсировали реку Южный Буг недалеко от Бреста. Переход советской границы по воде совершил 1-й батальон 18-го танкового полка. В 4.45 танк с бортовым номером «1» унтер-офицера Виршина первым вошел в пограничную реку.

Силы сторон

Колонна бойцов Красной Армии на марше

Кто же 22 июня 1941 года встретил на границе немецкие танковые и пехотные соединения? Сравнивая силы сторон, военные историки обычно в одной колонке пишут число дивизий, танков, пушек, подчиненных Прибалтийскому, Западному и Киевскому особым военным округам, а в другой – немецким группам армий «Север», «Центр» и «Юг» соответственно. Соотношение цифр в колонках, казалось, совсем не предвещало катастрофу. Однако между силами вторжения Вермахта и Красной Армией была существенная разница. Немецкие дивизии были сконцентрированы плотной массой вдоль границы, а советские корпуса и дивизии были рассредоточены в глубину и большей частью находились в маршах на Запад. В военной науке такое положение называется незавершенным развертыванием. Точно таким же образом встретила Вермахт 1 сентября 1939 года польская армия. Для понимания механизма развития событий нужно подсчитывать только дивизии и корпуса, которые могут вступить в соприкосновение в конкретный день и даже час, в данном случае – советские соединения на расстоянии меньше дневного перехода от границы. Наличие в 100 километрах восточнее границы соединения на марше, подчиненного командованию одного из особых военных округов, никак не влияло на возможности ведения боя частями на границе. Критерию «дневного перехода» в трех особых округах отвечали 40 дивизий. Тому же критерию в трех группах армий Вермахта отвечало уже более 100 дивизий. На направлениях главных ударов превосходство в силах немецких войск было подавляющим.

Основные силы дивизий приграничных армий находились в местах постоянной дислокации, некоторые артиллерийские полки дивизий – на полигонах. Всем им нужно было преодолеть несколько десятков километров до своих позиций на границе. Поэтому если основным видом действий подразделений Вермахта ранним утром 22 июня было форсирование Буга или преодоление заграждений на советско-германской границе, то соединения Красной Армии провели утро первого дня войны в маршах.

В маршевых колоннах встретили первое утро Великой Отечественной войны не только поднятые по тревоге дивизии, но и начавшие выдвигаться еще до 22 июня «глубинные» стрелковые корпуса. Сообщить их командирам об изменившейся обстановке было затруднительно. Вместе с тем воздействовать на них немцы могли только с воздуха. В случае с 48-й стрелковой дивизией в Прибалтике это оказалось фатальным: в первый же день войны соединение было рассеяно ударами Люфтваффе и потеряло до 70 % личного состава. Однако, как правило, эти войска подвергались лишь обстрелам с пролетающих немецких самолетов. Также, без приключений, прошло выдвигание к границе частей на пассивных участках фронта, например 12-й армии в Карпатах. Ближе к середине днядвигающиеся к границе дивизии столкнулись с передовыми отрядами сил вторжения и постепенно втянулись во встречное сражение с немцами. Ни о каком занятии позиций на границе речи уже не было, поскольку они были захвачены наступающими танковыми группами Вермахта. У такого вступления в бой были свои достоинства и недостатки. С одной стороны, соединения Красной Армии вступали в бой плотной массой, а не растянутыми по фронту на 20-30 километров, но с другой – отсутствовал сплошной фронт. В последующие дни это создало предпосылки для окружений и прорывов.

Ранним утром 22 июня даже невыгодное соотношение 40 к 100 не было реализовано, поскольку на советско-германской границе находились только отдельные подразделения пограничных армий. Например, в Прибалтике на границе находились 10-я стрелковая дивизия и по три батальона от 5, 33, 90, 125, 188-й дивизий, то есть по трети россыпью от каждой. В Белостокском выступе от 86-й стрелковой дивизии 10-й армии на границе были те же три батальона. Эти батальоны вместе с пограничниками, несмотря на ожесточенное сопротивление, постепенно окружались и уничтожались наступающими немецкими частями.

Реальной силой для противодействия танковым группам была цепочка ДОТов Линии Молотова, тем более что на их пути оказались наиболее боеготовые укрепленные районы. Каждый такой ДОТ стал маленькой бетонной крепостью. Пулеметно-артиллерийские батальоны Владимир-Волынского укрепленного района на сутки задержали 44-ю пехотную дивизию 1-й танковой группы Вермахта. Бойцы ДОТа «Светлана» подбили на мосту через Буг севернее Бреста немецкий бронепоезд. Через укрепления Струмиловского укрепленного района 48-й корпус генерала Вернера Кемпфа был вынужден прокладывать себе путь «панцерами» 11-й танковой дивизии. Только через неделю после начала войны – 28 июня замолчали пулеметы ДОТа «Орел» под командованием лейтенанта И.И. Федорова.

22 июня 1941 г.

Время – московское

(берлинское – минус один час)

00.30

После совещания в Кремле в военные округа направлена Директива № 1 за подписью С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова

1.15

На Черноморском флоте объявлена готовность № 1

2.15

Командующий Западным особым военным округом генерал Д.Г. Павлов приказывает командующим 3, 4 и 10-й армиями поднимать части по «красному пакету»

3.45

Потоплен пароход «Гайсма»

4.00

Немецкая авиация нанесла удары с воздуха по аэродромам, крупным железнодорожным узлам, портам, городам Рига, Виндава (Вентспилс), Либава (Лиепая), Шяуляй, Каунас, Вильнюс, Алитус

4.30

Артобстрел и налеты на приграничные аэродромы КОВО в Доминиково, Бялэ и Долубово вблизи от Цехановца и на сам город

4.30-6.00

Немецкая пехота, нарушив границу, перешла в наступление

5.00

Встреча посла СССР В.Г. Деканозова с министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом. Министр вручил послу ноту, в которой фактически было объявлено о начале войны

5.30

Встреча наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова и посла Германии в Москве В. фон дер Шуленбурга. Посол передал ноту германского правительства

Первые танковые бои

Солдат Вермахта рядом с советским легким танком БТ-7 из состава 5-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса 11-й армии Северо-Западного фронта, подбитым под литовским городом Алитус

Следом за пехотой 22 июня 1941 года на территорию Советского Союза ворвались танковые соединения противника. Первое сражение между советскими и немецкими танками состоялось в полосе танкового клина Панцерваффе, нацеленного на Минск. Передовой отряд 3-й танковой группы Германа Гота, не встретив серьезного сопротивления на границе, уже к полудню 22 июня подошел к переправе через Неман у города Алитус. Особенностью этой дивизии было ее оснащение танками чешского производства PzKpfw 38(t), вооруженными 37-мм орудием. Мосты у Алитуса были подготовлены советскими войсками к взрыву, но в ночь на 22 июня охрана получила приказ из штаба округа снять заряды. Не исключено, что авторами этого «приказа» были переодетые красноармейцами немецкие диверсанты из спецподразделения «Бранденбург-800». Так или иначе, передовым частям Вермахта удалось захватить оба моста неповрежденными. Впоследствии Гот вспоминал, что *«для 3-й танковой группы явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными»*.

Однако на плацдарме у северного моста немецкие «панце-ры» сразу же попали в засаду советской 5-й танковой дивизии. Главным козырем Красной Армии в этом бою были полсотни новейших средних танков Т-34. Помимо этого, соединение насчитывало 30 трехбашенных средних танков Т-28 и 170 легких БТ-7. Броня «тридцатьчетверок» не пробивалась снарядами 37-мм танковых пушек, и вся тяжесть боя легла на артиллерию Вермахта. Переправившиеся через южный мост немецкие танки оказались под ударом советской артиллерии. Наступление противника застопорилось. К вечеру на выручку немецким частям были выдвинуты свежие силы. Это позволило им укрепить северный плацдарм и развить с него наступление во фланг и тыл оборонявшимся частям 5-й танковой дивизии. Под угрозой окружения советские танкисты вынуждены были отойти.

В вечернем донесении немецкой 3-й танковой группы сражение под Алитусом было оценено как *«крупнейшая танковая битва за период этой войны»*, в которой участвовала 7-я танковая дивизия. Имелась в виду, очевидно, не начавшаяся меньше суток назад война с Советским Союзом, а Вторая Мировая война, разгоревшаяся 1 сентября 1939 года. Собственные безвозвратные потери оценивались в 11 танков, включая 4 «тяжелых» (по-видимому, речь шла о недавно принятых на вооружение средних PzKpfw IV). Соответственно, общие потери немцев должны были быть, по крайней мере, в два-три раза больше. С советской стороны, из 45 участвовавших в бою легких танков БТ-7 было потеряно 30, из 24 средних Т-28 - 16, из 44 «тридцатьчетверок» – 27.

Так в первый же день войны состоялось знакомство немецких танкистов со средним танком Т-34-76, нарушившим их веру в превосходство германской техники над оружием «восточных варваров». Кроме того, сражение у Алитуса было первым столкновением немцев с механизированными корпусами, располагавшимися в глубине построения войск Красной Армии.

Другая важная переправа через Неман – мост в литовском городке Меркин – была захвачена даже не танками, а вырвавшимися вперед немецкими мотоциклистами. Генерал-полковник Герман Гот был воодушевлен таким началом кампании против Советского Союза: *«Явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными»*. Впереди была, конечно, более заманчивая цель, о которой все догадывались. Позднее Гот признавался: *«На самом деле <...> все стремились поскорее оказаться на пути к Москве»*. Пока же танковая группа Гота ударила на столицу Советской Литвы – Вильнюс. Это привело к обходу и охвату

через Прибалтику войск Западного фронта (до 21 июня 1941 года – Западного особого военного округа).

Если в Литве под Алитусом состоялось первое танковое сражение Великой Отечественной войны, то в Белоруссии под Гродно горький вкус встречи с танками Т-34 ощутила немецкая пехота. 29-я танковая дивизия полковника Н.П. Студнева до войны располагалась в районе Гродно и естественным образом оказалась на пути наступления 8-го армейского корпуса Вермахта. К 22 июня 1941 года она насчитывала всего 66 танков, в том числе два КВ и 26 Т-34. Остальной танковый парк составляли легкие танки Т-26 разных модификаций. Дивизия выводилась в район сосредоточения под ударами самолетов Люфтваффе, при первом же воздушном налете бомбардировке подвергся ее штаб. Исходные районы танкисты заняли к 8 часам утра, в сторону границы к Августовскому каналу, соединявшему Вислу и Неман, был выслан разведывательный батальон. После сосредоточения 29-й танковой дивизии в роще юго-западнее Гродно командир дивизии получил указание от генерала В.И. Кузнецова: *«Противник с целью спровоцировать конфликт и втянуть Советский Союз в войну перебросил на отдельных участках государственной границы крупные диверсионно-подрывные банды и подверг бомбардировке наши некоторые города. Приказываю: 29-й танковой дивизии во взаимодействии с 4-м стрелковым корпусом ударом в направлении Сопоцкин-Калеты уничтожить противника; границу не переходить. Об исполнении донести»*. Характерна формулировка этого приказа – *«с целью спровоцировать конфликт»*. Возможно, Кузнецов не хотел верить в то, что началась война. Силы, которыми противник пересек границу, были пока неизвестны, и советские командиры скоропалительно назвали их «бандами», хотя на самом деле границу уже пересекли регулярные части немецкой армии.

МИКУШЕВ Георгий Николаевич (1898-1941) – советский военачальник, генерал-майор, командир 41-й стрелковой дивизии. В первый день Великой Отечественной войны частям Красной Армии, оказавшимся под ударом танков и пехоты Вермахта на направлениях главных ударов, пришлось нелегко, соотношение сил не давало им

шансов на успех. Но на второстепенных участках фронта советские войска успешно оборонялись и даже переходили в наступление. Части 41-й стрелковой дивизии генерал-майора Микушева в районе Рава-Русской контратаковали агрессоров и вторглись на территорию противника на глубину более чем в 3 километра. Немецкие источники описывают это следующим образом: «262-я пехотная дивизия оказалась подвержена «боязни противника» и отступила. Восточное крыло корпуса, несомненно, находится в состоянии тяжелого кризиса». Микушев был смертельно ранен в сентябре 41-го под Киевом, когда лично повел своих бойцов в контратаку.

PzKpfw 38(t) – чешский легкий танк, с 1939 г. состоявший на вооружении Вермахта. Первоначально назывался LT vz.38, однако после захвата немцами Чехословакии был переименован ими в соответствии с собственной классификацией. Литера «t» в скобках указывала на то, что эта бронемашина чешской конструкции (по-немецки – tshechisch). Танк предназначался, главным образом для ведения разведки, но в начале Второй мировой был достойным противником и для легких танков. Дебютом PzKpfw 38(t) на поле боя стали Польская и Французская кампании немецкой армии. В операции «Барбаросса» использовалось более 600 машин этого типа, которые составляли основу парка пяти танковых дивизий и около 20 % всех танков Панцерваффе, перешедших границу СССР. В сражениях на Восточном фронте большая часть PzKpfw 38(t) была уничтожена.

Тактико-технические характеристики: боевая масса – 9400 кг; экипаж – 4 чел.; длина – 4,60 м; ширина – 2,12 м; высота – 2,40 м; двигатель – 6-цилиндровый мощностью 125 л.с; максимальная скорость по пересеченной местности – 15 км/ч, по шоссе – 48 км/ч; вооружение – 37-мм полуавтоматическая пушка Skoda A-7 и два пулемета калибра 7,92 мм; боезапас – 72 снаряда и 2400 патронов; бронирование – от 8 до 25 мм.

Т-34 С БАШНЕЙ–«ПИРОЖКОМ»

Советский средний танк с 76-мм пушкой, серийно выпускавшийся с 1940 г. Самый массовый средний танк Второй мировой войны и один из самых узнаваемых символов Великой Отечественной. Благодаря своим боевым качествам многими специалистами признан лучшим средним танком Второй мировой. «Тридцатьчетверка» оказала огромное влияние на развитие мирового танкостроения. Так, к примеру, двигатель современного российского основного боевого танка Т-90 «Владимир» – прямой потомок двигателя В-2, установленного на Т-34.

При создании этого танка советским конструкторам удалось найти почти оптимальное соотношение между основными боевыми, эксплуатационными и технологическими характеристиками. Штатный боекомплект Т-34 образца 1940 г. состоял из 100 снарядов – 75 осколочно-фугасных и 25 бронебойных. Баланс между бронебойными и осколочно-фугасными снарядами во многом отражает те боевые условия, в которых «тридцатьчетверки» шли в атаки. Под шквальным огнем артиллерии экипажи Т-34 в большинстве случаев имели мало времени для прицельной стрельбы, поэтому стреляли с ходу и коротких остановок, рассчитывая на подавление противника количеством выстрелов или поражение цели несколькими снарядами. У танкистов, воевавших на Т-34, было, как правило, больше возможностей покинуть загоревшийся танк, чем у экипажей других бронемашин. Необычный для танкостроения других стран люк механика-водителя в верхней лобовой части корпуса на практике оказался довольно удобным для покидания «тридцатьчетверки» в критических ситуациях. При этом танкисты были единодушны в отрицательной оценке люка башни Т-34 ранних выпусков с овальной башней, прозванной за характерную форму «пирожком». Объединенный люк наводчика и заряжающего был неудобен и тяжел, а если его заклинивало, то выбраться через него из горящего танка становилось просто невозможным.

Тактико-технические характеристики танка Т-34-76 образца 1940 г.: масса – 26,0 т, экипаж – 4 чел., бронирование от 20 до 45 мм, двигатель – V-образный 12-цилиндровый дизельный силовой агрегат В-2-34 мощностью 500 л.с, вооружение – 76,2-мм пушка Л-11 и 2 7,62-мм пулемета ДТ.

Спустя некоторое время 29-я танковая дивизия получила уточненную задачу уже от командира 11-го мехкорпуса, в которой требовалось *«уничтожить наступающего противника и выйти на фронт Сопецкин-Липск»*. Тогда же получил задачу и командир 33-й танковой дивизии полковник М.Ф. Панов: наступать в направлении Липск-Августов. Вводом в бой механизированного соединения советским войскам удалось приостановить наступление противника и даже отбросить назад передовые части немцев. В результате встречного сражения 29-я танковая дивизия с боями продвинулась на семь километров. Однако в этих боях она потеряла почти всю технику. Согласно донесениям штаба 9-й армии Вермахта, только 8-

я пехотная дивизия 22 июня в районе Гродно подбила 80 советских танков. Вводом подвижного резерва В.И. Кузнецову удалось приостановить продвижение немецкой пехоты.

Под Гродно танки 11-го механизированного корпуса генерала Д.К. Мостовенко 22 июня были использованы в контрударе против наступавшей на город немецкой пехоты. Танкистам удалось предотвратить немедленный развал обороны стрелковых частей, но ценой тяжелых потерь. Всего, по немецким данным, в боях на подступах к Гродно в первый день войны было уничтожено 180 советских танков.

В первый же день войны решилась судьба всех трех танков КВ 11-го мехкорпуса. Один опрокинулся и затонул в болоте. Второй был обездвижен попаданиями в ходовую часть. Это был первый танк КВ, с которым немцы столкнулись в боях. Как ни странно, донесений об этом столкновении не последовало. Третий КВ из-за неисправности остался в мастерских, позднее его взорвали при отходе. В этом эпизоде содержится ответ на вопрос, куда делись КВ и Т-34 летом 1941 года.

По итогам боев немцы отметили, что советские танкисты действовали «энергично и упорно группами по 2040 боевых машин». С другой стороны указывалось, что «*эффективность 3,7-см противотанкового орудия достаточна против всех встреченных типов танков*». По итогам этих боев под Гродно от пленных советских танкистов немцы получили первые достоверные сведения о новейших советских средних танках Т-34-76. Данные о вооружении, сообщенные пленными, были точными, о броне – приблизительными. Точное число потерянных 22 июня «тридцатьчетверок» неизвестно.

Встреча: лето 1941 года. В придорожном кювете лежит брошенный нашими войсками КВ-2, оснащенный гаубицей М-10Т калибра 152 мм. Мимо проезжает немецкая самоходно-артиллерийская установка sIG-33. Несмотря на внушительный внешний вид обеих машин, sIG-33– это всего лишь полевая гаубица, поставленная на шасси танка PzKpfw-I и защищенная 10-мм бронелистами. При этом лоб корпуса и башни тяжелого танка КВ-2 прикрывала 75-мм броня

МЕХАНИЗИРОВАННЫЕ КОРПУСА

Крупнейшее подвижное соединение в войсках Красной Армии численностью около 30 тысяч человек. К началу Великой Отечественной войны состоял из двух танковых, одной моторизованной дивизии и других подразделений, частей и соединений. Мехкорпуса, как правило, находились в окружном (с началом войны – фронтовом)

подчинении, реже входили в состав армий в качестве ударной силы. К началу войны наибольшее количество – 5 мехкорпусов – находилось в подчинении командования Юго-Западного фронта. Несмотря на штатную численность в тысячу танков, мехкорпус по своим боевым возможностям не шел ни в какое сравнение с танковой группой Вермахта. Во-первых, по опыту первых кампаний Второй мировой войны немецкие танковые дивизии были сбалансированы, приведены к примерно равному числу танковых и мотопехотных батальонов. Советские мехкорпуса были перегружены танками в ущерб мотопехоте. Во-вторых, имеющаяся на вооружении техника, которая вынужденно пошла на формирование мехкорпусов (за отсутствием альтернатив), была создана, исходя из более простых задач. В первую очередь это касалось мехтяги артиллерии. Еще на совещании руководящего состава Красной Армии в декабре 1940 года командир одного из мехкорпусов Западного Особого военного округа говорил: «Мы имеем в артиллерии трактора СТЗ-5, которые задерживают движение. Наша артиллерия, вооруженная этими тракторами, имеет небольшую подвижность и отстает от колесных машин и от танковых соединений». В боях первых недель войны мехкорпуса потеряли почти все танки и большинство личного состава. 15 июля 1941 года они были упразднены. Танковые дивизии передали в подчинение командующим армиями, а моторизованные переформировали в стрелковые.

Брестская крепость

Снимок солдата 45-й пехотной дивизии Михаэля Вехтлера: «Женщины и дети, попавшие в плен на Южном острове крепости». Девушка в белом халате в центре снимка – старшая медсестра хирургического отделения госпиталя Прасковья Ткачева. 24 июня 1941 года

На границе между Советским Союзом и Германией была точка, развитие событий в которой происходило по наихудшему из всех возможных сценариев, – Брестская крепость. Ее исхлестанные пулями стены до сих пор остаются в людской памяти одним из символов Великой Отечественной войны. К моменту немецкого вторжения крепость уже утратила свое оборонительное значение и на 22 июня 1941 года представляла собой комплекс казарм личного состава 6-й и 42-й стрелковых дивизий 4-й армии. По предвоенным планам в случае начала боевых действий в крепости должен был остаться один батальон. Однако приказание вывести войска и занять позиции на границе поступило только за полчаса до начала немецкой артиллерийской подготовки. Части двух дивизий не успели даже поднять по тревоге. В крепости оказались запертыми более восьми тысяч человек, многие из которых погибли в первые же часы Великой Отечественной войны. Оставшиеся в живых бойцы сделали выбор, который стал типичным для окруженцев 1941 года, – сопротивление до последней возможности.

В кратком боевом отчете о действиях 6-й стрелковой дивизии первый страшный удар противника был описан следующим образом: *«В 4 часа утра 22 июня был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм в центральной части крепости, по мостам и входным воротам и домам начальствующего состава. Этот налет внес замешательство и вызвал панику среди красноармейского состава. Командный состав, подвергшийся в своих квартирах нападению, был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не могли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня, поставленного на мосту в центральной части крепости и у входных ворот. В результате красноармейцы и младшие командиры без управления со стороны средних командиров, одетые и раздетые, группами и поодиночке, выходили из крепости, преодолевая обводный канал, реку Мухавец и вал крепости под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Потери учесть не было возможности, так как разрозненные части 6-й дивизии смешались с разрозненными частями 42-й дивизии, а на сборное место многие не могли попасть потому, что примерно в 6 часов по нему уже был сосредоточен артиллерийский огонь».*

Снаряды сыпались не только на казармы. Все выходы из Брестской крепости находились под сильным артиллерийским и минометным обстрелом противника. В итоге бойцы и командиры 6-й и 42-й стрелковых дивизий остались в крепости не потому, что они имели задачу оборонять ее (по плану на это выделялся всего один батальон), а потому, что не могли выйти за ее пределы. Все, что находилось вне прочных казематов крепости, было сметено огнем. Артиллерия, находившаяся в открытых парках крепости, в большей своей части была уничтожена. Рядом с орудиями у коновязей стояли лошади артиллерийских и минометных частей и подразделений дивизий. Несчастные животные уже в первые часы войны были перебиты осколками. Автомашины частей обеих дивизий, стоявшие в объединенных открытых автопарках, сразу же запылали.

Поднимающиеся вверх султаны взрывов, дым и пламя над крепостью наблюдали стоявшие на берегу солдаты и офицеры 45-й пехотной дивизии Вермахта. Казалось, что в этом аду никто не может уцелеть. Однако вскоре им пришлось убедиться в обратном. Когда огонь был перенесен в глубину обороны, в воду были спущены резиновые лодки и штурмовые группы начали высадку на острова Тереспольского, Кобринского и Волынского укреплений. Они спешили – на захват крепости по плану было отведено всего восемь часов. К 4 часам утра наступающими были заняты Пограничный остров (Тереспольское укрепление) и Госпитальный остров (Волынское укрепление). Небольшой группе немцев удалось прорваться

через мост у Тереспольских ворот в цитадель и захватить церковь (ставшую клубом) и здание столовой командирского состава. В 6 часов 23 минуты командование дивизии сообщало в штаб корпуса, что северный остров (Кобринское укрепление) вскоре будет захвачен. При этом отмечалось, что сопротивление противника усилилось. Однако надежды на быстрый захват крепости рассыпались как карточный домик. В официальной истории 45-й дивизии этот форс-мажор описан следующим образом: *«В крепости бои приняли такой характер, которого никто не ожидал. Уже через несколько часов после начала вступления командование корпуса должно было отдать из своего резерва наш 133-й пехотный полк, чтобы целиком бросить его на взятие крепости. Вскоре пришлось бросить против крепости и все дивизионные резервы. Наши потери в людях, особенно в офицерах, вскоре приняли при- скорбные размеры»*. Даже уже достигнутые успехи оказались поставлены под сомнение.

Брестская крепость утром 22 июня 1941 года. Снимок сделан с аэростата немецкими артиллерийскими корректировщиками

Немецкая штурмовая группа на железнодорожном полотне в районе железнодорожного моста через Буг. 22 июня 1941 года

Бронетранспортеры 192-го дивизиона переправляются через реку Западный Буг. 22 июня 1941 года

Брестская крепость была сооружена в 1836-1842 годах у впадения реки Мухавец в Западный Буг по проекту военного топографа и инженера графа К.И. Оппермана (1765-1831). Внутренним ядром крепости являлась ее цитадель. Кольцевой стеной цитадели была кирпичная двухэтажная казарма с 500 казематами для размещения войск. Под казематами находились складские помещения, а ниже – сеть подземных ходов. Именно эти кирпичные сооружения обычно ассоциируются с боями за Брестскую крепость в 1941 году. Они были построены из особо прочного кирпича, способного противостоять даже тяжелым орудиям. Двое ворот в виде глубоких тоннелей соединяли цитадель с мостами через реку Мухавец, которые выходили на бастионы крепости. Третьи ворота выходили к мосту через основное русло Западного Буга. Кольцо бастионов с крепостными сооружениями, казармами и складами служило внешним прикрытием цитадели. С внешней стороны этого кольца более чем на 6 км тянулся массивный земляной вал десятиметровой высоты, который являлся наружной стеной всей крепости. Земляной вал опоясывался рукавами Западного Буга и Мухавца, каналами и широкими рвами, заполненными водой. Система рукавов рек и каналов в кольце бастионов образовала три острова, на которых располагались Тереспольское, Волынское и Кобринское укрепления. В июне 41-го эти острова назывались Пограничным, Госпитальным и Северным. Немцы именовали их согласно географическому положению – Западный, Северный и Южный. В нескольких километрах от земляного вала крепости проходило кольцо фортов, западная часть которых находилась на оккупированной Третьим рейхом территории Польши. Оставшаяся на советской территории часть фортов использовалась для размещения войск и складов. При разрезанной надвое системе обороны старой крепости форты военного значения уже не имели. Вместо них вдоль границы строились укрепления Брестского укрепленного района. В 1971 году на территории крепости открылся мемориальный музейный комплекс «Брестская крепость-герой».

О боях на занятом в первый час боев Тереспольском укреплении официальный историограф дивизии Рудольф Гшепф писал: *«Многочисленные кукушки (снайперы. – Прим. авт.) и бойцы, замаскировавшиеся на Западном острове, не пропускали теперь наших пополнений. Уже в первый день войны на острове были окружены и разгромлены штабы 3-го батальона 135-го пехотного полка и 1-го дивизиона 99-го артиллерийского полка, убиты командиры частей»*. Основными участниками боев на «Западном острове» были пограничники – бойцы 9-й пограничной заставы 17-го Брестского пограничного отряда войск НКВД. В 10 часов 50 минут штаб 45-й пехотной дивизии доложил командованию корпуса: *«Русские ожесточенно сопротивляются, особенно позади наших атакующих рот. В цитадели противник организовал оборону пехотными частями при поддержке 35-40 танков и броневых автомобилей. Огонь вражеских снайперов привел к большим потерям среди офицеров и унтер-офицеров»*. В 14 часов 30 минут командир 45-й дивизии генерал-лейтенант Фриц Шлипер фактически отказался от дальнейшего штурма центральной части крепости. Было решено уже проникшие на территорию цитадели подразделения отвести назад с наступлением темноты. Тем самым артиллеристам были бы развязаны руки в бомбардировке цитадели. Однако в центре крепости оставалось блокированными около 70 немцев, захвативших церковь. Штурм, который должен был занять восемь часов, растянулся на несколько дней. Командующий 2-й танковой группой Гейнц Гудериан впоследствии писал: *«Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссе, ведущие через Западный Буг в Мухавец»*.

ГУДЕРИАН Гейнц Вильгельм (Heinz Wilhelm Guderian; 1888-1954) – немецкий военачальник и военный теоретик, генерал-полковник (1940). Считается одним из основоположников моторизованных способов ведения войны. Родоначальник танкостроения в Германии и танкового рода войск в мире. Имел прозвища «Schneller Heinz» – «Быстрый Гейнц» и «Heinz Brausewetter» – «Гейнц-ураган». В Первую мировую был радистом, а с 1931 г. стал начальником штаба инспектора автотранспорт-

ных войск Рейхсвера. В 1932 г. посещал СССР с целью инспекции немецкой танковой школы «Кама» под Казанью, созданной в обход условий Версальского договора. С 1934 г. Гудериан был начальником штаба моторизованных войск, с 1935-го – танковых войск. Однако оторванным от жизни штабистом он не стал, сделав карьеру от командира танковой дивизии до командира танковой группы. Более того, он задал стиль командования. Чаще всего Гудериан руководил сражением с передовой, управляя своим штабом по радио. Видя поле боя своими глазами, военачальник мог быстро принимать ключевые решения. В декабре 1941 г. за поражение под Москвой он был снят со своей должности и отправлен в «резерв фюрера». Вернулся на службу только в феврале 1943 г., был назначен генерал-инспектором танковых войск, а в 1944-1945 гг. даже стал начальником Генерального штаба. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. вместе с Кейтелем и Рундшtedтом расследовал дела офицеров Вермахта, причастных к заговору. В 1945 г. попал в американский плен, но вскоре был отпущен на свободу. Написал широко известные мемуары «Воспоминания солдата» и книгу «Танки – вперед!», посвященную истории немецких бронетанковых войск.

Солдат немецкой 45-й дивизии на огневой позиции в Брестской крепости справа от казарм 125-го стрелкового полка

На правом борту штурмового орудия нанесен номер 24. Утром 22 июня 1941 года шесть штурмовых орудий первой батареи под командованием капитана Хаманна переправились через реку Западный Буг по железнодорожному мосту и атаковали советские войска. В первом бою были выведены из строя три штурмовых орудия

Подбитые под Брестом советские легкие танки Т-26. Июнь 1941 года

В целом события в Брестской крепости развивались по общему сценарию 22 июня: успех Вермахта в первые часы наступления и резкое возрастание сопротивления советских войск во второй половине дня. Гарнизон, разбитый на несколько изолированных групп сопротивления, сражался до последнего патрона. Только 29 июня пал последний организо-

ванный очаг сопротивления под командованием майора П.М. Гаврилова в Восточном форте. Суммарные потери немцев в Брестской крепости составили до 5 % от общих потерь Вермахта на Восточном фронте за первую неделю войны. Есть свидетельства, что последние участки сопротивления были уничтожены лишь в конце августа, перед посещением крепости Гитлером и Муссолини. Камень, который фюрер тогда взял из развалин Брестской крепости, был обнаружен в его кабинете в Рейхсканцелярии после падения Берлина.

Подбитые БА-10 и Т-37 в крепости

ГАВРИЛОВ Петр Михайлович (1900-1979) – советский офицер, участник обороны Брестской крепости в 1941 году, майор, Герой Советского Союза (1957). В 1918 году вступил добровольцем в Красную Армию, сражался против войск Колчака, Деникина и повстанцев на Северном Кавказе. После окончания Гражданской войны остался в армии. В 1939-м окончил Военную академию имени Фрунзе. В звании майора был назначен командиром 44-го стрелкового полка. Участвовал в Советско-финской войне 1939-1940 годов. После окончания боевых действий полк Гаврилова был переведен в Западную Белоруссию, а в мае 41-го – в Брест. Только через месяц после начала штурма Брестской крепости – 23 июля немцы смогли взять в плен раненого майора. До освобождения в мае 45-го Гаврилов содержался в лагерях Хаммельбург и Равенсбрюк. Вернувшись на Родину, он был восстановлен в армии в прежнем звании. Свою семью ему удалось найти лишь в 1955 году. Через год он стал Героем Советского Союза и был награжден медалью «Золотая Звезда». Похоронен в Бресте.

Сражение в воздухе

Атакует «Мессершмитт» Bf 109

В противоположность разрозненным стычкам на земле воздушное сражение в первый день Великой Отечественной войны – 22 июня 1941 года было одним из наиболее интенсивных в истории авиации.

В промежуток с 4 до 5 часов утра 22 июня около 300 самолетов немецкого 5-го авиакорпуса атаковали 24 аэродрома, на которых базировались бомбардировочные и истребительные полки ВВС Киевского особого военного округа. Немецкие истребители и бомбардировщики шли на большой высоте над лесисто-болотистыми районами. Внизу, на земле, было тихо – артиллерийская подготовка должна была начаться с минуты на минуту. Немцы считали, что если перелететь границу одновременно с началом операции наземными войсками, то у советских летчиков будет примерно 3040 минут на приведение в боевую готовность. Опасения немецких авиаторов были не напрасными. Командир одного из истребительных полков капитан Ю.М. Беркаль, услышав артиллерийскую канонаду, тут же на свой страх и риск объявил боевую тревогу. С аэродрома Тарново поднялись истребители. Уже в 4 часа 5 минут утра три эскадрильи были в воздухе и заявили об уничтожении в завязавшихся схватках трех немецких самолетов. Всего за день ими было выполнено 74 вылета на прикрытие аэродрома. Советские летчики заявили об уничтожении 2 истребителей Me-109. В воздушном бою был потерян 1 самолет, еще 1 не вернулся с боевого задания. На земле было потеряно 27 МиГ-3, 11 И-153. В соседнем 124-м истребительном авиаполку майора И.П. Полунина также вовремя объявили тревогу. В воздух поднялись заместитель командира полка капитан Н.А. Круглов и младший лейтенант Д.В. Кокорев. Последнему удалось перехватить и сбить таранным ударом двухмоторную двухкилевую машину, опознанную им как Do-217. В действительности это был истребитель Me-110, которому было суждено стать первым потерянным немцами самолетом на Восточном фронте.

Существует распространенное заблуждение о том, что советская авиация была разгромлена буквально в первые минуты Великой Отечественной войны. Однако секретом успеха Люфтваффе 22 июня был не первый удар по «спящему аэродрому», а конвейер следующих один за другим ударов, когда один аэродром за день подвергался нескольким ударам с воздуха, которые авиаполки приграничных военных округов уже не выдерживали. Авиатехники не успевали подготовить самолеты к вылетам, не хватало заправщиков, боеприпасов, автостартеров. К примеру, по аэродрому 124-го полка немецкими летчиками за день было выполнено около 70 вылетов, при этом чередовались атаки бомбардировщиков He-111 и истребителей Me-110. Рано или поздно наступал момент, когда все самолеты оказывались прикованы к земле, заправляясь или перезаряжая оружие. В итоге немцам удалось подбить и уничтожить 30 советских самолетов. Многие авиаполки ВВС Красной Армии были полностью уничтожены после четырех-пяти налетов немецкой авиации. Летчик базировавшийся на Украине 17-го истребительного авиаполка Герой Советского Союза Ф.Ф. Архипенко вспоминал: *«Противодействовать ударам бомбардировщиков мы не могли: летный состав находился в Ковеле у своих близких»*. Пилоты полка на выходные обычно уезжали к семьям в Ковель. Суббота 21 июня 1941 года не стала исключением. Последствия их отсутствия на базе были самыми печальными. Этот случай был не единственным. Экипажи 64-го штурмового авиаполка утром 22 июня прибыли на летное поле с опозданием, поскольку решили, что в выходной день объявлена обычная учебная тревога. Однако тревога оказалась боевой и результаты несерьезного отношения к своим служебным обязанностям не заставили себя ждать – половина самолетов полка была сожжена или повреждена немецкой авиацией.

Упрощало уничтожение советских самолетов прямо на аэродромах базирования то, что крылатые машины не были рассредоточены, а стояли в линейку поэскадрильно для удобства их обслуживания. Гауптман Герхард Беккер вспоминал об одной из таких штурмовок утром 22 июня: *«Ночь была прозрачная. Наша цель был аэродром на котором базировалась истре-*

бительная часть, вооруженная И-16, как мы их называли, «Крыса». Они стояли в несколько плотных рядов представляя для нас отличную цель».

Однако было бы ошибкой считать «Хейнкели» и «Юнкерсы» вездесущими. Во втором эшелоне на направлении главного удара противника находились полки 62-й авиадивизии. Они базировались в районе Киева и восточнее города. Однако ударам с воздуха аэродромы дивизии в первый день войны не подвергались. Напротив, немецкие самолеты просто пролетели мимо них. Техник 94-го авиаполка 62-й авиадивизии А.Д. Будучев вспоминал: *«Война началась с боевой тревоги в 3.30 утра. Самолеты были быстро подготовлены к боевому вылету. Время идет, а наши самолеты никуда не летят и летного состава нет. Все думали, что это очередные учения (их было много в то время). Но когда увидели большие группы незнакомых самолетов, летящих мимо нас на восток, забеспокоились – не война ли? <...> В 10 часов был зачитан приказ, что фашистская Германия напала на нас и что надлежит делать нашей армии, в частности авиации».* Только во второй половине дня, когда командующий ВВС Киевского особого военного округа Е.С. Птухин и его заместители по летной и политической части вернулись из Киева, 62-я авиадивизия получила боевую задачу. В 15 часов 15 минут Птухин отдал приказ атаковать танки противника, движущиеся по шоссе Владимир-Волынский Луцк. Задача была поручена двум девяткам СБ из 52-го и 94-го полков, которые сбросили на цель 232 бомбы ФАБ-100 и 2 ФАБ-50. СБ в этом первом вылете на бомбардировку вражеских «мотомеханизированных колонн» сопровождали истребители 17-го истребительного авиаполка.

Немецкие самолеты «Мессершмитт BF.110E-2/N» из 1./SKG210 в полете над территорией СССР. Самолет на переднем плане потерян на Украине в районе аэродрома Трембовля во время боевого вылета 1 июля 1941 года. Пилот и радист погибли

И-16 – советский истребитель 1930-х гг., созданный в особом конструкторском бюро Н.Н. Поликарпова, первый в мире серийный истребитель-моноплан с убирающимся шасси и самый массовый истребитель советских ВВС накануне Великой Отечественной войны. В Красной Армии эта крылатая машина за надежность и неприхотливость в эксплуатации получила прозвище «Ишачок». Первый полет на прототипе И-16 в 1933 г. был выполнен легендарным летчиком Валерием Чкаловым. Боевое крещение самолет принял во время Гражданской войны в Испании. И-16 тип 5 и И-16 тип 10 показали хорошие результаты в боях с немецкими бипланами, и до появления в испанском небе Мессершмитта Vf.109 были «королями воздуха». Стоявшие на вооружении Люфтваффе бипланы Хейнкель-51 и Фиат ЦР-42 уступали машинам Поликарпова по всем параметрам. Тем не менее, пилоты «Мессеров» считали И-16 серьезным противником, у которых он получил прозвище «Крыса». В официальной инструкции для летчиков-истребителей Люфтваффе указывалось: «Не загоняй «Крысу» в угол!» С 1934 по 1942 г. было выпущено более 10 тыс. И-16 всех типов. Именно эти самолеты к началу Великой Отечественной войны составляли основу истребительного парка ВВС Красной Армии, и более 40 % от общего числа истребителей, сосредоточенных перед немецким вторжением на западной границе СССР (4226 машин). На И-16 начали свою летную карьеру многие асы советских ВВС.

Тактико-технические характеристики И-16 тип 29: экипаж – 1 чел., размах крыла – 9 м, длина – 6.13 м, высота – 2.25, масса: пустого – 1383 кг, взлетная – 1882 кг, тип двигателя 1 ПД М-63, мощностью 900 л.с, максимальная скорость: у земли – 410 км/ч, на высоте – 462 км/ч, практическая дальность – 440 км, скороподъемность – 882 м/мин, практический потолок – 9700 м, вооружение: два 7.62-мм пулемета ШКАС и один 12.7-мм пулемет БС, до 200 кг бомб или установки РС-82.

62-я авиадивизия была не единственным в КОВО, избежавшей опустошающих налетов на аэродромы. Совершенно тихо и буднично, несмотря на начавшуюся войну, прошел день 22 июня в 17, 18, 19-й и 44-й авиадивизиях. Они дислоцировались в глубине построения войск округа, причем в стороне от ведущих к Киеву воздушных путей.

В условиях хаоса и неразберихи среди советских летчиков нашлось немало тех, кто сумел достойно встретить противника. В воздушных схватках 22 июня 1941 года, развернувшихся от Балтики до Черного моря, советские истребители сбили более 200 немецких самолетов. Иногда в отражении авиаударов противника ВВС Красной Армии удавалось добиваться просто выдающихся результатов. Так, самый результативный ас первого дня войны командир звена 123-го истребительного авиационного полка ПВО двадцатипятилетний лейтенант И.Н. Калабушкин «завалил» 5 немецких самолетов: два «Мессершмитта», два

«Юнкерса» и один «Хейнкель». Всего 22 июня 123-й истребительный авиаполк под командованием майора Б.Н. Сурина сбил 30 самолётов противника. Из них к 5 утра сам Сурин на И-153 уже имел личную победу сбив Vf.109. В четвертом боевом вылете он сбил третий самолет противника, но получив тяжелое ранение, скончался после посадки. Аэродром Млынув на Украине стал настоящим кладбищем бомбардировщиков Люфтваффе. Над ним 51-я бомбардировочная эскадра «Эдельвейс» (Kampfgeschwader 51 «Edelweiss») потеряла семь своих «Юнкерсов». Все немецкие «бомберы» были сбиты истребителями с красными звездами. Журнал боевых действий эскадры рисует далеко не радужную картину завершения самого длинного дня 1941 года: *«После посадки последнего самолета в 20.23 во дворце Полянка около Красно коммодор подполковник Шульцхейн подвел итоги дня: 60 человек (15 экипажей!) летного персонала погибли или пропали без вести, в третьей группе оказались сбиты или получили повреждения более 50 % машин».*

Всего летчикам Люфтваффе в первый день войны на Восточном фронте удалось сбить около 400 самолетов ВВС Красной Армии. Причины этого крылись, в том числе в отсутствии боевого опыта у большинства советских пилотов и недостатках техники. Летчик 31-го истребительного авиаполка А.Е. Шварев вспоминал: *«22 июня нас разбудила стрельба зениток. Мы быстро оделись и побежали на аэродром <...> Ангар горит. Кто прибежал, успели выкатить оттуда самолеты. Командир звена Волчок приказал: «Вылетай за мной!» Мы стали вылетать парами. Навстречу нам шла группа самолетов Хе-111 – грозные самолеты, с сильным бортовым вооружением. Мы подлетели к ним, стреляем, но вся беда была в том, что у МиГ 3 стояли пулеметы БС калибром 12,7-мм, которые частенько заедали –ных, и дальше не стреляет. А по нам стреляли из пулеметов. После первого вылета в моем самолете насчитали около сорока пробоин».*

Результат налетов Люфтваффе зависел от соотношения сил противников. Наихудшей ситуация была на направлении главного удара немцев – в Белоруссии, где у них был собран мощный авиационный кулак. Вооруженная новейшими высотными истребителями МиГ-3 9-я смешанная авиадивизия Героя Советского Союза генерал-майора С.А. Черных за 22 июня лишилась 347 самолетов из 409 имевшихся. Всего Белорусский особый военный округ потерял 738 крылатых машин, из них 528 самолетов было уничтожено немцами на земле. Наименьшими потерями отделались советские ВВС на Юге – в Одесском особом военном округе. Там командующий ВВС округа генерал-лейтенант Ф.Г. Мичугин заблаговременно отдал приказ рассредоточить самолеты, как того требовал план проводимых в округе учений. Поэтому потери авиации округа составили всего 6 самолетов.

Ответные удары советской авиации были нацелены на известные аэродромы противника, переправы через Буг и колонны механизированных частей Вермахта. Однако уже с первых часов войны стало себя проявлять несовершенство организационной структуры ВВС Красной Армии. 9-я, 10-я и 11-я авиадивизии были формально подчинены армиям. В руках командующего ВВС Западного фронта Героя Советского Союза генерал-майора И.И. Копца оставались только 12-я, 13-я бомбардировочные авиадивизии, 3-й авиакорпус дальней авиации и 43-я истребительная авиадивизия. Истребители последней базировались в районе Орши и участвовать в боях на границе не могли. Так что Копец мог бросить в бой только бомбардировщики СБ и ДБ-3, причем без истребительного прикрытия. С середины дня 22 июня он активно использовал бомбардировочную авиацию 12-й и 13-й авиадивизий, а также 3-й дальнебомбардировочный корпус.

МиГ-3 – самый массовый советский истребитель «нового поколения» накануне немецкого вторжения в СССР. К рассвету 22 июня в пяти приграничных округах находилось 917 «МиГов», что составляло почти 22 % от общего числа истребителей. На высотах до 5 км МиГ-3 проигрывал в скорости как Vf 109F-2, так и более старому Vf 109E-4. В горизонтальной маневренности МиГ-3 также сильно проигрывал, особенно ранние серии машины, не имевшие предкрылков. Кроме того, самолет тяжело и неохотно входил в любой маневр, особенно на больших скоростях. Летчик-истребителя генерал Н.Г. Захаров отмечал: *«МиГ-3 был тяжеловат для истребителя. Ошибок при пилотировании он не прощал, был рассчитан на хорошего летчика. Средний пилот на «МиГе» автоматически переходил в разряд слабых, а уже слабый и вовсе не смог бы на нем летать»*. К преимуществам истребителя Микояна и Гуревича можно было отнести высокие разгонные характеристики при пикировании. В пике гораздо более тяжелый МиГ-3 набирал скорость быстрее «Мессершмитта», а затем за счет инерции мог выполнить более высокую и крутую «горку». Оборудование МиГ-3 вызывало немало нареканий: отсутствие среди приборов авиагоризонта и гироскопа затрудняло полеты в облаках и в темное время суток. Через тусклое стекло коллиматорного прицела ПБП-1 сложно было прицелиться даже на близких дистанциях, а плохое охлаждение пулеметов, размещенных вплотную к раскаленному двигателю, не позволяло стрелять длинными очередями из-за риска «пережечь» стволы. В конце 1941 г. производство этих машин было прекращено, и уже спустя год «МиГи» на фронте практически не встречались, в малых количествах оставшись в частях ПВО и морской авиации. Всего было выпущено 3 тысячи 278 этих истребителей.

Тактико-технические характеристики МиГ-3: экипаж – 1 чел., размах крыла – 10,2 м, длина – 8,25 м, высота – 3,325 м, масса: пустого – 2699 кг, взлетная – 3355 кг, тип двигателя 1 АМ-35А, мощностью 1350 л.с, максимальная скорость: у земли – 495 км/ч, на высоте – 640 км/ч, практическая дальность – 820-857 км, практический потолок – 11 500 м, вооружение: 12,7 мм пулемёт БС с 300 патронов, 2x7,62 мм пулемёта ШКАС с 750 патронов на ствол, 2x12,7 мм пулемёт БС под крылом (дополнительно).

Messerschmitt Bf.109 (в СССР традиционно назывался **Me-109**) – основной истребитель Люфтваффе на Восточном фронте и во всей Второй мировой войне. Один из самых массовых самолетов в истории мировой авиации, уступая по количеству произведенных крылатых машин только советскому штурмовику Ил-2. К апрелю 1945 г. было выпущено 34 тысячи Bf.109. В зависимости от модификации «мессер» применялся в качестве истребителя, истребителя-перехватчика, высотного истребителя, истребителя-бомбардировщика и самолета-разведчика. Во время нападения на СССР Люфтваффе использовали свыше одной тысячи Bf.109, из которой почти половину составляла его новейшая модификация – Bf.109F («Фридрих», или «Фриц»). Среди летчиков ВВС Красной Армии «Мессершмитт» считался наиболее опасным противником, превосходя другой массовый немецкий истребитель – «Фокке-Вульф» Fw-190, который был менее приспособлен для ведения маневренных боев на малых высотах, характерных для воздушных сражений на Восточном фронте. За тонкий удлиненный профиль у советских летчиков Bf.109 получил прозвище «Худой», а в разговорах между собой они называли их «шмитты» или «мессера». Самая массовая серия «мессеров» – G, выпускавшаяся с 1943 г. имела в развале двигателя пушку и два тяжелых пулемета. Мотор «Густава» был еще мощнее, а для экстренных ситуаций был предусмотрен впрыск метанола – жидкости, которая увеличивает октановое число двигателя. Мощное бронирование пилотской кабины позволяло летчикам Люфтваффе выживать даже тогда, когда самолет превращался в груды металлолома. Так, гауптман Вальтер Крупински, имевший на своем боевом счету 192 самолета противника, потерял за годы войны 21 Bf.109. К серьезным недостаткам машины относились маленькое лобовое бронестекло и чересчур развитая оплетка фонаря кабины, существенно ограничивавшие обзор в воздушном бою. Только к концу войны на последней модификации – «Курфюрст» – форму фонаря сделали более обтекаемой и выпуклой. Из-за слишком узкой колеи шасси «мессеры» могли завалиться при посадке. Тем не менее исключительно на «Худых» летали пилоты истребительной эскадры JG52, в которой служили самые результативные асы Второй мировой – Эрих Хартманн, Герхард Баркхорн и Гюнтер Ралль, «на троих» сбившие 918 советских самолетов.

Одной из целей советских бомбардировщиков стал аэродром Бяла Подляска, на котором базировались пикировщики из 77-й эскадры (Sturzkampfgeschwader 77). На летном поле разорвались авиабомбы – в небе над аэродромом медленно плыли шесть двухмоторных самолетов с красными звездами на крыльях. Атака «Мессершмиттов» последовала незамедлительно. Командир отряда капитан Гельмут Пабст записал в своем дневнике: *«Первый с ходу открыл огонь, тонкие полоски трасс протянулись между двумя машинами. Огромная птица неуклюже заваливается набок, на солнце засверкал ее серебристый фюзеляж, после чего она вертикально устремилась к земле, сопровождая падение усиливающимся, безумным воем двигателей. Вверх поднялся огромный столб огня – русским пришел конец! Вскоре второй бомбардировщик вспыхивает ярким пламенем и, ударяясь о землю, взрывается. В*

воздух взметнулись обломки лопастей. Следующая подоженная машина будто наталкивается на невидимое препятствие и переваливается через нос. Потом погибает еще один бомбардировщик, и еще один. Последний СБ группы падает прямо на деревню около аэродрома, после чего там целый час бушует пожар. У горизонта поднялись шесть столбов дыма – сбиты все шесть бомбардировщиков!»

За первыми ударами Люфтваффе, рассчитанными на внезапность, последовали новые налеты. Аэродром Адамы 23-го истребительного авиаполка в течение первого дня войны подвергся семи авиаударам, аэродром Чунев 28-го истребительного авиаполка – шести. Наиболее тяжелые потери в первый день войны понесла авиация Западного фронта. Было потеряно 738 самолетов, из них 528 на земле. Потери в воздухе распределялись следующим образом: 133 были сбиты вражескими истребителями, 18 – зенитками, а 53 не вернулись с боевого задания. Только истребители 2-го воздушного флота Люфтваффе заявили об уничтожении в воздушных боях 180 краснозвездных машин всех типов. В конце дня командующий ВВС Западного фронта И.И. Копец лично облетел на истребителе многие аэродромы введенных ему авиадивизий. Увидев своими глазами разбитые и обугленные остовы истребителей, выщербленные после потерь в воздухе ряды бомбардировщиков, генерал после приземления застрелился. Вполне вероятно, что если бы он сам себя не приговорил к «высшей мере», то мог оказаться на скамье подсудимых. Вместо Копца эта судьба постигла одного из его бывших подчиненных. Командира наиболее мощной 9-й смешанной авиадивизии ставшего Западным фронтом Западного особого военного округа генерал-майора С.А. Черных обвинили в преступном бездействии, арестовали и по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР расстреляли. Выдвинутые на высокие командные должности перед самой войной, пройдя за два-три года путь от лейтенантских кубарей до генеральских звезд, Копец, Черных и другие, безусловно, талантливые летчики, оказались не готовы к управлению крупными авиационными соединениями.

Всего в первый день войны ВВС Красной Армии потеряли 336 крылатых машин в воздухе и 800 на земле. В свою очередь «сталинские соколы» уничтожили 78 немецких самолетов и повредили 89.

Меньше всего от налетов на аэродромы 22 июня пострадала советская дальнебомбардировочная авиация. Ее базы были довольно далеко от границы и ударам с воздуха в первый день войны не подвергались. Первые налеты последовали только 23 июня. Поэтому первая половина дня в соединениях дальнебомбардировочной авиации прошла спокойно. Советские стратегические бомбардировщики получили приказы во второй половине дня. Еще до войны были намечены цели на территории Польши, Германии и Румынии. В середине дня некоторые авиаполки поднялись в воздух и взяли курс на Запад. 1-й дальнебомбардировочный авиакорпус бомбил Кенигсберг и Тильзит. Были также поставлены задачи по уничтожению вторгнувшегося на территорию СССР противника. Неповоротливые бомбардировщики ДБ-3Ф летали на эти задания днем без прикрытия истребителей. Вечером 22 июня состоялся первый в Великой Отечественной войне ночной налет советской авиации. 53-й дальнебомбардировочный авиаполк атаковал порт в Кенигсберге. Подсветив цели светящимися бомбами, летчики сбросили свой смертоносный груз, вызвав несколько пожаров на земле.

Воздушное сражение 22 июня 1941 года сразу охватило большую территорию, немецкие истребительные и бомбардировочные эскадры проникали глубоко в тыловые районы особых округов. Налеты Люфтваффе на аэродромы стали частью многодневной операции по уничтожению ВВС западных округов. Большая часть потерь советских самолетов пришлось именно на первый день войны.

Советская авиация не была разгромлена в первые минуты войны. Большинство аэродромов выдержали и отбили первый удар. Но следовавшие постоянно одна за другой бомбардировки авиаполки уже не выдерживали: техники не успевали готовить машины к вылетам,

не хватало заправщиков и боеприпасов. После четырех-шести налетов многие авиачасти оказались практически уничтожены. На многих запасных аэродромах велись ремонтные работы. Их взлетные полосы были перекопаны и заставлены техникой. Поэтому сменить разбомбленный немцами аэродром на запасной советские пилоты не могли. 22 июня 1941 года в Белоруссии было потеряно 700 самолетов, что составляло почти половину авиации фронта; на Украине советская авиация утратила около 300 самолетов – почти одну шестую своего состава, в Прибалтике – около сотни самолетов, то есть одну десятую часть.

КОПЕЦ Иван Иванович (1908-1941) – советский военачальник, командующий Военно-воздушными силами Западного Особого военного округа, генерал-майор, Герой Советского Союза. В 1929 г. окончил Качинскую военную авиационную школу пилотов. Летчик-истребитель, затем командир авиационной группы в войсках республиканской Испании во время Гражданской войны 1936-1939 гг. На истребителе И-15 сбил шесть самолетов франкистов (2 лично и 4 в группе), награжден орденом Красного Знамени, удостоен звания Героя Советского Союза. Во время Советско-финской войны 1939-1940 гг. был командующим ВВС 8-й армии, действовавшей на наиболее важном участке фронта. Лично участвовал в боевых вылетах, за что был удостоен второго ордена Ленина и звания комдива.

«Нам объявили что началась война...»

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

«Родина-мать зовёт!» – советский плакат, ставший главным художественным образом, который в сознании миллионов граждан бывшего СССР ассоциируется с началом Великой Отечественной войны. Автор плаката художник И.М. Тоидзе (1902-1965).

«22 июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война...»

Слова этой легендарной песни знакомы многим. Противовоздушную оборону столицы Советской Украины обеспечивала 36-я авиационная дивизия. В 4 часа утра 22 июня 1941 года она была приведена в боевую готовность. В 7 часов 15 минут около двух десятков немецких самолетов с двух тысяч метров нанесли удар по Киевскому аэродрому. Поднятая по тревоге эскадрилья попыталась догнать быстро уходившие на запад бомбардировщики Люфтваффе, но не смогла это сделать – на И-16 догнать He-111 образца 1941 года было непростой задачей. Один из летчиков так увлекся преследованием противника, что был вынужден совершить вынужденную посадку из-за выработки горючего. Боевых потерь в воздухе и на аэродроме в первый день войны 36-я авиадивизия не понесла.

Взрывы немецких бомб не испугали киевлян – они подумали, что на окраинах военные проводят учения. Актер Н.Л. Дупак вспоминал: *«В субботу я что-то читал и перечитывал – лег спать поздно и проснулся от стрельбы. Я выхожу на балкон, из соседнего номера тоже выходит мужчина: «Шо це таке?» – «Да це мабуть маневры Киевского военного округа». Только он это сказал и вдруг метрах, может быть, в 100 самолет со свастикой разворачивается и идет бомбить мост через Днепр <...> Сосед побледнел: «Что-то не похоже на маневры».* Однако никакой паники в первый день войны в Киеве не было. Житель города Р. Долинский вспоминал: *«На 17 часов того воскресного дня намечались торжества по поводу открытия крупнейшего в СССР Центрального республиканского стадиона. Его построили по проекту молодого архитектора Михаила Гречины. А после этого должен был состояться футбольный матч между командами «Динамо» (Киев) и Центрального дома Красной Армии (Москва). Но вдруг по радио объявили, что проданные на него билеты будут действительны сразу после скорого окончания молниеносной войны».* 22 июня в Киеве начали осуществлять плановые мероприятия по отключению горячей воды и очистке водопроводных сетей. В цирке свою новую программу представлял популярный джазовый оркестр под управлением «белого Армстронга» – Эдди Рознера. Продолжал свои гастроли Московский театр Сатиры, спектакли которого – «Мелкие козыри» и «Неравный брак» – прошли с полным аншлагом. В кинотеатрах крутили музыкальные фильмы «Фронтные подруги», «Песня о любви» и «Музыкальная история». В кинотеатре «Коммунар» шел фильм режиссера И.М. Анненского «Пятый океан» – о советских летчиках, мечтавших о мирном небе, но попавших на войну.

Несомненно, что начало войны стало шоком для высшего руководства СССР. Маршал Г.К. Жуков впоследствии вспоминал: *«Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление. Мы тут же просили И.В. Сталина дать войскам приказ немедленно организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику. «Подождем возвращения Молотова», – ответил он. Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов: «Германское правительство объявило нам войну». И.В. Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза».* Однако уже через несколько минут люди, сидевшие в сталинском кабинете, начинают принимать решения и отдавать распоряжения, необходимые для перестройки всей жизни страны на «военные рельсы». Впереди еще будет осознание случившегося, кризис государственного управления, связанный со сложным и непредсказуемым характером войны, и последовавшие решения по созданию новых чрезвычайных органов власти. Потребовалось какое-то время, чтобы создать Ставку Верховного Главнокомандования и Государственный Комитет Оборона, способные эффективно контролировать управление страной в условиях войны. Но уже в первый день Сталин издал указы: «О мобилизации военнообязанных», «Об объявлении в отдельных

местностях СССР военного положения», «О военном положении», «Об утверждении положения о военных трибуналах».

К исходу 22 июня стало окончательно ясно, что начавшиеся боевые действия – это не провокация и не пограничный конфликт, а та самая Большая война, которую так боялись.

Однако масштабов происходящего еще не осознавали ни в военных округах, ни в Москве. Никто, включая самого Сталина, не имел полной картины событий. Для советских людей неожиданностью стал не сам факт войны с Германией, а то, как и когда она началась. Хотя войну ждали, но предшествующего войнам явного, заметного каждому политического кризиса, такого, как летом 1914 года перед Первой мировой, не было. Более того, сообщение ТАСС от 14 июня об отсутствии у Гитлера агрессивных планов подействовало на большую часть населения СССР расслабляюще. Именно поэтому выступление по радио в полдень 22 июня второго человека в стране – заместителя председателя Совета народных комиссаров В.М. Молотова, в котором тот объявил о нападении Германии, стало для всех тяжелейшим ударом. Свою речь Молотов закончил ставшими легендарными словами: *«Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».*

При всей неожиданности, которой стала для советского народа речь Молотова, СССР – во всяком случае, значительная часть его гражданского населения – продолжал жить в довоенной эпохе, еще не успев осознать, что эта эпоха безвозвратно закончилась. Находившийся на гастролях в Минске Московский Художественный академический театр имени Горького в полдень 22 июня давал очередной спектакль – комедию «Школа злословия» по пьесе Ричарда Шеридана. Зрители этого спектакля были одними из немногих, кто в Советском Союзе не слышал обращения Молотова. После антракта на сцену вышел человек в военной форме и, сообщив о начале войны, предложил военнообязанным направиться в свои военкоматы. Прочие остались в зале, спектакль продолжился и закончился, как обычно. Вечером мхатовцы играли еще один спектакль. Никто из актеров и публики еще не знал, что через несколько дней на улицы белорусской столицы войдут немецкие танки.

ПРОТИВНИКИ И СОЮЗНИКИ

22 июня 1941 года Вторая Мировая война перешла на новый виток – к Третьему Рейху, начавшему «крестовый поход против большевизма», присоединились войска: на Севере – Финляндии (две армии и флот в Балтийском море); на участке группы армий «Юг» – Румынии (две армии и флот в Черном море), Венгрии и Словакии – по одному подвижному корпусу, Италии – 20 июля прибыл подвижный корпус, Испании – 1 августа прибыл пехотный легион (15 тысяч добровольцев). Болгария, хотя и не объявила войну СССР, прикрывала авиацией немецкие и румынские морские конвои. Япония под прикрытием пакта о ненападении с СССР вдвое усилила Квантунскую армию, готовясь в случае быстрой победы Третьего рейха атаковать советский Дальний Восток в первой декаде сентября. Однако 9 августа японская Ставка от плана нападать в 41-м отказалась.

Советский Союз также нашел новых союзников: Великобритания согласилась вести совместные действия, 30 июля с британских авианосцев были проведены налеты на германские базы в Заполярье, а эмигрантские правительства Польши и Чехословакии в Лондоне дали согласие на формирование в СССР польской и чехословацкой армий.

Встреча премьер-министра польского правительства в изгнании В. Сикорского в Куйбышеве. 1941 год

Впоследствии дата 22 июня 1941 года для многих советских людей стала символом крушения надежд на ускоряющееся улучшение жизни, спокойный мирный труд, продолжение учебы, хороший урожай. Однако пока в стране царили шапкозакидательские настроения, поскольку население было убеждено пропагандой, что СССР превосходит Третий рейх в военно-техническом плане. Первая реакция была гневной: *«Теперь-то мы немцам покажем!»* В Ленинграде в очереди за газетами кто-то говорил: *«Теперь все будем бомбить не как в Финляндии, и жилые кварталы, пусть пролетариат заговорит, поймет, на что идет».* Поэтесса Юлия Друнина вспоминала: *«Когда началась война, я ни на минуту не сомневалась, что враг будет молниеносно разгромлен, больше всего боялась, что это произойдет без моего участия, что я не успею попасть на фронт».* Подобные настроения были характерны для большинства молодых патриотов, воспитанных на «победоносных» фильмах, таких, к примеру, как «Глубокий рейд» и «Если завтра война», вышедших на экраны в 1938 году, литературных произведениях, вроде изданной в 39-м невиданным для того времени полумиллионным тиражом первой отечественной книги в жанре военной фантастики – повести Николая Шпанова «Первый удар», и массивной пропагандой, утверждавшей, что *«врага будем бить на его территории»* и одержим победу *«малой кровью, могучим ударом».* Организационно-инструкторский отдел управления кадров ЦК ВКП(б) сообщал, что *«мобилизация проходит организованно, в соответствии с намеченными планами. Настроение у мобилизованных бодрое и уверенное <...> поступает большое количество заявлений о зачислении в ряды Красной Армии <...> Имеется много фактов, когда девушки просят на фронт <...> митинги на фабриках и заводах, в колхозах и учреждениях проходят с большим патриотическим подъемом».*

Аналогичные настроения царили и по другую сторону советско-германского фронта. Солдат 3-й горноегерской дивизии (3. *Gebirgs-Division*) Зигфрид Эрт вспоминал: *«Мы думали, что война быстро закончится. После наших успехов во Франции, в Польше, Дании, на Крите мы были уверены, что она долго не продлится».* Старшее поколение русских и немцев, в отличие от молодежи помнившее Первую мировую войну, особой эйфории от начала новой Большой войны не испытывало. Стрелок-радист бомбардировщика He-111 Клаус Фрицше вспоминал: *«Отец мне сказал <...>: «Считай, что мы войну проиграли...»*

Его увлечением был сбор данных по численному составу и вооружению Красной Армии, и он знал, что говорил».

Митинг на Ленинградском заводе им. Кирова о начале войны

22 июня советские люди привычно принялись готовиться к длительным лишениям. После обращения Молотова в магазинах и на рынках выросли огромные очереди. Люди скупали соль, спички, мыло, сахар, другие продукты питания и товары первой необходимости. Многие забирали свои сбережения из сберегательных касс и пытались обналичить облигации государственных займов. Москвич Н.И. Обрыньба вспоминал: *«Кинулись в магазин, по улицам бежали люди, покупая все, что есть в магазинах, но на нашу долю ничего не осталось, были лишь наборы ассорти, мы купили пять коробок и вернулись домой».* Другой житель столицы, В.А. Орлов, писал в своих мемуарах: *«Прослушав Молотова и не дождавшись хотя бы какой-либо сводки о положении на границе, мы задумались: что надо делать? Мать сказала: «Немедленно за продуктами, я знаю, сейчас начнется паника, и надо запастись, так, на всякий случай!»* Впрочем, весь предшествовавший опыт говорил: *«запасайся! Мама сразу подсчитала деньги, а их было, как всегда, немного, и я пошел купить муки, какой-то крупы и соли. Вот большой гастроном № 2 на углу Арбата и Смоленской площади, где мы в основном делали покупки. Вхожу в бакалейный отдел. Обычно в нем мало покупателей, а сейчас уже огромная очередь. Значит, все кинулись в магазины запастись на неопределенное будущее. А ведь и часа не прошло! Встал в хвост. Народ все прибывает и прибывает. Довольно просторное помещение набивается до отказа. Я оказываюсь уже посередине очереди. Берут все и помногу, некоторые покупатели набирают столько, сколько могут унести. Сдержанный шум, говорят вполголоса, в основном молчат. Вышел заведующий и с укоризной произнес: «Ну что вы паникуете? Товара много, стыдно все хватать, идите домой, всем все достанется, продуктов много, запасы большие» и т.д. Очередь не откликается, никто не уходит. Словам не верят.*

Простояв минут 40, покупаю 2 или 3 пачки соли и 3-4 кг муки, немного крупы, больше нет денег. Возвращаюсь домой и – к «тарелке». Передают указы о мобилизации и различные

приказы, в промежутке музыка, все те же бодрые марши. По-прежнему ни слова, что на границе».

* * *

Итогом первого дня Великой Отечественной войны стал документ Генерального штаба Красной Армии, вошедший в историю как Директива № 3. Отсутствие сплошного фронта и слабость разведки не позволили командованию ставших фронтами особых военных округов правильно оценить немецкие силы вторжения. Ответом Москвы на бодрые доклады штабов фронтов вечером 22 июня как раз и стала Директива № 3, в которой Западному и Северо-Западному фронтам предписывалось срезать Сувалкский выступ, окружая нацеленный на Минск танковый клин, а Юго-Западный фронт должен был *«концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 26.6 овладеть районом Люблин»*. В реальности фронт на направлениях главных ударов Вермахта был прорван, в глубь советской территории двигались ничем не сдерживаемые танковые клинья, а очаговую оборону укрепленных районов и приграничных дивизий добивали пехотные соединения немцев. Ни приказы на приведение в боевую готовность, ни отказ от запретов «поддаваться на провокации» не меняли соотношения сил – 40 дивизий против 100. Еще Наполеон Бонапарт говорил, что *«большие батальоны всегда правы»*. 22 июня 1941 года «большие батальоны» были на стороне стратегов Вермахта.

Однако, добившись внезапности нападения, немцы не смогли сразу же уничтожить крупные силы Красной Армии. Первый день войны стал «разминкой» перед вводом в бой основных сил обеих противоборствующих сторон в Приграничном сражении. Масштабные танковые битвы, самоубийственные прорывы отчаявшихся людей через немецкие заслоны, интенсивная воздушная война – все это было еще впереди.

ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ

В первый день Великой Отечественной войны клинья немецких танковых групп вонзились в территорию Советского Союза на глубину несколько десятков километров каждый, устремляясь по самым кратчайшим расстояниям из выступов в районе Сувалок, Бреста и Сокаль на крупнейшие советские города – Ленинград, Киев, Минск. Война с Третьим рейхом начала развиваться совсем не так, как планировали в штабах Красной Армии.

Пехотное подразделение Вермахта при поддержке полугусеничных бронетранспортеров SdKfz. 251 Ausf. C входит в горящее белорусское село. 26 июня 1941 г.

Сдача Гродно

Перед лицом сразу нескольких ударов противника показался командующий Западным фронтом генерал Д.Г. Павлов. Вермахт атаковал от Бреста вдоль шоссе на Минск, от Гродно к Белостоку и даже Белостокский выступ с фронта. Оборона советских войск прикрытия границы стремительно рассыпалась. В докладе командующему фронтом генерал-лейтенанту В.И. Кузнецову пришлось сказать поистине страшные слова: *«От 56-й стрелковой дивизии остался номер»*. Немного позднее Павлов вспоминал, что, когда Кузнецов произнес эту фразу, его голос дрогнул. От целой дивизии действительно осталось лишь несколько сотен человек, но они продолжали сражаться. Только 26 июня остатки 213-го стрелкового полка под командованием майора Т.Я. Яковлева форсировали Неман у селения Гожа и, двигаясь лесами в северо-восточном направлении, начали пробиваться к линии фронта.

23 июня под угрозой немецкого окружения войскам Западного фронта пришлось оставить Гродно. Решение сдать город существенно ухудшило условия, в которых 3-й армии Кузнецова пришлось сражаться в последующие дни. Кроме того, в Гродно были сосредоточены запасы боеприпасов, которые частью раздали войскам, частью взорвали. В итоге уже на следующий день, 24 июня, Кузнецов докладывал в штаб фронта, что *«в частях создано чрезвычайно тяжелое положение с боеприпасами»*. В свою очередь, в донесении разведывательного отдела немецкой 9-й армии прозвучали такие слова: *«В Гродно захвачены большие трофеи оружия, боеприпасов и продовольствия»*.

Немецкие солдаты в первые дни войны в Гродно

ПАВЛОВ Дмитрий Григорьевич (1897-1941) – советский военачальник, генерал армии (1941), Герой Советского Союза (1937). В Первую мировую войну добровольцем ушел на фронт, дослужился до чина старшего унтер-офицера, но в 1916 г. был ранен и попал в немецкий плен. Гражданскую войну закончил в должности помощника командира кавалерийского полка Красной Армии. В 1936-1937 гг. во время войны в Испании сражался на стороне республиканского правительства, под псевдонимом «Генерал де Пабло» командовал танковой бригадой. С 1937 г. – начальник Автобронетанкового управления РККА. По тактико-техническому заданию Павлова создавался самый массовый средний танк Второй мировой войны – Т-34. В 1940 г. он был назначен командующим войсками Западного особого военного округа (будущего – Западного фронта). После разгрома в Приграничном сражении значительной части из вверенных под его начало сил 30 июня 1941 г. отстранен от командования и 4 июля арестован. 22 июля Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Павлова к смертной казни с конфискацией имущества и лишением воинского звания. В тот же день его расстреляли и захоронили на подмосковном полигоне НКВД. В 1957 г. Военная коллегия вынесла определение, по которому ее же собственный приговор был отменен «за отсутствием состава преступления», а Павлов посмертно восстановлен в звании генерала армии.

Солдаты Вермахта вступают в Гродно. Июнь 1941 г. На заднем плане – Бернардинский костел

Солдаты Вермахта проходят по улице белорусского города Гродно, захваченного в ночь на 23 июня 1941 г.

Танковые бои

Советский средний танк Т-34 из состава 8-й танковой дивизии, сгоревший в результате боя с частями 97-й пехотной дивизии Вермахта. 25 июня 1941 г.

Одним из немногих преимуществ советских приграничных армий были танки механизированных корпусов. В западных военных округах их насчитывалось почти 10 тысяч единиц. В песне из популярного довоенного фильма «Трактористы» (1939) звучали ставшие знаменитыми строчки: *«Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход...»* На парадах грозные ряды урчащих танков свидетельствовали о технической мощи Советского Союза. Танкисты верили, что они могут разбить врага в решительной атаке. Командование также верило в танки и с первых дней и часов Великой Отечественной войны бросало их в контрудары и контратаки. Немецкие полчища должны были быть растоптаны и раздавлены как можно скорее. Подвижность танковых войск позволяла быстро выдвигать их на направления ударов Вермахта. Однако для массовых советских легких танков БТ и Т-26 различных модификаций контрудары были практически самоубийственными. 45-миллиметровое орудие этих бронемашин не могло поражать большинство танков противника в лоб, кроме как выстрелом в упор. Изготовленные по неправильной технологии снаряды просто раскалывались от удара по немецкой броне высокой твердости. Тонкая, по меркам 1941 года, броня легких танков Красной Армии оставляла мало шансов выдержать ответный выстрел гитлеровских «панцеров».

Танковые бои вспыхивали на разных направлениях, и результаты их были обескураживающими. На второй день войны под Пружанами в Белоруссии сошлись в бою советская и немецкая танковые дивизии. Сражение быстро превратилось в избиение, за несколько часов было подбито и сгорело более 100 танков Т-26. На третий день войны на Украине у села Войницы Красная Армия в одном бою потеряла почти 150 танков, тоже в основном легких Т-26. Столь же смертоносными для советских легких танков были немецкие противотанковые пушки. В Прибалтике на четвертый день войны состоялся контрудар легких танков БТ у местечка Пошиле. В атаку пошли 130 танков 28-й танковой дивизии. За несколько часов более 80 из них были выбиты огнем противника. Через три дня на Украине, у городка Станиславчик, в атаку двинулось более двух сотен танков БТ. Командир дивизии «бэтэшек» Ф.Г. Аникушин позднее писал об этом бое: *«Противнику было сравнительно легко и малыми силами организовывать противотанковую оборону, особенно против танков БТ-7 <...> огневая мощь танков БТ-7 в этих условиях была малоэффективной»*. Это повторялось раз за разом на разных участках фронта.

Немецкие танкисты шли в бой в полной уверенности в своем превосходстве над танковыми войсками Красной Армии. Однако на второй день «Восточного похода» эта уверенность пошатнулась. Танкист 11-й танковой дивизии Густав Шродек вспоминал: *«Мы посылаем им первый снаряд. Румм-мм! Первое попадание в башню. Второй выстрел и новое попадание. Головной танк, в который я попал, невозмутимо продолжает свое движение. То же самое и у моих товарищей по взводу. Но где же превосходство наших танков над танками русских, так долго провозглашавшееся?! Нам всегда говорили, что достаточно лишь «плюнуть» из наших пушек!»* Напротив, неизвестные танки стреляли весьма точно и результативно. Их снаряды пробивали броню, сбивали командирские башенки с немецких «панцеров». Это было сражение у местечка Радзехов на Украине. 24 июня стало днем массового вступления в бой новых танков – разница во времени составляла считанные часы. Последовали советские контрудары под Гродно (6-й мехкорпус), Немировом (4-й мехкорпус). Именно 24 июня в дневнике генерала Гальдера появилась запись: *«На фронте групп армий «Юг» и «Север» появился русский тяжелый танк нового типа, который, видимо, имеет орудие калибра 80 мм (согласно донесению штаба группы армий «Север» – даже 150 мм,*

что, впрочем, маловероятно)». На самом деле это было чистой правдой: под Расейняем действовали танки КВ-2 со 152-миллиметровыми орудиями в установке МТ-1.

Поначалу советские новинки немцы называли по их примерному весу: «45-тонный русский танк», «52-тонный русский танк». Вскоре тайна была раскрыта – новые танки Красной Армии назывались КВ и Т-34. Они поступили в войска незадолго до немецкого вторжения и были гораздо лучше вооружены и защищены по сравнению со сходящими со сцены легкими танками БТ и Т-26.

В Прибалтике передовой отряд 6-й танковой дивизии 4-й танковой группы утром 24 июня захватил плацдарм на реке Дубиссе рядом с городком Расейняй. Вскоре плацдарм оказался под ударом танков советской 2-й танковой дивизии, в том числе тяжелых КВ-1 и КВ-2. Быстро выяснилось, что они «полностью неуязвимы для противотанковых средств калибром до 3,7 см». Советское контрнаступление перекатилось через Дубиссу и танковый удар обрушился на главные силы боевой группы Зекендорфа 6-й танковой дивизии. Для борьбы с новыми танками использовались обычная артиллерия и реактивные минометы. В 13.00 первый КВ в Прибалтике был подбит 150-миллиметровым снарядом полевой гаубицы. Тем не менее КВ давили позиции артиллерии, расстреливали и таранили легкие танки 35(t) чехословацкого производства.

Легкий танк Т-26, погибшие советские танкисты и бойцы десанта у ворот пограничной заставы. Июнь 1941 г.

УДАРЫ «ДВЕРНОГО МОЛОТКА»

В изготовившемся к вторжению в СССР Вермахте утром 22 июня уже были средства борьбы с новыми танками, даже с тяжелыми танками КВ. Бортовая броня танка Т-34 на дистанции около 200 м уверенно пробивалась остроголовыми 37-мм снарядами пушки ПАК-35/36. Немцы вскоре назовут ее «дверным молотком», но совсем не за бесполезность в бою против Т-34. Против «тридцатьчетверки» работали также конструктивные дефекты: в бортовых листах имелись вырезы под балансиры подвески. Броневой снаряд даже небольшого калибра мог пробить каток, пружину и влететь в боевое отделение танка или поразить двигатель (если изначально вывести за скобки крупнокалиберные снаряды полевой артиллерии, способные если не пробивать броню, то поражать ходовую часть танков). Собственно подкалиберные снаряды были хайтеком того времени. У немцев они появились в массовых количествах только на рубеже 1940-1941 годов. Броню пробивал твердосплавный сердечник меньшего, чем калибр выпущенного снаряда, диаметра. В сердечник, разумеется, невозможно упаковать заряд взрывчатки. Однако поражающий эффект подкалиберного снаряда нельзя недооценивать. Во-первых, он порождал поток вторичных осколков из кусков пробиваемой брони. Во-вторых, при пробитии брони сам сердечник испытывал большие внутренние напряжения и за броней разлетался на части. Раскаленные куски сердечника могли вызвать и вызывали пожары или детонацию боеприпасов в танке.

Немецкая 37-мм противотанковая пушка ПАК 35/36. Бронетанковый музей в Кубинке

В 17 часов 30 минут в район действий боевой группы Зекендорфа прибыли спасительные «ахт-ахты» – 88-миллиметровые зенитки. Немцам удалось остановить и даже повернуть вспять советскую танковую атаку и уничтожить несколько стальных гигантов. Изучение оставшихся на поле боя подбитых советских танков и допрос взятых в плен танкистов дал им достаточно полное представление о технических характеристиках КВ-1 и КВ-2.

25-26 июня масштабы использования новых танков увеличились. Они контратаковали немецкую пехоту, танки и самоходки на Нареве, на подступах к Львову, у Расейня, под Бродами – Дубно и Радзеховом. «Неуязвимость» новых танков оказывалась достаточно условной. Так, потери боевых машин 12-й танковой дивизии в контрударе под Бродами 26 июня

составили 33 танка, в том числе пять КВ и восемнадцать Т-34. 26 июня был поставлен своеобразный рекорд: под Радзеховом в одном бою было подбито сразу девять танков КВ. Сказывался и маневренный характер приграничного сражения, что приводило к постепенному выходу Т-34 и КВ из строя по техническим причинам. Их надежность и моторесурс в то время оставляли желать лучшего.

Подбитый советский легкий танк Т-26 на фоне памятника Ленину в захваченном немцами белорусском городе Кобрин. Июнь 1941 г.

Т-26 – советский легкий танк, принятый на вооружение в 1931 г., к началу Великой Отечественной войны самый массовый танк Красной Армии. Т-26, особенно ранних серий, представляли собой почти точную копию танка Vickers Mk E («Виккерс 6-тонный»), закупленного в 1930 г. Конструкция британской бронемашины советским руководством была признана удачной, и на Сталинградском тракторном заводе без лицензии фирмы «Виккерс-Армстронг» наладили ее массовое производство. Именно такие Т-26 встретили немецкие танковые дивизии, перешедшие в 1941 г. границу Советского Союза, но почти все вскоре были уничтожены в боях. Только созданные на базе Т-26 инженерные машины и командирские танки прослужили до середины Великой Отечественной войны.

Тактико-технические характеристики: экипаж – 3 чел., масса -10,3 т, вооружение – 45-мм пушка образца 1934 г. (165 выстрелов), три 7,62-мм пулемета ДТ (3654 патрона), броня – от 6 до 15 мм, двигатель – 4-цилиндровый, 4-тактный, горизонтальный, карбюраторный, мощностью 91 л.с, удельная мощность – 8,7 л.с./т, длина – 4620 мм, ширина – 2410 мм, высота – 2330 мм, клиренс -380 мм, максимальная скорость – 30 км/ч, удельное давление на грунт – 0,65 кг/ см.

Не следует думать, что советские танковые контратаки, не достигавшие разгрома противостоящих им немецких частей были совсем бесполезными. Контрудары заставляли немецкие части останавливаться. Без них развал обороны растянутых по фронту стрелковых дивизий приграничных армий был бы гораздо стремительнее. Постоянная угроза танковых контратак вынуждала немцев беспокоиться о защите флангов и осторожно двигаться вперед. В журнале боевых действий группы армий «Юг» 29 июня прямо указывалось, что продвижение немецких войск на Львов *«сдерживалось контратаками, проводимыми при поддержке тяжелых танков»*.

Потери танков, сопровождавшие такие контрудары заставляют задать закономерный вопрос: была ли такая тактика целесообразной? Немцы летом 1941 года владели стратегической инициативой и могли выбирать время и место нанесения ударов. Поэтому сидеть и поджидать противника в засаде было практически бесполезно – не было известно, где и в каком направлении немцы нанесут следующий удар. Напрашивалось единственное решение – контратаковать, заставляя противника парировать удар, перебрасывать части на угрожаемый участок фронта. Частичная успешность или полная безуспешность таких контратак объясняется многими факторами. В их числе и неудачная структура советских механизированных корпусов, с малоподвижной артиллерией и практически полным отсутствием пехоты, и промахами командиров из-за отсутствия боевого опыта, и плохое взаимодействие родов войск. Одну из решающих ролей играло снабжение. Для войны с Советским Союзом немецкое командование выделило 4078 танков и самоходных артиллерийских установок. Танковая дивизия Вермахта в своем составе имела 200 танков и 2147 автомобилей, советская – 375 танков и всего лишь 1360 автомобилей. Из-за нехватки транспорта и уничтожения немецкими танками тылов, советские тыловые службы не справлялись с подвозом горючего, боеприпасов и запасных частей. Это приводило к огромному количеству небоевых потерь. Даже легко поврежденные, вышедшие из строя из-за поломки или оставшиеся без топлива бронемшины оставались на территории, захваченной врагом. Еще одной чертой особенно новых танков Т-34 и КВ являлась их слабая механическая надежность. Характерным примером здесь является 12-я танковая дивизия 8-го механизированного корпуса. 26 июня на поле боя вышло всего 75 танков из 300. Спустя три дня в строю в дивизии было 9 тяжелых КВ и 7 средних Т-34. Только 12 и 27 соответственно было потеряно в бою, а 37 и 66 числились отставшими!

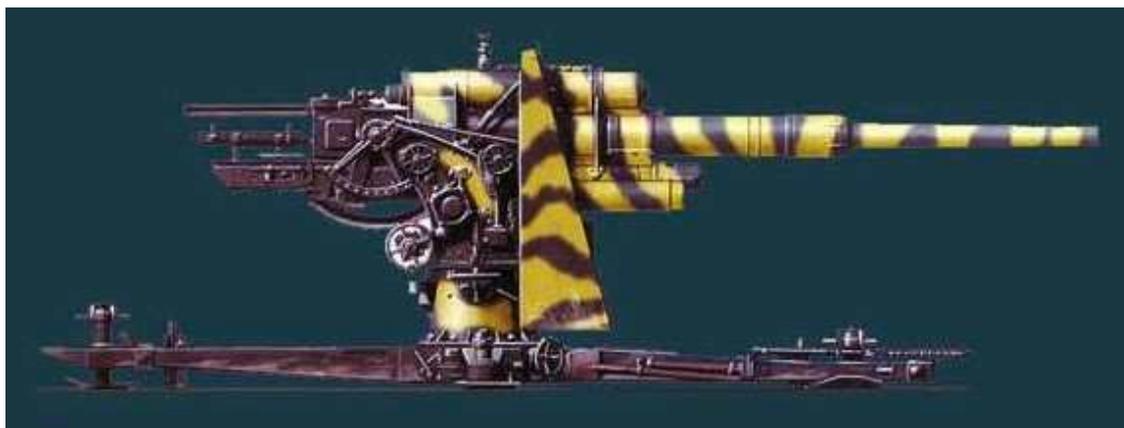
БТ-7 на параде. 1 мая 1941 года

БТ («Быстроходный танк») – серия советских легких танков 1930-х – начала 1940-х гг., созданных на базе подвески системы американского изобретателя Дж. У. Кристи. Серия БТ началась с БТ-2, продолжилась БТ-5 и завершилась БТ-7, который, в отличие от своих предшественников, имел сварной корпус несколько измененной формы и новый двигатель. Тонкая броня превращала БТ в легкую добычу и для немецких противотанковых расчетов. У солдат Вермахта эти машины получили прозвище «Микки-Маус», за характерную форму круглых люков танка, которые в открытом состоянии напоминали уши легендарного героя мультфильмов Уолта Диснея. Парк одних только БТ-7 в июне 1941 г. количественно превосходил весь танковый парк Вермахта. БТ-7

принимали участие в битвах за Москву, Сталинград, вели бои на Северном Кавказе. В 1943-1944 гг. они использовались на Ленинградском фронте, принимали участие в снятии блокады.

Тактико-технические характеристики танка БТ-7М: боевая масса – 14,65 т, экипаж – 3 чел., длина корпуса – 566 мм, ширина – 2290 мм, высота – 2450 мм, клиренс – 390 мм, удельное давление на грунт 0,38 кг/см², вооружение: пушка калибр 45 мм/обр.1932 г. (188 снарядов), два 7,62-мм пулемета ДТ (2394 патронов), максимальная скорость: на гусеницах – 62 км/ч, на колесах – 86 км/ч, двигатель – дизельный В2 мощностью 500 л.с.

К18 – немецкая 10,5-см длинноствольная пушка на лафете 150-мм гаубицы, разработанная в 1926-1930 гг. Это орудие имелось на вооружении артиллерийских дивизионов некоторых танковых дивизий, а также придавалось в качестве средств усиления. Его 15,56-кг бронебойный снаряд был способен поражать любой советский танк не только в 1941-м, но и в 1945 г.

Брошенный советский легкий плавающий танк Т-38 на перекрестке улиц литовского городка Вилкавишкис, захваченного немцами. Июнь 1941 г. На заднем плане – мотоциклисты и пехотинцы Вермахта, а также местные жители, которые несут свое имущество, спасенное из огня пожаров

Командование Юго-Западного фронта приняло решение 25 июня организовать контр-удар всеми имеющимися подвижными силами на окружение немецкой танковой группы Эвальда фон Клейста. Это стало началом одного из крупнейших танковых сражений в мировой истории войн. Участвовавшие в нем пять механизированных корпусов Киевского Особого военного округа насчитывали 2 тысячи 800 танков всех типов, от легких БТ и Т-26 до гигантов Т-35 и КВ-2. Противостоял им около 800 «панцеров» и самоходно-артиллерийских установок 1-й танковой группы, из которых 450 машин составляли средние танки PzKpfw III и IV.

Пленные советские танкисты из состава 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса Северо-Западного фронта у своего КВ-1. Июнь 1941 г. Потеряв возможность вести огонь, танк был окружен, а уцелевшие члены экипажа взяты в плен после того, как немцам удалось сорвать ломом крышку люка механика-водителя

PaK 35/36 – немецкая пушка, разработанная в 1928-1930 гг. и в начале Второй мировой войны являвшаяся основным противотанковым средством пехотных дивизий Вермахта. Кроме борьбы с танками и бронемашинами противника, пушка использовалась также для уничтожения огневых точек и открыто расположенной живой силы. Каждый полк имел роту – 12 единиц таких пушек, кроме того, в составе трехротного противотанкового дивизиона имелось 36 пушек. С учетом трех пушек в разведывательном батальоне, пехотная дивизия по штату имела 75 пушек PaK-35/36. В 1941 г.

После столкновений с Т-34 и КВ у солдат Вермахта это орудие получило нелестные прозвища «колотушка» и «дверной молоток».

Тактико-технические характеристики: калибр – 37 мм начальная скорость: обычного бронебойного снаряда – 762 м/с, бронебойного подкалиберного снаряда – 1020 м/с, кумулятивной надкалиберной мины – 110 м/с, осколочного снаряда – 745 м/с; длина ствола – 45 калибров; наибольший угол возвышения – 25°; угол склонения – 8°; угол горизонтального обстрела – 60°; вес в боевом положении – 450 кг; скорострельность – до 20 выстр./мин. Наибольшая дальность стрельбы – 6800 м; дальность эффективной стрельбы – до 600 м; бронепробиваемость по нормам на дальностях 100 и 1000 м 34-27 мм.

Советский танк КВ-1, подбитый артиллеристами 2-го батальона артиллерийского полка «Тотенкопф». Литва, 1941 г.

Т-35 – советский тяжелый пятибашенный танк, самый мощный представитель довоенной бронетехники Красной Армии. Вооружение Т-35 состояло из унифицированной с танком Т-28 главной башни с короткоствольной 76-мм пушкой, двух башен, вооруженных 45-мм пушками, аналогичным башням легкого танка БТ-5, и двух пулеметных башенок, схожих с башнями БТ-2. Танки Т-35 производились серийно небольшими партиями, и к началу Великой Отечественной войны Советский Союз обладал самым большим парком многобашенных танков. Т-35 имел ходовой аппарат с восьмью катками среднего диаметра на рессорной подвеске, обладал относительно небольшим удельным давлением на грунт, но из-за слишком большого отношения длины к ширине был слишком медлителен и малоподвижен, на пересеченной местности развивая скорость лишь 12 км/ч.

С северо-запада удар по дивизиям противника, прорвавшимся в район Дубно, должны были наносить 9-й механизированный корпус К.К. Рокоссовского и 19-й механизированный корпус Н.В. Фекленко, с юга – 4-й механизированный корпус А.А. Власова (позднее печально известного создателя Русской освободительной армии), 15-й механизированный корпус И.И. Карпезо и 8-й механизированный корпус Д.М. Рябышева. Казалось бы, это очень мощный ударный кулак, но 4-й и 15-й мехкорпуса уже были втянуты в бои, а 8-й мехкорпус был истощен бессмысленными маршами, намотав за прошедшие дни 400 километров. Слабо укомплектованные 9-й и 19-й мехкорпуса спешно выдвигались с востока.

В итоге спешка в организации контрудара, отсутствие координации усилий привели к тому, что вместо «клещей», рассекающих прорвавшуюся группировку противника, было нанесено несколько сильных, но несогласованных по времени ударов. 19-й механизированный корпус нанес удар первым, и к вечеру 25 июня вышел в район Дубно, где в течение суток продолжал бои с переменным успехом, а затем под угрозой окружения отошел. Опоздавший 9-й мехкорпус смог нанести удар только 26 июня, не достигнув своей цели, он также отступил, прикрывая 19-й мехкорпус. Удары с юга, которые могли бы выправить положение, также были нанесены несвоевременно. 4-й и 15-й механизированные корпуса так и не продвинулись к Дубно. Результаты действий 8-го мехкорпуса оказались немного удачнее. Выполняя противоречащие друг другу приказы, то продвигаясь, то возвращаясь назад, корпус приблизился к Дубно только 28 июня. Его действия против немецкой 16-й танковой дивизии (*16. Panzer-Division*) были довольно удачны, но в Дубно корпусу прорваться не удалось. Последние мастодонты советских танковых войск, блиставшие на парадах пятибашенные красавцы Т-35 горели в боях под деревней Верба под ударами крупнокалиберных зениток противника.

Стальные челюсти механизированных корпусов не сомкнулись мертвой хваткой, а лишь несогласованными движениями скользнули по «панцерам» немецких танковых дивизий, крепко застревая в вязкой смоле противотанковой обороны и выкашивая свои зубы – отлично бронированные КВ и Т-34. Сотни танков оставались недвижимыми на полях боев – полях, которые оставались за противником. Основным итогом этих контрударов стала задержка на несколько дней танковой группы Эвальда фон Клейста – передовые дивизии оказались отрезаны от путей снабжения вплоть до вечера 1 июля. Немецкий мемуарист уважительно писал: *«Русским тем не менее удалось сдержать наступление немецких войск. Они не только нанесли наступающим войскам потери и заставили себя уважать, но и выиграли время. Их не удалось ввести в замешательство клинообразными прорывами танковых групп. Русские также несли тяжелые потери, однако им удалось отвести свои плотные боевые порядки».*

Подбитый советский танк БТ и убитый танкист. Южный участок фронта, июнь-июль 1941 года

КВ – советский тяжелый танк, серийно выпускавшийся с 1940 по август 1942 года и успевший до Великой Отечественной принять боевое крещение в Советско-финской войне 1939-1940 годов. Обычно его называли просто КВ, поскольку танк создавался под этим именем – в честь наркома обороны СССР в 1934-1940 гг., легендарного героя Гражданской войны Климента Ворошилова – и лишь после начала производства танка КВ-2, он «задним числом», получил цифровой индекс. С 1940 по 1943 г. было выпущено 4775 КВ всех модификаций. Они воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны, сначала в составе танковых бригад смешанного состава, потом в составе отдельных гвардейских танковых полков прорыва. До 1945 года дожило совсем мало КВ, использовавшихся в качестве боевых танков. В основном, после демонтажа башни, они служили как эвакуационные тягачи.

Тактико-технические характеристики танка КВ-1: боевая масса – 43,1 т; экипаж – 5 чел.; размеры: длина корпуса – 6675 мм, ширина корпуса – 3320 мм, высота – 2710 мм, клиренс – 450 мм; бронирование – от 30 до 75 мм; вооружение: 76-мм Л-11 (111 снарядов), три 7,62-мм пулемета ДТ (2772 патронов); подвижность: V-образный 12-

цилиндровый четырехтактный дизельный двигатель жидкостного охлаждения В-2К, мощность двигателя – 600 л.с, скорость по шоссе – 34 км/ч, скорость по пересеченной местности – 25 км/ч, удельная мощность -11,6 л.с/т, удельное давление на грунт – 0,77 кг/см².

Потеря Минска

Гудериан совещается с генералами-командующими соединениями его группы. На фотографии справа налево: командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Гейнц

Гудериан (Heinz Wilhelm Guderian), командир 17-й танковой дивизии генерал-лейтенант Ганс-Юрген фон Арним (Hans-Jürgen Theodor Bernhard von Arnim), командующий 47-м моторизованным корпусом генерал танковых войск Иоахим Лемельзен (Joachim Lemelsen)

Наиболее сильным резервом для противодействия немецкому вторжению в руках командования Западного фронта был 6-й механизированный корпус, который насчитывал почти тысячу танков, в том числе 350 новейших КВ и Т-34. Направление его использования нужно было выбрать уже в первый день боев, до того как германские танковые клинья глубоко продвинутся на советскую территорию. Гродно – район действий 3-й армии В.И. Кузнецова – естественным образом стал узловой точкой боевых действий. Фронтная разведка также определила здесь сосредоточение немецких «панцеров». Разведчики пришли к выводу, что именно здесь германские танковые клинья наносят основной удар. Без колебаний командующий фронтом Д.Г. Павлов решил бросить в бой свой самый сильный резерв 6-й механизированный корпус, который насчитывал почти тысячу танков, в том числе 350 новейших тяжелых КВ и средних Т-34 именно под Гродно.

Вступила в бой и авиация. Первый удар немцев по ВВС РККА оказался сильным, но не смертельным. Потрепанные ВВС Западного фронта пытались оказывать сопротивление противнику. 24 июня три девятки бомбардировщиков СБ наносили удар по скопившимся у переправы через реку Щара танкам Гейнца Гудериана. Нанеся немецким «панцерам» чувствительные потери и разрушив переправу, на обратном пути бомбардировщики подверглись атаке истребителей противника. Из 27 советских «бомберов» на базу не вернулось только десять. Вскоре целью номер один для советской авиации стали прорвавшиеся к Бобруйску немецкие танки. Приказ штаба фронта был полон отчаяния: *«Всем соединениям ВВС Западного фронта. Немедленно, всеми силами, эшелонированно, группами уничтожат танки и переправы в районе Бобруйска»*. Прикрытие истребителями организовано не было и удары по переправам на Березине 30 июня стоили почти полусотни сбитых дальних бомбардировщиков ДБ-3. Столь же богатыми на потери стали атаки танковых колонн противника, которые были плотно прикрыты истребителями Люфтваффе.

Данное решение в целом соответствовало воле Сталина и Генерального штаба. Только позднее стало ясно, что этот выбор был неверным. Под Гродно находилась лишь пехота немецкой 9-й армии, в донесениях которой появились слова *«скопление танков»*, *«сильный контрудар»*, *«тяжелые бои»*. Таким образом, энергичное наступление на этом участке фронта не могло замедлить продвижение 2-й танковой группы Гудериана. Его танки безостановочно шли на Минск, в то время как советский 6-й механизированный корпус безуспешно таранил позиции пехоты. Здесь тяжелые танки Красной Армии встретил огонь немецких зенитных орудий и сильные удары с воздуха пикирующих бомбардировщиков.

У командиров и командующих Красной Армии 1941 года не было тех знаний о составе и направлении движения группировки противника, какими мы располагаем сегодня. Удар Люфтваффе по аэродромам лишил советское командование авиации как эффективного средства разведки. Поначалу командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов недооценивал немецкую группировку в районе Бреста. Разведкой ее ударная мощь оценивалась всего в одну-две танковых дивизии. Огромная масса танков и мотопехоты 2-й танковой группы двигалась вперед, густо окутанная «туманом войны», когда военачальники вынуждены принимать решения в условиях недостатка информации. «Туман» рассеялся неожиданно. Ранним утром третьего дня боев в ходе удачного контрудара Красной Армии под Слономом был разбит моторизованный отряд противника. В машине у убитого немецкого офицера была захвачена штабная карта с нанесенной обстановкой. В неразберихе первых дней войны прошли сутки, прежде чем ценнейший документ попал по назначению – в штаб фронта. Командующему Д.Г. Павлову как бывшему танкисту было достаточно одного взгляда на трофейную

карту для того, чтобы осознать свою страшную ошибку. Вместо одной танковой дивизии из Бреста на Минск и Бобруйск двигались сразу три моторизованных корпуса Вермахта. В каждом из них было по несколько танковых и моторизованных дивизий. Это означало смертельную угрозу окружения для большей части войск Западного фронта.

Надо отдать должное генералу Павлову – в тяжелой ситуации он принял радикальное решение незамедлительно. Командующий фронтом отдал приказ на общий отход войск на восток. Свой главный козырь, 6-й механизированный корпус, Павлов сразу же перенацелил на Слоним. Тот должен был выйти из боя под Гродно и попытаться устранить неожиданно открывшуюся угрозу. Однако было уже поздно. Танки Гудериана, ворвавшись в Слоним, перехватили шоссе Белосток-Минск. В лесисто-болотистой местности Белоруссии контроль над шоссевыми дорогами имел ключевое значение для ведения боевых действий. Даже перехват одной крупной магистрали радикально менял обстановку на театре военных действий.

Герман Гот и Гейнц Гудериан мечтали прежде всего о прорыве к советской столице – Москве. Верховное главнокомандование Вермахта, напротив, предпочитало синицу в руках вместо журавля в небе. «Синицей» было окружение войск Красной Армии восточнее Минска. Оба командующих немецкими танковыми группами получили однозначные приказы: *«Главная цель – Минск!»* Здесь сразу же проявился различный подход двух немецких танковых генералов к приказам сверху. Гот поворчал, поспорил, но повернул в направлении столицы Белоруссии, а Гудериан в первую очередь стремился вперед – на восток.

Немецкие автомобили из состава 2-й танковой группы вброд преодолевают реку в Белоруссии. Июнь-июль 1941 года. На переднем плане – 1-тонный полугусеничный тягач Sd.Kfz 10, на заднем – средний универсальный легковой внедорожник Rkw

Советское верховное командование требовало от руководства Западного фронта *«за Минск драться с полным упорством и драться вплоть до окружения»*. Столицу Белоруссии бомбили с первых дней войны, город горел, и небо застилал дым пожарниц. Генерал Д.Г. Павлов приложил немало усилий, чтобы превратить его в «крепкий орешек». Команду-

ющий Западным фронтом загодя выдвинул к Минску свои резервы – несколько стрелковых дивизий, которым пришлось занять оборону на широком фронте. Некоторую надежду на успех обороны давали укрепления на старой советско-польской границе к западу от Минска – часть так называемой Линии Сталина, построенной еще в начале 1930-х годов. В период между Первой и Второй мировыми войнами многие страны увлекались строительством оборонительных «линий». Так, во Франции возводилась линия Мажино, в Финляндии – линия Маннергейма, Германия строила линию Зигфрида. Советский Союз здесь также не стал исключением. Повинуясь приказу командования, Гот бросил на Минск свои главные силы, два моторизованных корпуса. Тем не менее взять город уже на пятый день войны немцам не удалось. Прорвавшаяся через незанятый участок Линии Сталина одна из дивизий группы Гота сразу же была контратакована войсками Красной Армии и связана боем. Ее передовые части даже на какое-то время оказались в окружении. Остальным дивизиям пришлось, как писал позднее сам Гот, *«с тяжелыми боями прорываться через линию укреплений на шоссе»*.

Пехотинцы элитного подразделения Вермахта – моторизованного пехотного полка «Великая Германия» – на марше. Белоруссия, июль 1941 г.

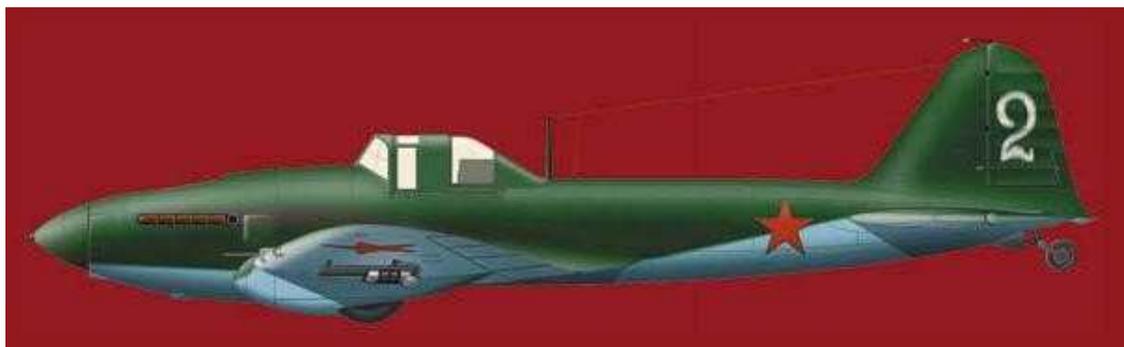

88-мм зенитная пушка FlaK 18/36/37/41 была во многом схожа с другими средними зенитными орудиями, разработанными в разных странах перед Второй мировой. При начальной скорости полета снаряда в 795 м/с стрелявшая бронебойными боеприпасами пушка обладала способностью поразить броню всех существовавших в то время танков. При стрельбе фугасами начальная скорость полета снаряда достигала 820 м/с. Снаряд весил 9,4 кг. Максимальная дальность огня против воздушных целей составляла 9900 м, наземных – 14 813 м, скорострельность – 15 выстрелов в минуту, хотя опытный расчет мог вести огонь и быстрее. В полностью снаряженном состоянии масса орудия составляла около 5 тонн. Это орудие пережило немало усовершенствований и в конце войны устанавливалось на тяжелый танк «Тигр».

Под Минском в бою с частями советской 100-й стрелковой дивизии (будущей 1-й гвардейской) был убит командир 25-го танкового полка 7-й танковой дивизии из группы Германа Гота, полковник Карл Роттенбург, у тела которого был найден портфель с документами. Положение германских танковых групп стало известно с почти идеальной точностью. Но эта информация уже безнадежно запоздала. Командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов мог только обреченно смотреть на неизбежное окружение. Минск был взят ударом с севера, с юга к нему также подходили немецкие танки. Фронтовые резервы уже были исчерпаны, 6-й механизированный корпус оставался в полуокружении под Белостоком, и шансов на его вызволение почти не было. Цена за ошибку в оценке планов и сил противника была непомерно высока. Через два дня боев сопротивление советских частей в ДОТах под Минском было сломлено, и 28 июня немецкие танки вошли в столицу Белоруссии.

Потеря Минска произвела большое впечатление на советское руководство. В сущности, это был первый занятый противником крупный город, к тому же столица союзной республики. Мало кто ожидал, что такое может произойти уже на седьмой день войны. В послевоенные годы появилась легенда о том, что в первые дни после немецкого нападения Сталин впал в проstration и на неделю самоустранился от руководства. В конце 1990-х годов был опубликован журнал посещений сталинского кабинета в Кремле. По нему видно, что в первые дни Великой Отечественной вождь достаточно интенсивно принимал высших руководителей страны и Красной Армии. Однако в журнале имеется пропуск в приеме посетителей длительностью около суток с 29 по 30 июня. Скорее всего именно этот кратковременный уход от дел и отъезд на дачу после донесения о сдаче Минска дал почву для рассуждений о недельном затворничестве Сталина.

ДЕБЮТ ИЛ-2

27 июня 1941 года в 19 часов 40 минут состоялся неудачный дебют ставшего впоследствии легендарным штурмовика Ил-2. Основной задачей этого самолета была непосредственная поддержка сухопутных сил на поле боя, когда приходилось наносить удар буквально в сотне метров от своих войск на узком участке фронта. При прорыве обороны противника необходимо подавить его огневые точки, заставить вражескую пехоту залечь, спрятаться для того, чтобы дать возможность атакующим без потерь преодолеть нейтральную полосу. Справиться с такой задачей могут только штурмовики, хорошо бронированные самолеты, которые несут мощное вооружение – пушки, пулеметы, бомбы и реактивные снаряды. Летчики 4-го штурмового авиаполка шли в свой первый бой не успев не только освоить боевое применение Ил-2, но и отработать технику пилотирования новой крылатой машины. Атаку немецкой колонны на Слуцком шоссе около Бобруйска они провели с малой высоты, сбросив бомбы с взрывателями замедленного действия и обстреляв врага только из пулеметов, поскольку пушки отказывали из-за заводского брака. Все три участвовавших в налете «Ильюшина» вернулись обратно. Хотя, напоревшийся на батарею зенитных автоматических пушек «Эрликон», самолет капитана К.Н. Холобаева дотянул почти что «на честном слове» – весь в пробоинах разных размеров, оставленных в плоскостях залпами немецких зенитных орудий. Бронекорпус штурмовика превратился в рванину, а фюзеляж до самого хвоста был залит маслом. На аэродроме поврежденный «Ильюшин» «добил» совершивший вынужденную посадку бомбардировщик СБ. Практической отработкой всего комплекса способов боевого применения Ил-2 пришлось заниматься в тяжелой обстановке 1941 года ценой потерь летчиков и самолетов. Только за три дня боев 4-й штурмовой авиаполк потерял 23 «Ильюшина». 2 июля, за уничтожение 9 переправ через Березину полк получил благодарность от командующего Западным фронтом Д.Г. Павлова. Всего за неделю боев погибли 20 летчиков, а из 56 штурмовиков полка в строю осталось всего 19 боеспособных самолетов. Тем не менее 4 июля все оставшиеся Ил-2 несколько раз вылетали на штурмовку Бобруйского аэродрома, где уничтожили около 30 крылатых машин Люфтваффе. К 10 июля в 4-м штурмовом авиаполку насчитывалось не более десятка «Ильюшинов». В августе его личный состав, передав последние три самолета соседнему полку, по пыльным военным дорогам пешком двинулся на восток для переформирования.

Прорыв частей Западного фронта из окружения

Советские легкие танки Т-26 105-й танковой дивизии атакуют немецкие позиции. Западный фронт, июль 1941 г.

Спустя более семидесяти лет после боев кровавого июня 1941 года генерала армии Д.Г. Павлова можно упрекнуть во многом, что он не сделал. Однако командующий Западным фронтом отдал войскам приказ отходить, когда угроза немецкого окружения только обозна-

чилась на карте. Тем самым Павлов дал шанс на спасение множеству бойцов и командиров Красной Армии. Советские войска снялись с позиций и начали отступать на восток, в направлении Волковыска, Слонима и Минска. О сдаче никто не помышлял, войска сохраняли порядок и управляемость. Вместе с другими отступала 3-я армия генерала В.И. Кузнецова. По пятам, не отставая ни на шаг, ее преследовала немецкая пехота. Отступающих непрерывно атаковала авиация.

До войны в Красной Армии не изучался опыт окружений, войска не учили, как действовать, если оно все же происходит. Ситуация на Западном фронте ухудшалась наличием «бутылочного горла» в районе Волковыска. Количество дорог и переправ в этом лесисто-болотистом районе уменьшается при движении с запада на восток. Преодолевшие «бутылочное горло» части попадали в район к западу от Минска, стиснутый двумя немецкими танковыми группами. Кузнецов вел свои войска быстро и энергично. Попытка врага перехватить его части еще на пути к «бутылочному горлу» была пресечена. Немецкие передовые отряды были решительно выбиты с переправ у местечка Мосты на Немане, затем у местечка Пески на Зельвянке. Едва ли не в первый раз за все время войны на территории Советского Союза немецкие части оставляли захваченное. Благодаря этому потрепан-ным частям 3-й армии удалось прорваться через «бутылочное горло» в район Ново-грудка, к западу от Минска. Под Минском остатки армии Кузнецова соединились с попавшими в окружение защитниками столицы Белоруссии. В штабной землянке состоялось совещание. Предложение других командиров перейти к партизанским действиям Кузнецов отклонил. Более трудным был выбор между прорывом на северо-восток (где находились войска Германа Гота) и на юго-восток (там действовали части Гейнца Гудериана). Выбор окруженцев пал на второе направление, поскольку по нему можно было быстрее выйти к своим.

Если бы Гейнец Гудериан проявил в выполнении приказов командования такую же настойчивость, как Герман Гот, шансы окруженных частей Красной Армии на прорыв были бы ничтожными. Однако этого не произошло – командующий 2-й танковой группой грезил о Москве и главные силы бросил на восток, к Березине и Днепру. Гот позднее с досадой написал в мемуарах о своем прорыве в Минск: *«Но соединиться со 2-й танковой группой <...> все же не удалось»*. В официальных документах он был более резок: *«2-я ТГр (танковая группа. – Прим. авт.) не выполнила свою задачу завершить кольцо окружения, соединившись с 3-й ТГр восточнее и южнее Минска»*. Построение немецких частей на юге и юго-востоке «котла» под Новогрудком было неплотным. Гот мог лишь смотреть на ускользающие советские войска. В.И. Кузнецов в штабной землянке под Минском всего этого знать не мог, однако он знал одно: надо прорываться из окружения, и будь что будет. Прорыв оказался удачным, но фронт уже ушел далеко на восток. Впереди вырвавшихся из «котла» красноармейцев ждали дни и недели скитаний по лесам.

Прорыв из окружения летом 1941 года был если не редкой, но все же удачей. Выход войск В.И. Кузнецова стал возможен благодаря его выдержке и профессионализму, помноженным на простое везение. Однако так везло далеко не всем. В окружение под Белостоком и Минском попало почти 270 тысяч солдат и командиров Красной Армии. Окружавшие их две немецкие армии превосходили их в численности почти вдвое. Советские части пытались пробиться через «бутылочное горло», яростно атаковали германские заслоны на реках Зельвянка и Щара. Последней задачей окруженных стало удержание возможно больших сил врага на периметре «котла». Эту задачу благодаря новым танкам КВ и Т-34 6-го механизированного корпуса они выполнили и даже перевыполнили. Для сдерживания попыток прорыва на Слоним немцам пришлось направить туда не только пехоту, но и часть 2-й танковой группы Гудериана. Численное превосходство немецких войск сделало свое дело – как организованная вооруженная сила окруженные войска перестали существовать в первых числах июля.

На Юго-Западном фронте первые бои с немцами обошлись без крупного окружения. На этом направлении было около 800 новейших танков КВ и Т-34. Также фронт сохранил после ударов по аэродромам большую часть своей авиации. На немецкие танковые колонны обрушились удары бомбардировщиков, с фронта и с флангов их атаковали механизированные корпуса. Поэтому на Украине за первую неделю войны Вермахт с тяжелыми боями смог пробиться лишь на 150-170 километров. Катастрофа Западного фронта заставила Юго-Западный откатиться на восток сразу на 450-600 километров.

Прорыв красноармейцев из окружения под Минском. Июнь 1941 г.

ТАНКОВЫЙ КЛИН (PANZERKEIL)

На поле боя немецкий танковый батальон строился так называемым «танковым клином». Чаще всего к противнику было обращено не острие, а основание «клина». Изюминкой этого построения был узкий фронт атаки. Основание «клина» имело ширину всего километр, на котором атаковало сразу 50-60 танков. В обороняющейся дивизии Красной Армии в 1941 году противотанковые пушки равномерно распределялись по фронту. Таким образом, на атакованном фронте в километр оказывалось всего 5-10 орудий. Вражеские «панцеры» своей массой просто задавливали эти несколько пушек. После пробивание бреши узким «клином» немецкие танки поворачивали вправо и влево, атакуя оборонительную линию противника во фланг и тыл.

Итоги Приграничного сражения

Советские беженцы идут мимо брошенного танка БТ-7А

Приграничное сражение завершилось крупным поражением Советского Союза. Были потеряны почти территории, приобретенные накануне войны, с 1939 года, за исключением Бессарабии, Эстонии и Карелии. За восемнадцать дней Вермахт прошел половину пути от границы СССР до столицы страны – Москвы. Тем не менее относительный уровень потерь

Красной Армии хотя и был чрезвычайно велик, но не являлся смертельным. За неполных три недели советские войска потеряли примерно пятую часть орудий и боевых самолетов, потери личного состава были еще меньше – восьмая часть от всей армии (убитыми, пленными и ранеными), но при этом была потеряна половина танковых войск и почти все танки новых типов – средние Т-34 и тяжелые КВ.

Битва за небо «сталинскими соколами» также была проиграна. Однако, несмотря на нанесенное ВВС Красной Армии поражение и потери в размере 7500 самолетов, потери Люфтваффе составили тысячу боевых самолетов уничтоженными и 800 поврежденными. Немецкое командование не было готово к такому уровню собственных потерь. Поскольку успешность продвижения наземных войск находилась в прямой зависимости от поддержки с воздуха, потери авиации привели к тому, что уже через несколько дней после начала войны двухмоторные бомбардировщики «Юнкерс» и «Хейнкель», которые должны были бомбить коммуникации Красной Армии, мосты, железнодорожные станции и другие цели в тылу, вынужденно стали использоваться для непосредственной поддержки войск на поле боя. Люфтваффе превратились в «летающую артиллерию». Это не позволило Вермахту помешать отходу советских частей на новые рубежи обороны, а также сорвать эвакуацию промышленности и переброску резервов из внутренних военных округов Советского Союза.

В «котлах» вокруг Белостока и Минска немецкие войска пленили более трехсот тысяч человек – не только бойцов и командиров Красной Армии, но и просто подозрительных гражданских лиц призывного возраста. Пленных могло быть больше, если бы не упорное сопротивление окруженцев. Франц Гальдер с удивлением записал в своем дневнике: *«На отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами»*. Людские потери Третьего рейха были впятеро меньше советских и к этому моменту не превосходили потери в ходе победоносной Французской кампании 1940 года. Гитлер был доволен результатами первых дней «Восточного похода»: *«Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически войну он уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить»*.

Те полки и дивизии Красной Армии, их бойцы и командиры, кто сражался в Приграничном сражении в июне 1941 года, стали истинными героями. Известный американский военный историк полковник Дэвид Гланц справедливо сказал о них: *«Непрерывные и иррациональные, зачастую бесполезные советские наступления неощутимо разрушали боевую силу немецких войск, вызвали потери, которые побудили Гитлера изменить его стратегию и в конечном счете создали условия для поражения Вермахта под Москвой. Те советские офицеры и солдаты, кто пережил их серьезное и дорогое крещение огнем, в конечном счете использовали свое ускоренное обучение для нанесения ужасных потерь своим мучителям»*. От искореженных, обугленных остовов своих боевых машин на восток уходили будущие прославленные полководцы Великой Отечественной войны – К.К. Рокоссовский, В.И. Кузнецов, П.А. Ротмистров, И.Д. Черняховский, Д.Д. Лелюшенко и другие. Мало кому еще известным тогда командирам предстояло опробовать в боях с Вермахтом уроки «ускоренного обучения», полученные ими в схватке с немецкой военной машиной у границ Советского Союза.

Два подбитых советских тяжелых танка KV-1

Подбитый советский броневлаволюбиль БА-10 и уцелевший член экипажа, взятый в плен. 24 июня 1941 г.

ПЕРВОЕ ВОЕННОЕ ЛЕТО

Удар немецких пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс» Ю-87 по советским позициям в районе деревни Волочек под Лугой. 14 августа 1941 г.

В течение первой недели июля немецкие войска продолжали удерживать инициативу в своих руках. Группа армий «Север» вышла к эстонской территории на рубеж Пярну-Тарту, танковая группа Гепнера заняла Псков и Остров. На центральном участке фронта танковые группы Гота и Гудериана, объединенные под руководством генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге в 4-ю танковую армию, вышли к рубежу Витебск-Орша-Могилев и готовились к форсированию Днепра. Контрудар двух хорошо укомплектованных мехкорпусов – 5-го под командованием Алексеенко и 7-го под командованием Виноградова, – проведенный в районе Сенно-Лепель западнее Витебска, в местности, слабо подходящей для массированного применения танков, не удался. Оба мехкорпуса были обескровлены за пять дней боев и вынуждены отойти на основной оборонительный рубеж армии. Для Сталина это было не только военной потерей, но и личной трагедией – 16 июля в плен попал его старший сын Яков, командовавший гаубичной батареей в одной из дивизий 7-го механизированного корпуса.

На юге танковые дивизии Эвальда фон Клейста, несмотря на непрерывные активные бомбежки советской авиации, продолжали рваться к Киеву, заняв Житомир и Бердичев. Моторизованные дивизии группы Лукина, 4-й и 16-й мехкорпус, переброшенный с Южного фронта, сдерживали их напор из последних сил. Почти не отставали от Клейста пехотные и горнострелковые дивизии, с которыми советские стрелковые дивизии вели постоянные арьергардные бои. 11-я армия Шоберта совместно с румынами начала активное наступление в Бессарабии и уже приближалась к Кишиневу.

После успеха в Приграничном сражении германское командование считало себя победителями, а войну против Советского Союза – выигранной. Пленные красноармейцы, захваченные танки и орудия, тысячи сожженных грузовиков, казалось, не говорили, а кричали

о победе Вермахта. Начальник немецкого Генерального штаба генерал-полковник Франц Гальдер торжествовал, записав в своем дневнике: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней». Позднее он же заметил: «Когда мы форсируем Западную Двину и Днепр, то речь пойдет не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы забрать у противника его промышленные районы».

Сын Верховного Главнокомандующего старший лейтенант Я.И. ДЖУГАШВИЛИ (1907-1943). Согласно официальной версии, попав в плен, он погибнет в концлагере Заксенхаузен

Немецкий легкий танк PzKpfw 35(t) 6-й танковой дивизии проезжает мимо брошенного советского командирского танка Т-28. Лето, 1941 г. 6-я танковая дивизия за три недели боев прошла более 800 километров: прорвала линию Сталина, форсировала Западную Двину, сражалась под Островом, форсировала Лугу, где остановилась, ожидая, пока подтянутся коммуникации и пехотные части. Наступление на Ленинград дивизия возобновила только 8 августа

Командир первой в Красной Армии отдельной экспериментальной батареи реактивной артиллерии И.А. ФЛЕРОВ (1905-1941). В октябре 1941 года получив тяжелое ранение, он подорвал себя вместе с головной пусковой установкой батареи, не допустив ее захват немцами. Последним донесением Флерова было: *«Попали в окружение у деревни Богатырь – 50 км от Вязьмы. Будем держаться до конца. Выхода нет. Готовимся к самовзрыву. Прощайте, товарищи»*. В 1995 году Флерову посмертно было присвоено звание Героя Российской Федерации

Пулеметный расчет немецких егерей из состава группы армий «Север» ведет огонь из пулемета MG-34. Лето 1941 года. Солдат прикрывает самоходно-артиллерийская установка StuG III

БМ-13 – наиболее массовая и знаменитая советская боевая машина реактивной артиллерии периода Великой Отечественной войны, известная под народным прозвищем «катюша». Первые две пусковые установки БМ-13 на шасси машин ЗиС были изготовлены 27 июня 1941 г. на заводе имени Коминтерна в Воронеже. Сама установка представляла собой металлическую ферму, на которой смонтирован пакет из восьми пятиметровых стальных двутавровых балок. Для облегчения боевой установки по всей длине каждой балки были высверлены круглые отверстия. Ферма с пакетом направляющих прочно соединялась с поворотной рамой. Установка имела простейшей конструкции поворотный и подъемный механизмы, кронштейн для прицела с обычной артиллерийской панорамой, железный бак для горючего, прикрепленный сзади кабины. На задней части шасси были смонтированы два откидных домкрата. Стекла кабины во время стрельбы закрывались броневыми откидными щитами. Против сиденья командира боевой машины на передней панели был укреплен небольшой прямоугольный ящичек с вертушкой, напоминающей диск телефонного аппарата, и рукояткой для проворачивания диска, на котором имелось 16 номеров. Это приспособление называлось пультом управления огнем – ПУО. От него шел жгут проводников к специальному аккумулятору и к каждой направляющей. При одном обороте рукоятки ПУО происходило замыкание электроцепи, срабатывал пиропатрон, помещенный в передней части ракетной камеры снаряда, воспламенялся реактивный заряд и происходил выстрел. Темп стрельбы определялся темпом вращения рукоятки ПУО. 16 тяжелых реактивных снарядов из БМ-13 могли быть выпущены за 8-10 секунд и буквально перепахать территорию в районе цели. При этом оглушительный вой, которым сопровождался полет ракет, буквально сводил людей с ума. Соотечественники Баха даже прозвали советские реактивные установки «сталинскими органами». Те из немецких солдат, кто не погибал во время обстрела, часто уже не могли оказывать сопротивление, поскольку были контужены, оглушены и совершенно подавлены психологически. В свою очередь мобильность установки БМ-13 позволяла советскому расчету быстро уйти на другую позицию, избежав ответного удара противника.

Сражение за Могилев

Немецкие мотоциклисты на улице Могилева после окончания боев за город

Новой целью немецкой армии стал Смоленск. Однако в июле 1941 года проявили себя два фактора, поначалу недооцененных немецкими стратегами. Во-первых, Восточный фронт воронкообразно расширялся от границы дальше не восток. Перешедшие советскую границу компактной массой три группы армий Вермахта оказались разбросаны на огромном

пространстве от Прибалтики до Украины. Во-вторых, в бой вступили части Красной Армии из внутренних военных округов. Они не успели подойти к границе в июне перед немецким вторжением, но теперь были готовы дать сражение на Днестре и Двине.

Одной из позиций, занимаемых прибывающими из внутренних округов Советского Союза войсками, в начале июля 1941 года стал располагавшийся на Днестре город Могилев. Уже 3 июля на дальние подступы к Могилеву, обороняемому 172-й дивизией генерала Романа вышли передовые и разведывательные отряды немцев. Вскоре город попал в поле зрения командования группы армий «Центр», и на него была развернута 3-я танковая дивизия 24-го корпуса. Утром 12 июля она была на западной окраине города. Традиционно атаку танков предварял мощный удар авиации. Далее, по воспоминаниям полковника в отставке Хорста Зобеля, в июле 1941 года служившего в 3-й танковой дивизии, произошло следующее: *«3-я танковая дивизия начала атаку против Могилева двумя боевыми группами. Правая боевая группа несколько продвинулась вперед, но затем атака была остановлена из-за сильного сопротивления противника. Левая группа немедленно пришла к катастрофе. Пехота на мотоциклах, которая должна была сопровождать танки, завязла в глубоком песке и не вышла на линию атаки. Командир танковой роты начал атаку без поддержки пехоты. Направление атаки, однако, было полигоном гарнизона Могилева, где были установлены мины и вырыты окопы. Танки напоролась на минное поле, и в этот момент по ним открыли огонь артиллерия и противотанковые пушки. В результате атака провалилась. Командир роты был убит, и 11 из 13 наших танков было потеряно»*. Наступление немецкой 3-й танковой дивизии на Могилев было остановлено. Зобель также заметил, что *«противник оказался намного сильнее, чем ожидалось»*.

Это был один из первых успехов Красной Армии в Великой Отечественной войне. В Могилев по этому случаю прибыли корреспонденты центральных газет, в том числе и Константин Симонов, которые собственными глазами увидели подбитые вражеские «панцеры». Снимок кладбища немецкой техники был позднее опубликован в «Известиях».

После трех недель боев возможности сопротивления, к тому времени окруженной дивизии, были исчерпаны. На совещании в опустевшей школе было принято решение прорываться. Части, оборонявшиеся на левом берегу Днестра, должны были пробиваться в северном направлении. Частям, оборонявшимся на правом берегу Днестра, было приказано прорываться на юго-запад, а затем идти вдоль Днестра, форсировать его и далее двигаться на восток, на соединение со своими войсками. Прорыв начался в полночь, под проливным дождем. В условиях плотного кольца немецкой пехоты вокруг города прорыв был делом почти безнадежным. Однако нескольким отрядам все же удалось прорваться. Генерал-майор М.Т. Романов попал в плен в конце сентября и умер от последствий пулевого ранения 3 декабря 1941 года.

По итогам боев за Могилев в отчете VII корпуса были сделаны следующие выводы: *«Штурм укрепленного плацдарма Могилев представлял собой семидневную самостоятельную операцию против прекрасной долговременной оборонительной позиции, защищаемой фанатичным противником. Русские держались до последнего. Они были совершенно нечувствительны к происходившему у них на флангах и в тылу. За каждую стрелковую ячейку пулеметное или орудийное гнездо, каждый дом приходилось вести бои»*.

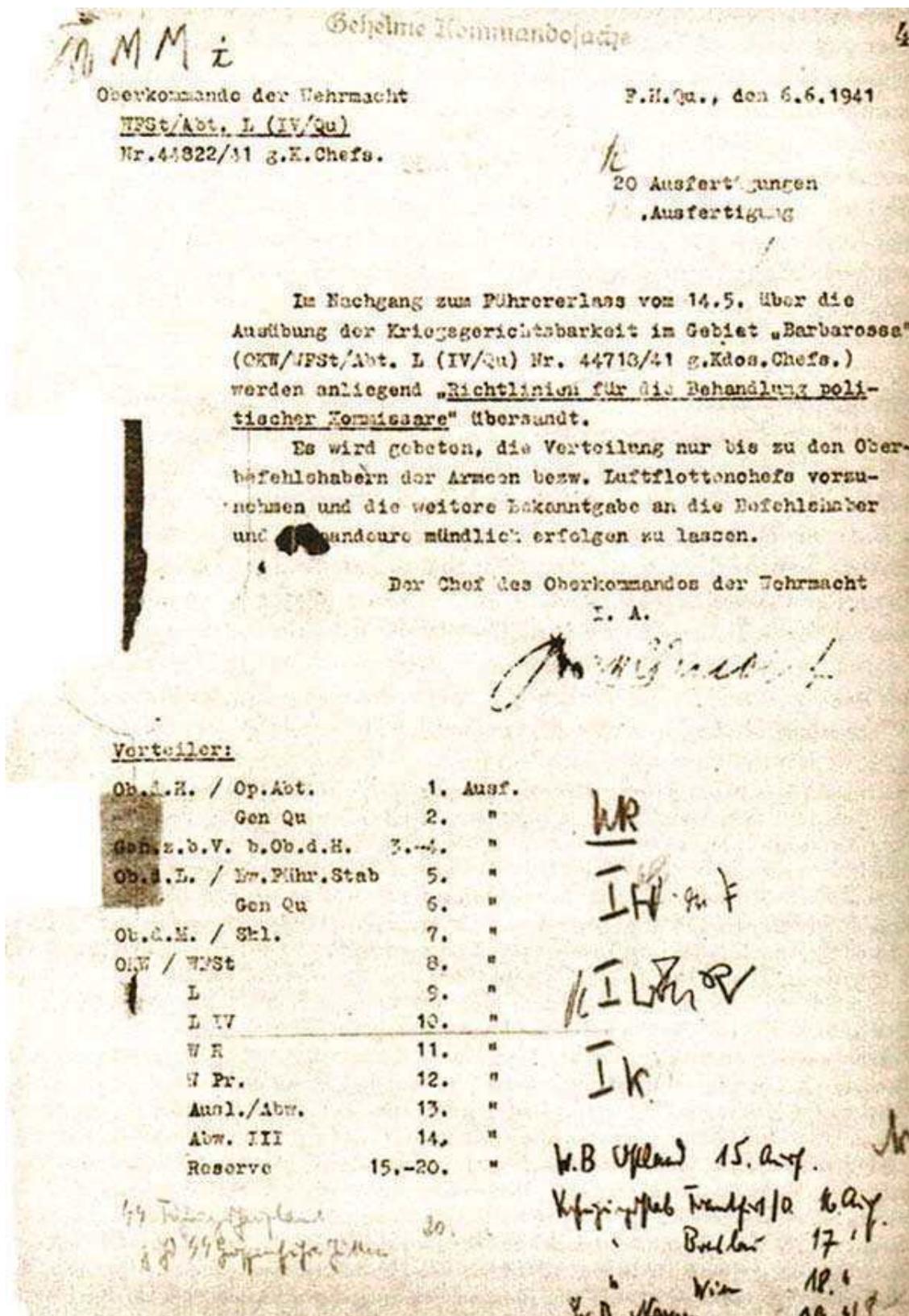
Немецкая кавалерия Могилева

Однако главным итогом сражения за Могилев было исключение 7-го армейского корпуса из боев за Смоленск. Вместо того чтобы форсированным маршем двигаться вперед и сменить подвижные соединения 46-го или 47-го корпусов на захваченных ими позициях, немецкая пехота билась за город довольно далеко в тылу группы армий «Центр». Если бы состоялась смена подвижных частей под Смоленском или Ельней, они могли прорваться в район Дорогобужа или Ярцево и соединиться с 3-й танковой группой Германа Гота. В этом случае точка в боях за Смоленск была бы поставлена намного раньше, чем это произошло в реальности.

Стабилизация линии фронта под Смоленском

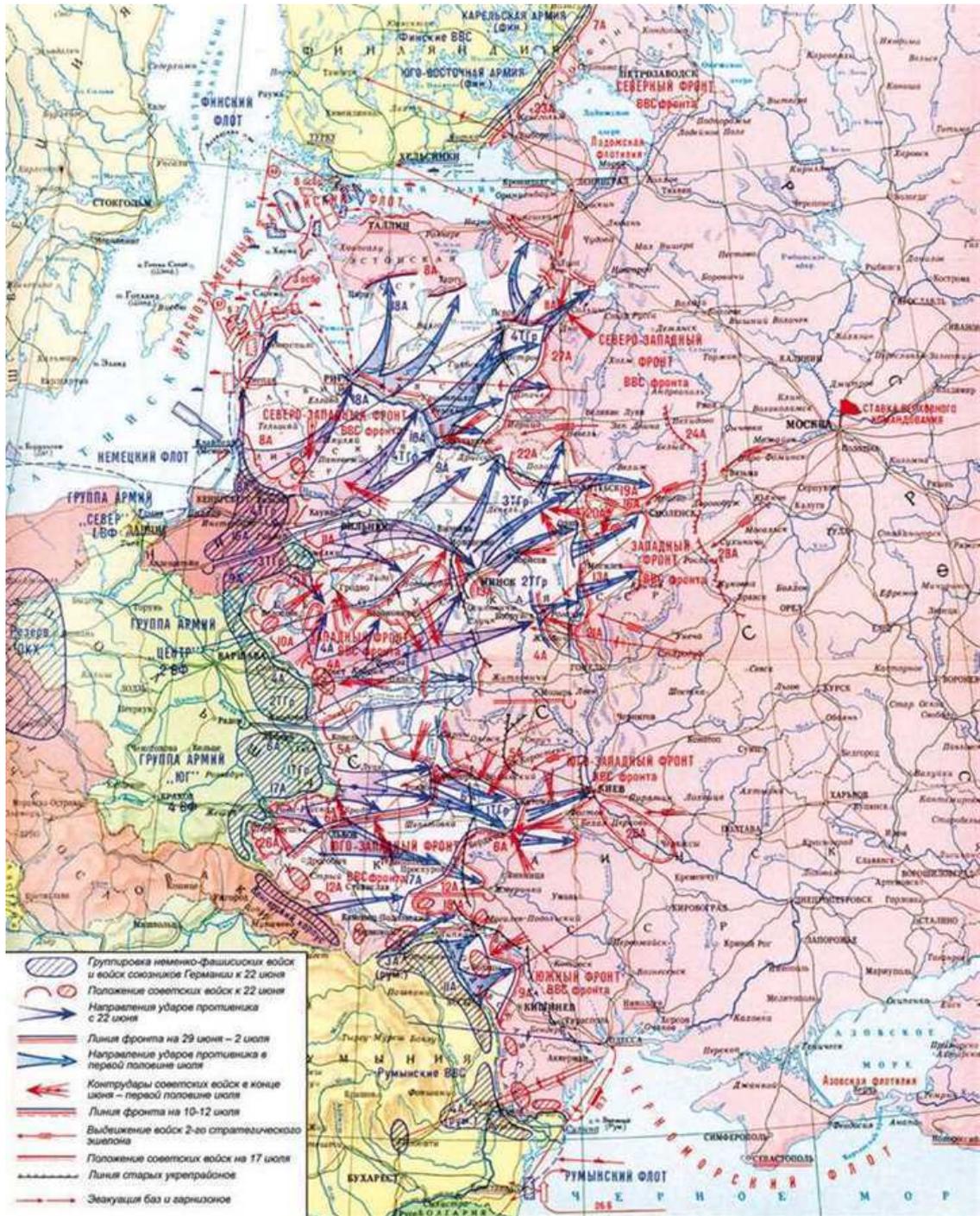
После захвата Минска танковые группы Германа Гота и Гейнца Гудериана вновь должны были прорваться далеко в глубь территории Советского Союза и встретиться к востоку от Смоленска. Однако попытка повторить под Смоленском успех Минского «котла» столкнулась с непреодолимыми препятствиями. Гот еще раз был вынужден, не скрывая раздражения, написать: *«Связь (войск группы Гудериана. – Прим. авт.) с 3-й танковой группой так и не была восстановлена, в кольце окружения между Смоленском и Ярцевом осталась брешь»*. На этот раз дело было не в своеволии Гудериана – его моторизованные корпуса попали под град ударов со стороны прибывших из внутренних округов Советского Союза армий. Танковая группа Гота вскоре сама была вынуждена вести тяжелые оборонительные бои. Ей пришлось даже оставить Великие Луки, которые стали первым крупным советским городом, отбитым у немцев. Оторвавшиеся от пехоты полевых армий германские танковые группы оказались под угрозой разгрома, поэтому переломить ситуацию противнику удалось лишь с их подходом. Из-за этого кольцо окружения вокруг смоленской группировки советских войск Вермахт смог замкнуть лишь в начале августа 1941 года.

Стабилизация линии фронта под Смоленском стала спасением для многих мелких групп окруженцев, пробивавшихся к основным частям Красной Армии. Почти через месяц после прорыва под Минском и скитаний по лесам группа бойцов и командиров во главе с генералом В.И. Кузнецовым вышла к линии фронта, которая тогда проходила вдоль железной дороги Рогачев-Могилев. На следующую ночь с помощью партизан красноармейцы вышли к своим. Летом 1941 года подобных групп окруженцев численностью от нескольких человек до 1,5 тысячи было множество. Для них с переходом линии фронта начиналась новая страница организованного сопротивления немецким захватчикам. Командармы с боевым опытом в 1941-м были в цене, поэтому Кузнецов после выхода из окружения не остался без дела и возглавил 21-ю армию, с начала войны став уже ее пятым командующим.

«Приказ о комиссарах» (Kommissarbefehl) – секретный приказ от 6 июня 1941 года, отданный Верховным Главнокомандованием Вермахта немецким офицерам. Приказ предписывал: «Носителей государственной политической идеи и политических руководителей (комиссаров) следует уничтожать». Войскам сообщалось, что опознать комиссаров можно по «красной звезде с вытканными на ней серпом и молотом на рукаве». Решение о расстреле

мог принять «офицер, обладающий дисциплинарной властью». Тем самым немецкие войска в приказном порядке должны были уничтожать людей, которые по всем формальным признакам (наличие униформы и табельного оружия) укладывались в определение военнопленных. В непримиримых идеологических противоречиях противников война между СССР и Третьим рейхом в чем-то перекликалась с религиозными войнами Средних веков. «Приказ о комиссарах» фигурировал в числе документальных свидетельств на Нюрнбергском процессе 1946 года.

Военные действия на советско-германском фронте в начальный период войны 22 июня – середина июля 1941 г.

Действия высшего руководства СССР

Рабочие читают текст выступления по радио товарища Сталина

3 июля 1941 года Сталин выступил по радио со своим знаменитым обращением к народу, начинавшемся словами: *«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»* Именно после этого обращения в оборот вошло словосочетание «Великая Отечественная война», хотя в самом тексте сталинской речи слова «великая» и «отечественная» были употреблены раздельно. Вождь призвал к объединению и мобилизации всех усилий страны ради интересов фронта, разгрома врага

и освобождения Европы от фашизма. Он заявил: *«Враг жесток и неумолим. Дело идет о жизни и смерти, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знаящий пощады врагу. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине»*. В своем выступлении Сталин не ограничился констатацией факта поражения Красной Армии. Вождь попытался проанализировать причины, по которым нападение Третьего рейха на Советский Союз стало внезапным, а затем очертил круг первостепенных мер, которые необходимо было принять для отражения германской агрессии. Сталин призвал не оставлять врагу *«ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего <...> Все ценное имущество <...> которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться... В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать их мероприятия»*. В своем выступлении Сталин сообщил, что в Москве и Ленинграде создается народное ополчение. Закончил он словами: *«Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»*

Выступление Сталина, шокировавшее население СССР, сыграло очень важную роль в перестройке массового сознания на военный лад. Узнав о проигрыше Приграничного сражения, люди утратили последние шапкозакидательские иллюзии и осознали, что война будет долгой и тяжелой. Выступление Сталина не только отрезвило население, но и консолидировало его. Сразу после 3 июля НКВД отмечал улучшение настроений в обществе. Осознав всю опасность положения на фронте, люди были рады тому, что им сказали правду. К началу августа страна превратилась в военный лагерь. Все работало на нужды армии и обороны. Витрины городских магазинов заложили мешками с песком, во дворах и подвалах оборудовали бомбо- и газоубежища. В кинотеатрах шли первые «Боевые киносборники» и выпуски кинохроники «С фронтов Отечественной войны». Шок первых дней войны прошел. Теперь она стала частью обыденной жизни.

10 июля Сталин лично принял командование Красной Армией в качестве Верховного Главнокомандующего, а также создал главные командования стратегических направлений – Северо-Западного во главе с маршалом К.Е. Ворошиловым, Западного во главе с маршалом С.К. Тимошенко и Юго-Западного во главе с маршалом С.М. Буденным. 12 июля было положено начало созданию антигитлеровской коалиции. В Москве было подписано советско-английское соглашение «О совместных действиях в войне против Германии». Стороны обязывались оказывать друг другу помощь и поддержку, а также не вести переговоры и не заключать перемирие или мирный договор, кроме как с обоюдного согласия. 16 июля для восстановления пошатнувшегося боевого духа красноармейцев в войсках вновь были введены должности комиссаров, упраздненные в 1940 году. 30 июля между СССР и польским правительством в изгнании было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений, взаимопомощи в войне против Германии и о формировании на территории Советского Союза польской армии.

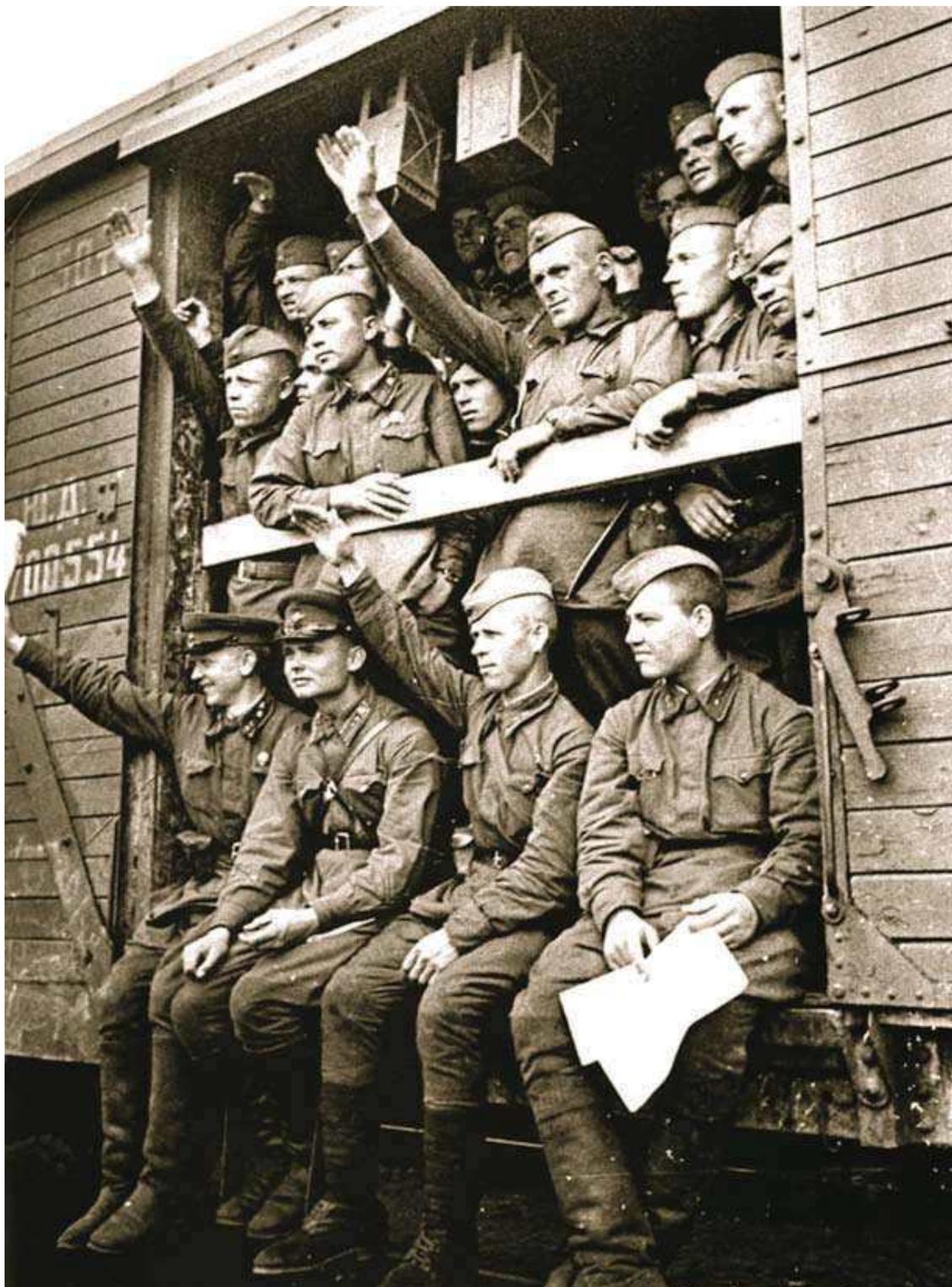

Сдавшиеся красноармейцы идут в тыл к немцам. Лето 1941 г. Снимок сделан из кузова грузовика в немецкой колонне, идущей по дороге

Подбитые советские танки – легкий Т-26 и тяжелый КВ-1 3-й танковой дивизии, потерянные 5 июля 1941 г. в боях с немецкой 1-й танковой дивизией на дороге Псков-Остров

Мобилизация

Отправка на фронт советских солдат и командиров, июнь 1941 г.

Советские девушки-добровольцы направляются на фронт. Лето 1941 года

На лето 1941 года пришлась и первая волна всеобщей воинской мобилизации. В Красную Армию призывались молодые люди 1918-1923 годов рождения, кроме работающих на военных заводах, трактористов и комбайнеров. Матери и жены плакали, провожая мужчин на войну. В деревнях вся тяжесть сельских забот теперь легла на женские плечи. Дмитрий Булгаков, житель Курской области, вспоминает: «На второй день после объявления войны, призывникам были вручены повестки с приказом явиться в сельсовет. Деревня плакала, провожая мужиков на войну. В сентябре объявили о том, что все мужчины, рождения с 1890 по 1923 годам были призваны и эвакуированы на юго-восток». Одновременно с призывом шла запись добровольцев, как мужчин, так и женщин, в истребительные отряды и народное ополчение. Вспоминает Наталья Пешкова: «Я только закончила десять классов, у нас был выпускной вечер на Красной площади, а на следующий день началась война. Ну, а поскольку я считала себя не хуже чем Жанна Д'Арк, то сразу побежала в райком комсомола, откуда меня и отправили в дружину санинструкторов, которая была организована в нашей же школе».

Люди рвались воевать по разным причинам. Кто-то из любви к Родине, кто-то, чтобы не отрываться от друзей, позднее появился мотив личной мести за погибших родных и товарищей, кто-то рассуждал как Николай Смольский, окончивший летное училище и очутившийся в Запасном авиаполку, где по его мнению можно было спокойно просидеть всю войну: «Я начал искать возможность вырваться на фронт: «Вот спросят меня дети: «А что ты делал, папа, когда все воевали?» Что я им отвечу?» Зимой 41-го появилась и еще одна причина – голод. Снабжение тыла шло по остаточному принципу, люди недоедали. Страна напрягала все усилия претворяя в жизнь лозунг «Все для фронта! Все для победы!» В этой ситуации, зная, что на фронте кормят лучше, мужчины стремились в армию.

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ

В первые дни Великой Отечественной войны прекратили свою работу легальные резидентуры советской разведки в Германии, в странах, союзных с немцами, и в оккупированных ими государствах, поскольку все сотрудники советских учреждений были депортированы на родину. Военная разведка потеряла связь с агентами в 11 европейских странах. Сами разведчики и их агенты оставались на свободе, но передать добытые сведения в Москву они не могли. Аналогичная ситуация сложилась с агентурными сетями, созданными в приграничных военных округах. После 22 июня 1941 года связь Центра с большинством этих разведчиков была утрачена вплоть до

конца войны. Разведгруппы не имели в своем распоряжении достаточного количества радиостанций и радистов. Сама радиоаппаратура была громоздкой и часто ломалась. Не хватало батарей для раций. Радиус действия радиостанций не превышал тысячи километров, и их сигналы принимались только в западных областях Советского Союза, не достигая ни Москвы, ни тем более Куйбышева (ныне – Самара), куда были эвакуированы основные подразделения аппарата военной разведки. Алгоритмы шифрования и ключи, которыми пользовались советские разведчики, первое время оставались неудобными в использовании и требовали много времени на шифрование и расшифровку сообщений. Кроме того, германская контрразведка активно использовала методы радиопеленгации для обнаружения радиостанций советской разведки. Значительную часть полученной информации в Центр разведки передать так и не смогли. Связь с большинством довоенных агентов удалось восстановить только в 1945 году, когда Красная Армия освобождала государства Европы. Для особо важных сведений использовали случайные каналы связи или курьеров. Но если в мирное время такие гонцы относительно свободно и безопасно перемещались по европейским странам, то во время войны это стало почти невозможно – курьера могла захватить контрразведка, он мог погибнуть в результате атаки подводной лодки на гражданский корабль или под бомбежкой. Однако на Дальнем Востоке – в Японии и Китае – агентурные группы советской военной разведки практически полностью сохранили работоспособность. Продолжало действовать несколько нелегальных резидентур во Франции, Бельгии, Голландии. Чрезвычайно эффективно действовала советская разведка в Соединенных Штатах и Великобритании и в нейтральных странах – Швеции и Швейцарии.

Руководитель советской разведывательной группы «Дора» в Швейцарии Шандор Радо

Призывники на улицах Ленинграда 1941 г. Витрины магазина «Фрукты» уже заклеены полосками бумаги

Суд над руководителями Западного фронта

Части немецкой 7-й танковой дивизии движутся через советскую деревню. Лето 1941 года

Пока в «котлах» под Волковыском и Новогрудком гремели последние выстрелы, печальную судьбу своих подчиненных разделил командующий Западным фронтом генерал Д.Г. Павлов. Первое крупное поражение в ходе войны с немцами было сильным ударом по репутации Красной Армии и Советского Союза в целом. Руководству СССР понадобились «стрелочники» – виновники прорыва танков Гудериана через Брест к Минску, которых можно придать суду трибунала и примерно наказать. Помимо Павлова были арестованы начальник штаба Западного фронта генерал-майор В.Е. Климовских, командующий

воевавшей под Брестом 4-й армией генерал-майор А.А. Коробков и еще несколько человек. На допросах в НКВД Павлов своей вины не признал, ссылаясь на объективные причины неудачи в сражении с немцами в Белоруссии. С позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что правда была на стороне генерала, а злого умысла в его действиях не просматривается. Ошибки Павлова являлись достаточно типичными для советских командующих того периода. Интересно, что обвинение в заговоре в конечном итоге с него было снято. В окончательной версии обвинения сказано, что арестованные генералы *«проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками»*. Бывшие руководители Западного фронта во главе с Павловым были поспешно признаны виновными и расстреляны.

Цепочка наказаний за события лета 1941-го не закончилась судом над руководством Западного фронта. Попавший в плен командир 4-й танковой дивизии А.Г. Потатурчев был освобожден в 1945 году, но в ходе спецпроверки арестован органами НКВД. Подробности следствия по его делу на данный момент неизвестны. Возможно, что эти материалы были уничтожены. Однако сохранились стенограммы допросов генерала в немецком плену, где он давал довольно подробные показания относительно организационной структуры своей дивизии и даже рисовал схемы. Разглашение совершенно секретных сведений, разумеется, неблагоприятно сказалось на результатах спецпроверки органами госбезопасности после войны. Даже немцы, допрашивавшие Потатурчева, довольно жестко высказались о его пространственных показаниях: *«Он охотно дает данные о своей дивизии, ее структуре и боевом применении, даже о тактических основах действий русских танковых сил. Ему, по-видимому, совершенно не приходит в голову, что тем самым он, с нашей точки зрения, нарушает священнейший долг офицера. У него отсутствует сознание национальной чести и долга, которое является у нас само собой разумеющимся»*.

К сожалению, Потатурчев в таком поведении в плену был не одинок. В отчете разведывательного отдела штаба 57-го моторизованного корпуса имеются следующие слова: *«У всех взятых до сих пор пленных можно установить одно и то же: солдаты очень охотно рассказывают о своих войсках, если информация им известна. От рассказов отказываются только политкомиссары, в то время как даже офицеры, порой самостоятельно, выдают военные данные. У всех пленных велик страх перед жестоким обращением со стороны немцев, о котором им говорили»*. Именно в этом, скорее всего, следует искать причины не всегда успешного прохождения проверок в НКВД бывшими военнопленными. Так или иначе, сам по себе арест Потатурчева и его многомесячное содержание под стражей имели под собой весьма веские основания. Резкие высказывания в адрес НКВД и существовавших в Советском Союзе порядков лишь усугубили ситуацию. В июле 1947 года Потатурчев умер в тюрьме, поставив тем самым точку в истории наказаний командного состава Западного фронта.

Командир 260-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Ганс Шмидт (третий слева) и командир 43-го армейского корпуса (XXXXIII Armeekorps) генерал Готхард Хейнрици (четвертый слева) осматривают сгоревший под Гомелем советский средний танк Т-34. Август 1941 г.

PzKpfw III

Немецкий средний танк, с 1941 по 1943 г. составлявший основу Панцерваффе – бронетанковых войск Вермахта. Именно «тройку» чаще всего можно увидеть на кадрах немецкой кинохроники, снятых в первые два года войны на Восточном фронте. К 22 июня 1941 г. в танковых дивизиях, вторгшихся на территорию Советского Союза, насчитывалось около 1000 машин этой модели, что составляло около 30 % от общего числа танков, участвовавших в операции «Барбаросса». В первых же боях лета 1941-го выяснилось, что PzKpfw III, предназначенный для борьбы с танками противника, мог пробить броню советского тяжелого танка КВ только с дистанции в 200 метров. В свою очередь советские танки легко поражали «тройки» с дистанции в полкилометра. Трофейные PzKpfw III успешно применялись в боях Красной Армией, хотя при этом

остро ощущалась нехватка трофейных боеприпасов для 37-мм и 50-мм орудий «троек». В 1943 г., когда пушки этих калибров стали недостаточными для борьбы с новыми немецкими танками «Тигр» и «Пантера», на советских заводах захваченные PzKpfw III стали переделывать в самоходно-артиллерийские установки СУ-76И.

Обстановка на фронтах

Солдаты Вермахта в Витебске

С 10 июля после короткой передышки основные силы немецкой группы армий «Север» вели наступление на Ленинград. 4-я танковая группа Гепнера, вышедшая на рубеж Порхов-Псков, действовала двумя моторизованными корпусами на расходящихся независимых направлениях – на Ленинград и Новгород. Советское командование Северо-Западного фронта приняло решение встретить противника на заранее укрепленном Лужском оборонительном рубеже, проходившем от Финского залива до озера Ильмень. Для того чтобы переломить ситуацию в свою пользу, немцам пришлось предпринять широкий обходной маневр. Один моторизованный корпус отправился под Кингисепп, а второй, под командованием Эриха фон Манштейна – на Новгород. Однако они разошлись веером в разные стороны, и связь между ними оказалась потеряна.

Уязвимостью войск фон Манштейна немедленно воспользовалось советское командование – 14 июля силами 11-й армии генерал-лейтенанта В.И. Морозова был нанесен охватывающий удар по немецкому 56-му корпусу. 8-я танковая дивизия и инженерный полк противника были окружены, а весь корпус отрезан от снабжения и поставлен под угрозу полного окружения. Кольцо окружения создали 1-й и 21-й механизированный корпуса, 22-й (эстонский) стрелковый корпус, 183-я (латвийская) стрелковая дивизия. Солдаты и офицеры армий бывших прибалтийских государств, в эстонской и латвийской форме с нашитыми петлицами Красной Армии, плечом к плечу с остальными красноармейцами настойчиво стремились затянуть петлю Сольцынского «мешка». В течение четырех дней шли ожесточенные бои, однако фон Манштейну удалось прорваться и восстановить устойчивую линию фронта. Позже он писал: *«Главные силы 8 тд (танковой дивизии. – Прим. авт.), находившиеся между Сольцами и Миагой, оказались отрезанными от тылов дивизии, при которых находился и штаб корпуса. Кроме того, противник отрезал и нас и с юга большими силами перерезал наши коммуникации. Нельзя было сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным. Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения. Несмотря на это, 8-й танковой дивизии удалось прорваться через Сольцы на запад и вновь соединить свои силы. 18 июля кризис можно было считать преодоленным»*. Трофеями Красной Армии стали сверхсекретные немецкие документы: наставления по использованию химического оружия и боевому применению танковых дивизий. Первое сразу же пустила в ход советская пропаганда, а второе послужило основой для разработок тактики борьбы с танковыми клиньями Панцерваффе.

Началась длительная перегруппировка немецких войск, целью которой было создание мощной ударной группировки на новгородском направлении. Только спустя три недели, 9 августа, противник смог возобновить наступление на Ленинград, на этот раз уже не «в лоб», а обходя через Новгород к Ладожскому озеру. Действия Красной Армии на Лужском рубеже и при контрударе под Сольцами практически спасли город на Неве от захвата немцами «с ходу» – в июле-августе 1941 года.

15 августа немецкие войска заняли Новгород и форсировали Волхов. Немного южнее войска 22-й армии генерал-лейтенанта Ф.А. Ершакова смогли отбить и в течение полутора месяцев удерживать Великие Луки, сорвав попытки 3-й танковой группы Германа Гота выйти на оперативный простор между Смоленском и Новгородом. Это был самый крупный город, освобожденный Красной Армией до зимнего контрнаступления под Москвой.

Немецкие солдаты перемещаются под прикрытием танка PzKpfw 35(t) 6-й танковой дивизии Вермахта по окраине горящей деревни. Район Пскова, июль 1941 года

Командующий 11-й армией генерал-лейтенант В.И. Морозов

Солдаты Вермахта фотографируются на сгоревшем у западных ворот Новгородского кремля советском среднем броневике БА-10

Сражение за Смоленск

Немецкий пулеметный расчет ведет огонь из установленного на станке пулемета MG-34 с оптическим прицелом MGZ-34. Район Смоленска, август 1941 г.

15 июля 29-я моторизованная дивизия группы Гейнца Гудериана вышла на южную окраину Смоленска. Защищать город к тому моменту было практически некому. Созданная позднее командованием Западного фронта комиссия оценила силы защитников города

следующим образом: «К 14 июля в системе обороны города находились следующие части: сводный стрелковый полк двухбатальонного состава из числа от мобилизованного личного состава – около 2 тысяч человек; маршевый батальон из 39-го запасного стрелкового полка – около 1200 человек; 8-й отдельный батальон обслуживания станции снабжения – 754 человека; сводный отряд 159-го стрелкового полка – около 150 человек; отряды милиции и НКВД – численность не установлена; 10-й понтонно-мостовой батальон – 793 человека при 30 винтовках; батальон регулирования – 276 человек; 4-й автобатальон – 657 человек. Всего личного состава насчитывалось до 6500 человек, из них непосредственно в районе позиций около 2500 человек».

Однако даже эти малочисленные и слабовооруженные части смогли дать первый бой за город. Смоленск отнюдь не пал в руки Гудериана как спелый плод. В журнале боевых действий немецкого 47-го корпуса об этих боях было написано следующее: «29-я пд (пехотная дивизия. – **Прим. авт.**) движется силами 71-го пп (пехотного полка. – **Прим. авт.**) на правом фланге с юга, силами 15-го пп по дороге Красный-Смоленск к окраинам Смоленска, на которые выходит вечером. 71-й пп начинает в 22.00 наступление к центру города, в то время как 15-й пп сражается в его юго-западной части. Уже после наступления темноты 71-й пп ведет в высшей степени ожесточенные бои, неся тяжелые потери, поскольку противник ведет огонь из окон, подвальных окон и т. п., в том числе и из противотанковых орудий. Вспыхивают рукопашные схватки с использованием холодного оружия». Последняя фраза про рукопашные бои попала даже в очередное донесение группы армий «Центр». 29-я моторизованная пехотная дивизия немцев действительно понесла в боях за Смоленск тяжелые потери. В период с 14 по 19 июля она была безусловным лидером по потерям во 2-й танковой группе. За этот период потери составили 185 человек убитыми, 795 ранеными и 8 пропавшими без вести, а всего – 988 человек.

К исходу 21 июля в руках Красной Армии оставалась только северо-западная окраина города.

Действиями Красной Армии в районе Смоленска руководил командующий 16-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин. В его распоряжении в это время были незакончившие сосредоточения и постепенно прибывавшие части 16-й армии. Кроме того, Лукин пытался объединить и организовать отходящие части, подразделения и просто группы бойцов и командиров из состава левого фланга 19-й и правого фланга 20-й армий. Но наспех сформированные отряды не были достаточно устойчивы и страдали слабым организационным объединением. Это затрудняло управление ими и создавало вынужденную разрозненность и малую эффективность действий этих импровизированных отрядов.

Также сильно сказалась на ходе боевых действий советских частей в районе Смоленска нехватка боеприпасов у артиллерии. Позднее М.Ф. Лукин вспоминал: «22 и 23 июля в Смоленске продолжались ожесточенные бои. Противник упорно оборонял каждый дом, на наши атакующие подразделения он обрушил массу огня из минометов и автоматов. Его танки, помимо артогна, извергали из огнеметов пламя длиной до 60 м, и все, что попадало под эту огневую струю, горело. Немецкая авиация днем беспрерывно бомбила наши части. Сильный бой продолжался за кладбище, которое 152-я стрелковая дивизия занимала дважды (ранее 129-я стрелковая дивизия также три раза овладевала им). Бои за кладбище, за каждое каменное здание носили напряженный характер и часто переходили в рукопашные схватки, которые почти всегда кончались успехом для наших войск. Натиск был настолько сильным, что фашисты не успевали уносить убитых и тяжелораненых, принадлежавших 29-й мотодивизии 47-го механизированного корпуса Гудериана». Смоленск был оставлен 28 июля, буквально через день после замыкания кольца окружения за спиной 16-й и 20-й армий генерал-лейтенантов М.Ф. Лукина и П.А. Курочкина.

Колонна солдат Вермахта на привале в Смоленской области. Район города Ярцево, июль 1941 года

Командующий 16-й армией генерал-лейтенант М.Ф. ЛУКИН (1892-1970). В октябре 1941 года он попадет в плен, из которого будет освобожден в конце войны. Когда об этом доложили Сталину, тот сказал маршалу И.С. Коневу: «Передайте Лукину благодарность за Москву». На личном деле пробывшего четыре года в немецком плену генерала рукой вождя написано: «Преданный человек. В звании восстановить. По службе не ущемлять». В 1993 году Лукину посмертно было присвоено звание Героя Российской Федерации

Проведенное неделю спустя расследование показало, что *«отход 73 сд (стрелковой дивизии. – Прим. авт.) с рубежа Верхн. Дубровка, Нов. Батени производился по указанию командира 69 ск и вопреки приказу командующего 20-й армией»*. 73-я стрелковая дивизия отходила на новые позиции по приказу командира корпуса. От противника удалось оторваться, и отход проходил достаточно организованно. Однако вследствие ошибки в управлении один из ее батальонов начал отход через боевые порядки соседней 152-й стрелковой дивизии. Правофланговые части 152-й дивизии дрогнули и, не зная обстановки, потянулись за отходившим батальоном. Вскоре командир дивизии Чернышев отправился скандалить в расположение соседа, жалуясь на отход и открывшийся в результате этого фланг его соединения. Далее процесс принял неуправляемый характер, что и привело к потере Смоленска. Для командира 69-го корпуса генерал-майора Е.А. Могилевича это расследование, впрочем, никаких последствий не имело, поскольку он был ранен в ходе последующего прорыва из окружения и вернулся в строй только в 1942 году.

После занятия Смоленска Гитлер поспешил заявить, что дальнейшую задачу взятия Москвы можно поручить пехотным соединениям, перенаправив танковые группы одну на юг, другую на север, чтобы оказать поддержку во взятии Киева и Ленинграда. Однако наступательный порыв Вермахта уже иссякал – месяц бесперывного наступления привел к тому,

что большинство немецких дивизий было укомплектовано менее чем наполовину. В то же время южнее советская 21-я армия генерал-лейтенанта В.Ф. Герасименко вела встречное наступление на запад от Гомеля, сковывая действия южного фланга танковой группы Гудериана и пехотных дивизий 2-й армии. В тылу советской обороны накапливались резервы – фронт резервных армий в составе 35 дивизий и фронт Можайской линии обороны из 16 дивизий. Эти силы были немедленно использованы для контрударов. Сталин решил навязать инициативу противнику и *«перейти от крохоборства к действиям большими группами»*. 1 августа решительными действиями войск К.К. Рокоссовского и окруженных под Смоленском армий кольцо окружения было прорвано, удручив Гальдера, записавшего в своем дневнике: *«Будет не удивительно, если 7-я танковая дивизия пострадает. Окруженному у Смоленска противнику удалось открыть себе выход на восток»*. На рубеже Ярцево немцев остановили надолго – почти на три месяца.

Солдаты 2-й моторизованной дивизии СС «Дас Райх» (2.SS-Panzergrenadier-Division Das Reich) в сопровождении артиллерийского полугусеничного тягача Sd.Kfz. 10 проходят через советскую деревню. 1941 год

Орден Красного Знамени – первый из советских орденов, учрежденный в 1918 г. и первоначально называвшийся «Красное Знамя». Во время Гражданской войны аналогичные ордена были также учреждены в других советских республиках. В 1924 г. все ордена советских республик были преобразованы в единый для всего СССР орден Красного Знамени. Старейшим из союзных орденов награждали за особую храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите Отечества, за значительные подвиги, совершенные в боевой обстановке с явной опасностью для жизни. Поэтому его иногда называют орденом Боевого Красного Знамени. Вплоть до учреждения в 1930 г. ордена Ленина орден Красного Знамени оставался высшим орденом Советского Союза. Орден за № 1 принадлежал герою Гражданской войны маршалу В.К. Блюхеру. Это единственный из советских орденов, повторное награждение которым особо отмечалось на лицевой части. Пятью орденами были награждены более 350 человек, шестью – более 50 человек, но и это не было пределом. Семью орденами Красного Знамени были награждены маршалы авиации И.Н. Кожедуб и И.И. Пстыго, генерал-полковник П.И. Зырянов, генерал-полковник авиации СД. Горелов, генерал-полковник танковых войск К.Г. Кожанов, генерал-лейтенант М.А. Еншин, генерал-лейтенанты авиации В.Ф. Голубев, М.И. Бурцев и Б.Д. Мелехин, генерал-майоры Н.П. Петров и Б.Я. Черепанов, генерал-майор авиации П.Ф. Заварухин и другие (всего около 15 человек). В случае награждения этим орденом воинских частей, военных кораблей, соединений и объединений они получали наименование Краснознаменных. За годы Великой Отечественной войны состоялось 238 тысяч награждений. Среди них более 3 тысяч награждений частей, соединений, подразделений и предприятий. Младшие командиры сухопутных войск, а тем более сержанты и рядовые редко награждались этим орденом, но имели место и исключения. Так, юный партизан из Керчи Володя Дубинин был посмертно удостоен ордена Красного Знамени в тринадцать лет. Четырнадцатилетний юнга бронекатера Игорь Пахомов дважды награждался этим орденом.

Немцы осматривают подбитые советские легкие танки. На переднем плане – БТ-7, в центре – Т-26, крайний слева – БТ-5. Смоленская область, лето 1941 г.

Потрепанные в боях с частями Красной Армии немецкие пехотинцы проходят мимо уничтоженного советского легкого танка БТ-7. Район Смоленска, июль 1941 г.

Сооружение советского противотанкового рва в районе Смоленска. 26 июля 1941 г.

Упорным сопротивлением, удержанием до последнего почти что занятого противником Смоленска Красная Армия выигрывала время на формирование новых соединений. Первоначальная задача Вермахта на уничтожение советских войск в больших и малых «котлах» значительно усложнялась. Теперь немцам это надо было делать быстрее, чем на фронт поступали новые соединения. 11 августа начальник Генерального штаба германской армии Франц Гальдер записал в своем в дневнике: *«Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину»*. В данном случае число 360 обозначает не общее число соединений на фронте, а количество номеров дивизий, о появлении которых немцы узнавали от советских военнопленных.

Железнодорожная станция в 8 километрах западнее Смоленска после немецкой бомбардировки. Июль 1941 г. На путях стоит эшелон с легкими танками БТ

Советский танк Т-34, брошенный у моста через речку Остер в районе деревни Коски Рославльского района Смоленской области. Рядом с танком брошенная автомобильная техника. На башне имеется маркировка «402». Рядом с танком стоит немецкий военнослужащий. Август 1941 г.

Пленные красноармейцы, захваченные частями 4-й армии Вермахта в боях за Смоленск. Август 1941 г.

Уже к началу августа 1941 года тыловые госпитали в Германии были почти полностью заполнены, шведский журналист писал: *«Толпы людей в полном молчании наблюдают у берлинских вокзалов бесконечный поток санитарных поездов, доставляющих раненых из переполненных госпиталей Польши и Восточной Пруссии»*. Германским стратегам стало окончательно ясно, что Советский Союз – это не Франция и захватить его одним сокрушительным ударом не удастся. Вместо запланированного немцами «блицкрига» шла тяжелая война на истощение – война, в которой Третий рейх был обречен на поражение.

Сбитый и совершивший вынужденную посадку немецкий бомбардировщик «Дорнье» Do 17Z из состава 2-й бомбардировочной эскадры (KG 2«Holzhammer»). Демидов, июль 1941 г.

ГАЛЬДЕР Франц (Franz Halder; 1884-1972) – немецкий военачальник, генерал-полковник (1940). Сын генерал-майора, в Первую мировую служил в штабах различного уровня, был награжден Железным крестом 1-го класса. Активно участвовал в создании Вермахта, разработке и осуществлении планов агрессии против Польши, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Югославии, Греции и СССР. В 1938 г. стал начальником Генерального штаба Сухопутных войск вместо ушедшего в отставку генерал-полковника Бека. В 1942 г. был смещен с этого поста после провала стратегии немецкого командования в Сталинградской битве и на Северном Кавказе. Являясь противником агрессивной политики Гитлера, продолжал тем не менее выполнять приказы фюрера. 23 июля 1944 г. был арестован по подозрению в причастности к покушению на Гитлера и содержался в концлагере Дахау. В январе 1945 г. Гальдер был отправлен в отставку с лишением наград и запрещением носить военную форму. В качестве свидетеля давал показания на Нюрнбергском процессе, где заявил, что, не случись вмешательства Гитлера в военные дела, Третий рейх в 1945-м мог бы заключить мир на «почетных условиях». В начале 1950-х гг. разрабатывал план создания Бундесвера ФРГ. Одновременно работал в военно-историческом управлении Пентагона, где написал брошюру «Гитлер как полководец», в которой пытался представить фюрера единственным виновником поражения Германии и доказать непогрешимость немецкого генералитета и его стратегии. Трехтомный «Военный дневник» Гальдера был издан в СССР в конце 1960-х гг.

ОБОРОНА КИЕВА

После поражения Красной Армии в Приграничном сражении в июне 1941 года потрепанные советские дивизии и полки отступали. Пересохшие губы красноармейцев произносили два заветных слова – «старая граница». Все верили, что там, опираясь на сеть ее ДОТов можно будет дать отпор немецким захватчикам, а потом и погнать их обратно на Запад. Первыми под огонь пушек и пулеметов линии Сталина на Украине попали разведчики немецких танковых дивизий 1-й танковой группы, которой командовал один из самых талантливых немецких военачальников генерал-полковник Эвальд фон Клейст. Во время кампании по захвату Франции в 1940 году он получил бесценный опыт прорыва укрепленных линий обороны.

Цель – Киев. Там, внизу, ничего не подозревающие советские люди. Кадр из пропагандистского киножурнала «Немецкое еженедельное обозрение» («Die Deutsche Wochenschau»), в обязательном порядке демонстрировавшегося в кинотеатрах Третьего рейха перед просмотром фильмов

Бои на Линии Сталина

Командиры 632-го стрелкового полка 175-й стрелковой дивизии рассматривают трофейный пистолет-пулемет МР-40. Июль 1941 г. Слева направо: начальник штаба полка майор Б.А. Ульяновский, инструктор политотдела полка старший политрук И.М. Любавский, командир полка подполковник А.К. Звайгзне

Германская армия еще в годы Первой мировой войны отработала тактику взлома укрепленных полос штурмовыми группами. В межвоенный период эта тактика была усовершенствована и стала основой действий пехотных соединений Вермахта. Штурмовыми группами были небольшие отряды пехоты, усиленные саперами и легкой артиллерией. В бою такие группы просачивались в глубь обороны противника, подбираясь вплотную к ДОТам через мертвые пространства между секторами обстрела. Далее следовал выстрел пушки по входной двери или подрыв крупного заряда взрывчатки, затем струя пламени из огнемета врывается в замкнутое пространство ДОТа, не оставляя его защитникам ни одного шанса уцелеть. Поэтому для мотопехоты дивизий фон Клейста прорыв Линии Сталина был трудной, но решаемой задачей. Командующий 1-й танковой группой, ни секунды не сомневаясь, отдал приказ прорываться через советские ДОТы.

Танки фон Клейста вышли к Линии Сталина сразу в нескольких местах. На киевском направлении ожесточенные бои в Новоград-Волынском укрепленном районе шли трое суток. В истории немецкой 14-й танковой дивизии отмечается упорное сопротивление советских войск: *«Из-за мощного заградительного огня из ДОТов и бомбовых ударов авиации наступление не могло продвигаться вперед. После налета пикирующих бомбардировщиков в 15.30 наши штурмовые группы выходили на рубеж атаки ДОТов с огромными потерями и пытались уничтожить каждый ДОТ отдельно. К вечеру удалось, наконец, взять первый ДОТ. Потери были высоки: в каждой роте погибло примерно по 40 человек»*. С большим трудом немцы пробивались через укрепленный район и к 8 июля вырвались на Житомирское шоссе. Артиллерист Л.И. Шпиллер вспоминал: *«Я принимал участие в оборонительных боях в качестве связиста-телефониста полкового взвода управления, был свидетелем, как наши 152-мм гаубицы били прямой наводкой по танкам, пришлось увидеть и многое другое, страшное и незабываемое <...> Горькое лето. Кровавое»*.

Находящийся южнее Остропольский укрепленный район, который также прикрывал путь к столице Украины, был взломан немецкими танками у местечка Любар. В истории 16-й танковой дивизии отмечалось: *«Блиндажи и бункеры русских были частично замаскированы под безобидные крестьянские лачуги и сараи и неожиданно открывали огонь, полевые орудия неприятеля стреляли в борт наступающим танкам»*. Укрепления пали только под огнем тяжелых орудий немцев: *«После использования 21-см мортир в 8.30 удалось сломить противника. Вклинение танков предотвратило повторное стягивание боевых порядков противника по оборонительной линии. Около полудня был подавлен последний очаг сопротивления»*. От Любара и Нового Мирополя немцы вышли к Бердичеву.

Надежды удержать немецкое наступление на линии старой границы Советского Союза рухнули. Уже через четыре дня после начала боев за укрепления на старой границе, танки группы фон Клейста оказались восточнее Линии Сталина. Кто-то проскочил линию укрепленных районов кавалерийским наскоком, кто-то в результате упорных боев при поддержке пехотных дивизий. Когда о первом прорыве немцами укрепленных районов на старой границе доложили командующему Юго-Западным фронтом М.П. Кирпоносу, тот с горечью воскликнул: *«Дорого нам обойдется этот прорыв!»*

После прорыва через Линию Сталина под Новоград-Волынском немецкие танки устремились на восток. «Панцеры» неслись по шоссе к Киеву, поднимая клубы пыли. Пройдя меньше чем за сутки 70 километров, части группы фон Клейста утром 9 июля вышли к Житомиру. В разговоре с Берлином начальник штаба группы армий «Юг» был предельно

откровенен: *«Необходимо сделать попытку внезапного захвата Киева силами III моторизованного корпуса»*. Напротив, Гитлер требовал поворота на юг и окружения главных сил Красной Армии на Правобережной Украине. Фон Клейст шел на Киев на свой страх и риск. У него было всего несколько дней, чтобы или добиться громкого успеха, или покориться воле фюрера и повернуть на юг. Над столицей Советской Украины нависла смертельная опасность. Маршал И.Х. Баграмян, в 1941 году занимавший должность начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, вспоминал: *«Дежурный привел ко мне незнакомого майора. Вытерев платком запыленное потное лицо, на котором выделялись усталые и воспаленные от недосыпания глаза, майор, устремив взгляд на ведро, стоявшее в углу, разжал пересохшие губы и хрипло проговорил: «Разрешите воды?» Залпом осушил полную кружку и только после этого начал разговор <...> он привез донесение <...> о появлении у Житомира фашистских танков»*.

НОВОГРАД-ВОЛЫНСКИЙ УКРЕПРАЙОН

Новоград-Волынский укрепрайон был сооружен в 1932-1938 гг. Общая протяженность укрепрайона составляла 120 км. В основном передний край УРа проходил по восточному берегу реки Случ. Все сооружения располагались в одну линию и только возле городов Новоград-Волынский и Новомиропольск в две линии. В Новоград-Волынском УРе насчитывалось 182 пулеметных и 17 артиллерийских ДОТов.

КЛЕЙСТ Эвальд, фон (Ewald von Kleist; 1881-1954) – германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1943). Начал службу в Вооруженных силах Германии еще в 1900 г. Первую мировую встретил командиром лейб-гусарского эскадрона, после войны остался в рейхсвере на штабных должностях. Ушел в отставку генералом от кавалерии в 1938 г., но вновь был возвращен в армию накануне Польской кампании. Фон Клейст был первым военачальником в Вермахте, который возглавил объединение, получившее наименование «танковая группа». В 1940 г. во время Французской кампании его танковая группа прорвалась через продолжение линии Мажино

под Седаном и ударом к Ла-Маншу окружила Британский экспедиционный корпус под Дюнкерком, сыграв ключевую роль в разгроме Франции. В 1945 г. фон Клейст попал в плен к британцам, но ему, в отличие от многих военачальников Третьего рейха, не суждено было закончить свои дни за написанием мемуаров. Немецкий фельдмаршал был выдан югославскому правительству и осужден на 15 лет за военные преступления. СССР также выдвинул против него обвинения в военных преступлениях, и в 1948 г. югославы передали бывшего генерал-фельдмаршала в Москву. В 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР осудила фон Клейста на 25 лет. Он умер, отсидев всего два из них в лагере военнопленных во Владимире.

КИРПОНОС Михаил Петрович (1892-1941) – советский военачальник, генерал-полковник (1941), Герой Советского Союза (1940). Год проучился в церковно-приходской школе, затем три года в земской школе, но дальнейшее образование продолжить не смог из-за отсутствия средств. С 1915 года сражался на Румынском фронте Первой мировой войны. В 1918 году вступил в Красную Армию и воевал на Украине под командованием легендарного командира Гражданской войны Щорса в 1-й повстанческой дивизии. В 35-м получил звание комбрига. В ходе Советско-финской войны 1939-1940 годов его 70-я стрелковая дивизия совершила смелый переход по льду Финского залива и вышла в тыл войскам Маннергейма. Это стало началом быстрого карьерного роста Кирпоноса. Он получил звание Героя Советского Союза, был награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда». Вскоре его назначили командиром корпуса, затем командующим Ленинградским военным округом, а в феврале 1941 года он возглавил крупнейший советский военный округ – Киевский Особый. Кирпонос был человеком деятельным и энергичным, но его неопытность и быстрый взлет по служебной лестнице неизбежно оказывали воздействие на взаимоотношения с руководством. Он погиб под Киевом 20 сентября 41-го при выходе из окружения. Разорвавшаяся немецкая мина изрешетила грудь генерала.

Советское командование спешно стягивало к Киеву последние резервы: десантников, оставшихся без танков танкистов, подразделения НКВД. В городе выгружались не успевшие занять оборону на Линии Сталина части. Первый бой на ближних подступах к Киеву состоялся уже через два дня. По Житомирскому шоссе немцы вышли к реке Ирпень. Боец 4-го сводного полка НКВД В. Козаченко вспоминал: *«Танки мчались к мосту, ведя огонь на ходу. Наше боевое охранение встретило их дружным ружейным и пулеметным огнем. Когда танки приблизились к реке, грянул взрыв»*. Мост на шоссе был взорван. Одновременно по немцам открыли огонь ДОТы. Попытка форсировать Ирпень с хода и ворваться в Киев внезапной атакой провалилась. Моторизованные части Вермахта еще несколько раз попытались прощупать советскую оборону. Однако нигде им не удалось застать защитников столицы Украины врасплох. Мосты оказывались взорваны или сожжены. Опорой советской обороны стал Киевский укрепленный район. С серых громадин ДОТов сбрасывали маскировочные сети, и непрошенных гостей встречали пулеметные очереди.

Атака Киева танковыми дивизиями не обещала немцам быстрого успеха. Пехота шагала в маршевых колоннах где-то далеко позади. На растянутый вдоль Житомирского шоссе фланг немцев с севера обрушились контратаки советской 5-й армии. Танки Эвальда фон Клейста могли навсегда остаться у стен Киева. Не скрывая досады, командование группы армий «Юг» подчинилось прагматичным приказам из Берлина. Очередной целью немецкого наступления стал Летичевский УР, прикрывавший подступы к Виннице.

Красноармейцы осматривают подбитый зенитным огнем и совершивший вынужденную посадку немецкий истребитель Bf.109F2 из эскадрильи 3/JG3. Район западнее Киева, июль 1941 года

Сражение советской и немецкой пехоты Летичевский УР началось 15 июля. Один из командиров укрепленного района обратился к артиллеристам с просьбой поддержать огнем

сражающиеся ДОТы. Ответ командира гаубичного артполка был лаконичным: «Снарядов у меня нет, но сколько смогу открою огонь». Было сделано всего 10 выстрелов, которые не могли нанести серьезные потери штурмовым группам Вермахта. ДОТы расстреливались немецкой артиллерией, штурмовыми орудиями, подрывались мощными зарядами взрывчатки.

В истории немецкой 4-й горнострелковой дивизии (**4. Gebirgs-Division**) штурм Летичевского УРа описывается следующим образом: *«После трехчасовой артиллерийской подготовки, которая на завершающем этапе получила поддержку тяжелых орудий пехоты и зенитной артиллерии, ровно в 10.00 с исходных позиций вступили в бой ударные группы горной пехоты и инженерно-саперные отряды. Огневую поддержку обеспечивала батарея штурмовых орудий <...> Один за другим уничтожались бункеры и блиндажи, захватывались цели. Войска все дальше прорывались в глубь оборонительного рубежа. В 21.30 задача дня была выполнена на всех участках. По широкому фронту удалось прорвать линию Сталина».* Проритая в обороне брешь делала практически бесполезной дальнейшую оборону укрепленного района. В любой момент мог последовать удар во фланг и тыл. Линия старой границы была оставлена, и под нажимом немецких войск советские части продолжили отход на Восток. Прорыв обороны Летичевского УРа вызвал серьезное беспокойство советского командования. В начале первой ночи 18 июля командующий Юго-Западным направлением маршал С.М. Буденный направил в Ставку Верховного Главнокомандования доклад, в котором дал удивительно точную оценку обстановки и сформулировал вполне осмысленный план дальнейших действий: *«1. Восстановить положение, бывшее до начала основного прорыва, с наличными силами фронта не представляется возможным; 2. Дальнейшее сопротивление 6-й и 12-й армий на занимаемых рубежах может повлечь в ближайшие 1-2 дня их окружение и уничтожение по частям».* Буденный просил Ставку дать разрешение на отвод двух армий, и через несколько часов оно было получено. 6-я и 12-я армии должны были отойти ближе к Днепру, в район Белой Церкви. Несмотря на то что Ставка требовала от войск Красной Армии максимальной стойкости, в очевидно угрожающей ситуации запрещение отхода было делом бессмысленным.

Командир 17-го стрелкового корпуса генерал-майор И.В. Галанин (крайний справа) наблюдает за боевой обстановкой на переднем крае. Июль 1941 года. Военный без знаков различия держит в руках траншейный перископ ТР-4. 17-й стрелковый корпус в составе Юго-Западного и Южного фронтов вел ожесточенные бои на уманском направлении

КИЕВСКИЙ УКРЕПРАЙОН

Система укрепления, являвшаяся частью линии Сталина. Всего в ней на фронте в 80 километров имелось около 250 сооружений разных типов, в том числе три артиллерийских полукапонира. КиУР возводился одним из первых в стране с 1928 по 1937 год, и в основном он был построен уже к 32-му году. Рубеж обороны КиУРа проходил большей частью по берегу реки Ирпень, которая стала естественным противотанковым рвом. С началом Великой Отечественной войны ДОТы стали дополняться окопами и противотанковыми рвами.

Брошенный экранированный советский средний танк Т-28. Украина, июль 1941 г.

Солдаты войск СС идут по захваченной украинской деревне. Июль 1941 года. Замыкающий эсэсовец несет ручной пулемет MG-34. Справа – советский средний артиллерийский тягач «Коминтерн». Всего в 1934-1940 годах было выпущено 1798 таких машин. Их производство было прекращено после появления более совершенного и мощного артиллерийского тягача «Ворошиловец»

Поначалу отход на восток проходил успешно и организованно. Командир 1-й горнострелковой дивизии (*1. Gebirgsjager-Division*) Хуберт Ланц позднее с досадой писал: «*Не в силах сделать что-либо, мы можем только наблюдать, как бурые колонны отрываются от нас и уходят на восток*». Организованный отход продолжался. Франц Гальдер отдавал должное своим советским оппонентам: «*Противник снова нашел способ вывести свои войска из под угрозы наметившегося окружения. Это, с одной стороны, яростные контратаки про-*

*тив наших передовых отрядов 17-й армии, а с другой – большое искусство, с каким он выводит свои войска из угрожаемых районов». Однако роковую роль в судьбе советских 6-й и 12-й армий сыграл глубокий прорыв 1-й танковой группы фон Клейста к Киеву и Бердичеву. Повинуясь приказу фюрера о повороте на юг, немецкие танковые дивизии ударили во фланг и тыл двум отходящим на восток армиям. 3 августа 1941 года, когда в тыл советским войскам, отступающим под натиском немецкой 17-й армии (*17. Armee*), вышли танковые дивизии Вермахта, заняв восточный берег реки Синюха и город Первомайск, кольцо окружения вокруг них замкнулось. В окружение попало около ста тысяч человек.*

Летичевский укрепленный район (ЛеУР) – комплекс оборонительных сооружений, возведённый в 1931-1934 годах на Украине и прикрывавший направление на Винницу. Протяженность укрепрайона, по разным данным, составляла от 122 до 126 километров. Было построено 340 пулеметных и 7 артиллерийских ДОТов. В Летичевский укрепленный район из Львовского выступа отступила потрепанная в июньских боях советская 12-я армия, которую по пятам преследовала 17-й немецкая армия. В письме командующему Южным фронтом от 16 июля 1941 года командующий 12-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин охарактеризовал состоянии укрепрайона следующим образом: «Ознакомился с Летичевским УР, потеря которого ставит под прямую угрозу весь ваш фронт. УР невероятно слаб. Из 354 боевых сооружений артиллерийских имеет только 11, на общее протяжение фронта 122 км. Остальные – пулеметные ДОТы. Для вооружения пулеметных ДОТ не хватает 162 станковых пулемета. УР рассчитан на 8 пультафов, имеется 4 только что сформированных и необученных. Предполья нет. Нет также ВВ (взрывчатых веществ. – Прим. авт.), мин и проволоки. Минимальный гарнизон полевых войск необходим в числе 4-х стрелковых полнокровных дивизий и одной танковой, имею 3 горные дивизии слабого состава, к тому же расстроенные. Между соседним правым УР имеется неподготовленный участок протяжением 12 км».

Солдаты войск СС у разрушенного ДОТа Линии Сталина. Лето 1941 года

Бои с окруженцами в районе села Подвысокое продолжались до 15 августа. Немногим красноармейцам удалось вырваться. И.Л. Деген вспоминал: *«Остатки нашей роты упорно пробивались к своим. Девятнадцать дней, с упорством фанатиков, мы выходили вместе с Сашей из окружения. Шли ночами, в села не заходили. Знали, что в плен не сдадимся ни при каких обстоятельствах. Питались зелеными яблоками и зернами пшеницы, что-то брали на заброшенных огородах»*. Были пленены командующий 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко и командующий 12-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин, несколько командиров корпусов и дивизий. Судьба попавших в плен бойцов и офицеров сложилась трагично – большинство из них погибло от голода и болезней в так называемой Уманской яме, одном из первых концентрационных лагерей на территории Советского Союза.

БУДЕННЫЙ Семен Михайлович (1883-1973) – советский военачальник, один из первых Маршалов Советского Союза (1935) и создателей советской кавалерии, трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968). Участвовал в Русско-японской войне 1904-1905 годов. Сражался в Первой мировой войне старшим унтер-офицером на Германском, Австрийском и Кавказском фронтах. За храбрость был награжден всеми четырьмя степенями («полным бантом») солдатских Георгиевских крестов и четырьмя Георгиевскими медалями. В Гражданскую войну командовал 1-й Конной армией, сыгравшей важную роль в разгроме Деникина и Врангеля. Белые прозвали Буденного «Красным Мюратом». В начале Великой Отечественной он руководил группой войск армий резерва Ставки Верховного Главнокомандования, затем стал главкомом войск Юго-Западного направления. В сентябре Буденный отправил телеграмму в Ставку с предложением отвести вверенные ему войска в связи с угрозой их окружения, за что был отстранен от занимаемой должности. В дальнейшем непродолжительное время командовал Резервным фронтом (сентябрь-октябрь 1941 года), Северо-Кавказским направлением (апрель-май 1942 года) и Северо-Кавказским фронтом (май-август 1942-го). В 1943 году Буденный был назначен главкомандующим кавалерии Красной Армии. Всех трех званий Героя Советского Союза он удостоился после войны.

Попавшие в немецкий плен командующий 12-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин (в центре) и командир 13-го стрелкового корпуса 12-й армии генерал-майор Н.К. Кириллов. Район Умани, август 1941 г. После пленения генералов сфотографировали с немецкими офицерами, а листовки с фотографиями разбрасывали в расположении советских частей. 25 августа 1950 г. Военной коллегией Верховного суда СССР оба генерала были признаны виновными в нарушении воинской присяги и в тот же день расстреляны

После Умани дивизии 1-й танковой группы разошлись веером до самого Черного моря. В Николаеве трофеями немецких войск стали недостроенные корабли советского «Большого флота» – линейный корабль, крейсер и две подводные лодки. Немецкие танкисты с любопытством осматривали циклопические сооружения верфей, лес кранов, завалившиеся набок, словно выброшенные на берег гигантские рыбины, субмарины. Только командующий Эвальд фон Клейст задавался риторическим вопросом: «А что мы здесь делаем?» Намотанные на гусеницы танков километры, оставленные по дороге могилы боевых товарищей – «камрадов» и остовы сгоревших «панцеров» все дальше отодвигали немцев от главной цели кампании против Советского Союза – захвата Москвы.

МУЗЫЧЕНКО Иван Николаевич (1901–1970) – советский военачальник, генерал-лейтенант (1940). Службу начал в 1917 году рядовым Русской Императорской армии, но на фронт Первой Мировой войны не попал. Принимал участие в Гражданской войне. В августе 1941 года при попытке выхода из окружения под Уманью был ранен и захвачен немцами. Первоначально содержался в тюрьме города Ровно, затем в лагерях для военнопленных во Владимир-Волынской, Хмельницкой, Гогельштейне, Мосбурге. 29 апреля 1945 года он был освобожден из плена американскими войсками и направлен в Советскую миссию по делам репатриации в Париже. С мая 45-го Музыченко проходил проверку в НКВД, а 31 декабря был возвращен в ряды Красной Армии. В апреле 47-го года окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба и в октябре вышел в отставку.

Пленные красноармейцы в концентрационном лагере Уманская яма в ожидании отправки в концлагеря Германии и Польши. Август 1941 г. Советские военнопленные содержались под открытым небом в гигантском глиняном карьере кирпичного завода

Бои на ближних подступах

Немецкий солдат в «лишьей норе». В августе 1941 года под Киевом разыгралось настоящее позиционное сражение

Затишье под Киевом длилось недолго. К концу июля 1941 года после долгого пешего марша к городу подошла пехота немецкой 6-й армии (*6. Armee*). Вместо кавалерийского наскока танков группы Эвальда фон Клейста Киев теперь ждал методичный штурм. В распоряжении 6-й армии была тяжелая артиллерия, огнеметы и штурмовые орудия. Мощный удар по обороне города последовал уже 30 июля. 6-я армия атаковала Киевский укрепленный район с юга, в обход рубежа на реке Ирпень. Под натиском вражеской пехоты стрелковые части были сбиты с позиций и отступили. Многие ДОТы КиУРа оказались в окружении. Их гарнизоны остались на своем посту, прикрывая отход и надеясь на восстановление линии фронта. Так, у села Кренище ДОТ № 131 лейтенанта В.П. Якунина отбивал атаку за атакой. Командир отважного гарнизона получил офицерское звание всего за несколько дней до начала войны – 13 июня 1941 года. В конце концов немецкая штурмовая группа подорвала дверь и заднюю амбразуру ДОТа. Затем был взорван люк, ведущий на нижний этаж. Весь гарнизон погиб. Соседний ДОТ № 127 оборонялся три дня, мешая противнику форсировать реку по дамбе. Его пулеметы замолчали, только когда у красноармейцев закончились патроны. Взорвав дверь, немцы извлекли из ДОТа пятерых его защитников, трое из которых еще были живы.

4 августа последовал удар немцев в полную силу. После мощной артиллерийской подготовки пехотинцы Вермахта атаковали в сопровождении самоходно-артиллерийских установок «Штурмгешюц». Первый успех был достигнут ими на левом фланге наступления и вскоре они вышли ко второй линии укрепленного района. Этот успех стоил им дорого. Франц Гальдер записал в своем дневнике: *«У Киева войска группы армий «Юг» несут большие потери. Шестая армия ежедневно теряет до 1600 человек»*. Защитники КиУРа с 3 по 5 августа потеряли 2200 человек.

В боях на ближних подступах к Киеву участвовали также батальоны народного ополчения. Они были неплохо вооружены, у киевского ополчения был даже свой бронепоезд. Но на обучение военному делу у ополченцев было всего две-три недели. Среди бойцов ополченческих батальонов почти ни у кого не было воинских документов. Часто после тяжелого боя в штаб приносили паспорта, партийные билеты и зачетные книжки погибших ополченцев.

Бои за вторую полосу обороны КиУР развернулись 6 августа. Один из очевидцев той атаки немцев, майор П.М. Шафаренко, вспоминал: *«Густой туман покрывал поле боя. А когда он рассеялся, мы увидели, как в районе села Красный Трактир и хутора Теремки появились ротные колонны гитлеровцев. Не останавливаясь, они разбились на взводы и отделения, а затем развернулись в цепи. Их обогнали самоходные орудия. Стреляя на ходу, все они двинулись вперед»*. По наступающим цепям немцам ударили минометы и артиллерия, разгорелся бой. Опорные пункты в течение дня по несколько раз переходили из рук в руки. Вечером Гальдер, предвкушая скорую победу, записал в своем дневнике: *«Укрепленная полоса у Киева прорвана»*. На следующий день пехота Вермахта вышла к пригородам Киева – Пирогово, Мышеловке, Голосеевскому лесу, к лесотехническому и сельскохозяйственному институтам. Казалось, что немцам достаточно сделать всего лишь один шаг, и будут захвачены мосты через Днепр.

Однако 8 августа в 9 часов вечера, когда солнце уже садилось, неожиданно загрохотала советская артиллерия. Через десять минут последовала атака. Поначалу немецкие пехотинцы не поверили своим глазам – в контратаку на них шли летчики. Одетые в комбинезоны и летные шлемы бойцы Красной Армии атаковали, стреляя на ходу из автоматов и пулеметов. Немцы посчитали, что победа близка: у защитников Киева больше нет резервов и поэтому в бой бросили экипажи самолетов. На самом деле наступающие немецкие части были контратакованы 5-й воздушно-десантной бригадой полковника А.И. Родимцева, будущего героя Сталинградской битвы. Советские десантники тех лет носили близкую к авиационной по покрою и знакам различия униформу, что делало их очень похожими на авиаторов.

В 1941 году десантники чаще всего использовались как элитная пехота. Десантные бригады были вооружены слабее обычной пехоты, но обладали хорошей выучкой и высоким боевым духом. В ночном бою это играло существенную роль. Родимцев позднее написал о последних часах перед этой отчаянной атакой: *«Я верил, что бой мы выиграем»*. К утру десантники А.И. Родимцева оттеснили немцев на два-три километра от столицы Советской Украины. Задачей «крылатой пехоты» было задержать наступление противника до прибытия резервов. Вечером 8 августа в оперативной сводке Юго-Западного фронта отмечалось: *«284 стрелковая дивизия следует по железной дороге в Киев на усиление обороны КиУРа. К исходу дня выгрузилось два эшелона»*. Все те, кто сражался у границы, на Линии Сталина и под Уманью, добились главного – выигрыша времени. Долгие недели были использованы командованием Красной Армии для формирования новых дивизий. Они обучались и вооружались в тылу, чтобы в решающий момент оказаться на поле боя. Две свежие дивизии прибыли в Киев как нельзя вовремя. Буквально с колес, едва выгрузившись из эшелонов, они вступили в бой. Вновь образованная 37-я армия перешла в контрнаступление силами четырех стрелковых дивизий и воздушно-десантного корпуса. К 11 августа были освобождены Теремки, Мышеловка, к 12-14 августа – Тарасовка, Чабаны, Новоселки и Пирогово. При освобождении Тарасовки на подходе к Юровке были деблокированы ДОТы № 205, 206 и 207, которые уже в течение нескольких дней вели бои в окружении. В результате советского контрнаступления фронт под Киевом была восстановлен по первой и второй полосам обороны КиУРа. Сводки второй половины августа были похожи одна на другую: *«Противник активности перед фронтом КиУР не проявляет»*. Воздушные налеты на Киев также практически прекратились. Очередной штурм города завершился полной победой его защитников. Следует отметить, что все время августовских боев на ближних подступах к украинской столице город продолжал жить нормальной жизнью. В нем не было перебоев в подаче электроэнергии и воды, работе общественного транспорта. По-прежнему продолжали работать театры, библиотеки, кинотеатры, цирк. Это была не беззаботность горожан: киевляне верили, что их родной город удастся удержать. Войска Юго-Западного направления оставили Правобережную Украину и заняли позиции на восточном берегу Днепра. Широкая река давала хорошую опору для обороны даже слабыми в количественном отношении дивизиями. Войска закапывались в землю, готовились к обороне и продолжению контрударов противника.

Бойцы Красной Армии на поле боя под Киевом

РОДИМЦЕВ Александр Ильич (1905-1977) – советский военачальник, генерал-полковник (1961), дважды Герой Советского Союза (1937, 1945). Службу в Красной Армии начал в 1927 г. «За образцовое выполнение особого задания» во время Гражданской войны в Испании удостоился своего первого звания Героя Советского

Союза. Участвовал в присоединении к СССР Западной Белоруссии и в Советско-финской войне. В начале Великой Отечественной командовал 5-й бригадой 3-го воздушно-десантного корпуса, принимавшей участие в обороне Киева. 13-я гвардейская стрелковая дивизия под его командованием героически сражалась в осажденном Сталинграде. С 1943 г. Родимцев командовал 32-м гвардейским стрелковым корпусом, с которым дошел до Праги. После войны был главным военным советником и военным атташе в Албании. Службу оставил уже в «эпоху застоя».

Немецкая пехота, укрываясь в придорожной канаве, следует за танками. Июль 1941 г.
На фото – средний немецкий танк PzKpfw III

ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ КОРПУСА

Боевое крещение советских воздушно-десантных войск состоялось ещё в конце 1930-х годов. В качестве пехоты десантники участвовали в сражениях под Хал-

хин-Голом и в «Освободительном походе» в Польшу. А первые выбросы боевого парашютного десанта произошли во время Финской войны 1939-1940 годов. В 1941 году СССР располагал пятью воздушно-десантными корпусами, которые дислоцировались в Киевском и Харьковском военных округах, Одессе, Пуховичах и Даугавпилсе. В них было 50 тысяч десантников. Вскоре после начала войны в Московской, Ивановской областях и в Поволжье было развернуто еще пять корпусов. Их комплектование не представляло особой проблемы благодаря активной деятельности Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ), где до 41-го года парашютному делу было обучено около миллиона молодых людей. Многие кадровые военнослужащие ВДВ еще до войны совершили более ста прыжков и получили квалификацию «инструктор-парашютист». Однако первые же недели Великой Отечественной внесли жестокие коррективы в судьбу «крылатой пехоты», как прозвали ВДВ. Советская авиация потеряла значительную часть самолетов и истекала кровью. Но что самое главное, командование РККА не умело планировать и осуществлять крупные десантные операции во время стремительного наступления противника. В этот период проводились преимущественно частные парашютные операции в составе небольших групп. В основном же десантников использовали в качестве пехоты. Их бросали на самые опасные направления, поскольку знали, что они будут драться до последнего. Потери в частях ВДВ в первые недели войны были столь же огромными, как и во всей Красной Армии. Советское командование столкнулось с угрозой полной гибели воздушно-десантных войск. Чтобы избежать этого, почти все воздушно-десантные части, кроме тех, что увязли в обороне Киева, к августу 41-го были выведены из состава фронтов и направлены в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. В конце августа была введена должность командующего ВДВ. Воздушно-десантные формирования были выделены в самостоятельный род войск. При этом, хотя в дальнейшем их предполагалось использовать прежде всего как отборную пехоту, которую будут бросать на важнейшие направления, должна была сохраняться и возможность задействовать их в десантных операциях.

В августе 1941 года Красная Армия, несмотря на ряд тяжелых поражений, обрела некоторую устойчивость своего положения. Северо-Западный фронт опирался на реку Лугу. На Западном направлении после Смоленского сражения образовался фронт, идущий почти точно с севера на юг к востоку от Смоленска.

Немецкие пикирующие бомбардировщики «Юнкерс» Ю-87 уходят на задание с полевого аэродрома в СССР. 1941 г.

БА-10 – самый массовый советский средний броневеомобиль, созданный в конце 1930-х гг. на базе реконструированного шасси серийного грузовика ГАЗ-ААА. БА-10 был основным оружием мотоброневых бригад. Также он состоял на вооружении механизированных полков кавалерийских дивизий, использовался в танковых и мотострелковых дивизиях. За время серийного производства с 1938-го по август 1941 г. было изготовлено более 3300 этих броневеомобилей. БА-10 имел неплохие ходовые качества, надежное противопульное бронирование и считался лучшим советским средним

броневым автомобилем. В ходе Великой Отечественной войны он использовался в войсках до 1944 г., а в отдельных подразделениях – до конца войны. Однако пик участия БА-10 в боевых действиях, как и максимальные потери, пришелся на 1941 г. Тем не менее при грамотном использовании, благодаря 45-мм пушке, советские бронемашины могли с успехом бороться даже с немецкими легкими танками. Броневым автомобилям, захваченным немцами, в Вермахте было присвоено наименование Panzerspachwagen BA 203(R). Некоторые из них попали в части Вермахта и СС, другие же были направлены в запасные, учебные и полицейские части.

Тактико-технические характеристики: боевая масса – 5,1 т; экипаж – 4; размеры: длина – 450 мм, ширина – 2100 мм, высота – 2470 мм, клиренс – 230 мм; бронирование – от 6 до 10 мм; вооружение – 45-мм пушка обр. 1938 г. (49 снарядов), два 7,62-мм пулемета ДТ-29; подвижность: двигатель – рядный 4-цилиндровый карбюраторный жидкостного охлаждения мощностью 50 л.с. при 2800 об/мин, скорость по шоссе – 52 км/ч, по пересеченной местности – 20 км/ч, запас хода по шоссе – 260 км, запас хода по пересеченной местности – 200 км, удельное давление на грунт – 2,5 кг/см².

Киевский «котел»

Бойцы и командиры Красной Армии сдаются в плен немецким танкистам 9-й танковой дивизии Вермахта. Украина, август 1941 г.

В конце июля 1941 года, за несколько дней до окончания боев в районе Смоленска, Гитлером была подписана Директива № 34: *«Группа армий «Центр» переходит к обороне, используя наиболее удобные для этого участки местности. 2-я и 3-я танковые группы должны быть <...> выведены из боя и ускоренно пополнены и восстановлены»*. Фюрер решил наступать в первую очередь не на Москву, а на Украину, Крым и Ленинград. К операциям групп «Север» и «Юг» привлекли наиболее мощные средства борьбы, танковые группы Гота и Гудериана. Гитлера заставило сменить стратегию «Барбароссы» упорное сопротивление советских войск на Украине, из-за которого образовался гигантский «балкон» на фланге группы армий «Центр». Также фюрера беспокоила активность советской авиации, летавшей из Крыма бомбить румынские нефтепромыслы. 2-я танковая группа Гейнца Гудериана по новому плану должна была наступать на юг, в тыл советскому Юго-Западному фронту.

Когда 23 августа, ровно урча двигателями, транспортный «Юнкерс» заходил на посадку на строго засекреченный аэродром под Летценом в Восточной Пруссии, Гудериан в последний раз перебирал взятые с собой бумаги. Командующий 2-й танковой группой прибыл в Ставку фюрера «Волчье логово» с целью убедить Гитлера изменить принятое решение о повороте на Киев и продолжить наступление на Москву. Во время доклада у него появился такой шанс: *«Считаете ли вы свои войска способными сделать еще одно крупное усилие при их настоящей боеспособности?»* – спросил фюрер. *«Если войска будут иметь перед собой настоящую цель, которая будет понятна каждому солдату то да!»* – ответил Гудериан. *«Вы, конечно, подразумеваете Москву!»* – *«Да. Поскольку вы затронули эту тему, разрешите мне изложить свои взгляды по этому вопросу»*. Гудериан подробно описал все возражения армейского командования: надвигающуюся зиму, важность Москвы как узла железнодорожных и шоссейных дорог, необходимость сбережения ресурса танков перед решающей битвой Восточного похода. Гитлер внимательно его выслушал, но затем в резкой форме отверг все аргументы в пользу наступления на столицу Советского Союза. Словно приговор прозвучала фраза фюрера: *«Мои генералы ничего не понимают в военной экономике!»* Впоследствии Гудериан вспоминал: *«Гитлер закончил свою речь строгим приказом немедленно перейти в наступление на Киев, который является его ближайшей стратегической целью»*. Дискуссия о направлении удара завершилась, не успев начаться. Теперь на Киев была нацелена мощнейшая группировка немецких войск.

В ночь на 30 августа 1941 года безмятежная гладь ночного Днепра была неожиданно озарена десятками прожекторов. Как только они включились, загрохотали пулеметы и загремели артиллерийские залпы. Немецкие саперы, доселе прятавшиеся в камышах, быстро столкнули в реку свои лодки. Надсадно гудя двигателями, набитые солдатами лодки двинулись через реку. Сопротивление оборонявшейся на левом берегу Днепра роты красноармейцев было вскоре подавлено. Здесь образовался быстро расширяющийся плацдарм, впоследствии получивший наименование Кременчугского. Однако поначалу он не вызывал большого беспокойства, поскольку советское командование – ведь его занимала только пехота противника. Главным же врагом советских военачальников на тот момент были немецкие танковые войска – Панцерваффе (*Panzerwaffe*). Поворот танков 2-й танковой группы Гудериана на юг, в тыл обороняющим Киев войскам, был встречен градом фланговых ударов войск Брянского фронта генерал-лейтенанта А.И. Еременко. Однако ни задержать, ни тем более остановить немецкую танковую группу они не смогли. Одной из причин неудачи было недостаточное количество танков, поскольку к сентябрю 1941 года в распоряжении советского командования почти не осталось крупных механизированных соединений. Под началом А.И. Еременко действовала всего одна танковая дивизия, а добиться решительного результата только пехотой было почти невозможно. В 21-ой армии генерала В.И. Кузнецова занимавшей позиции на пути 2-й танковой группы оставалось всего 16 танков. Оборона

армии была дезорганизована фактически одним ударом. В начале сентября части немецкой 2-й моторизованной дивизии СС «Дас Райх» из танковой группы Гудериана прорвали фронт и захватили мосту через Десну в тылу войск В.И. Кузнецова. Отходящие к реке советские части остались без переправы. Артиллерию и тяжелое оружие пришлось оставить. В очередном донесении говорилось, что *«армия фактически перешла к подвижной обороне»*. Такая же судьба постигла и 5-ю армию генерала М.И. Потапова.

Продвижение немецких войск к Киеву. Август-сентябрь, 1941 года

Командир немецкой 3-й танковой дивизии (3. Panzer-Division) в составе 2-й танковой группы генерал-майор Вальтер Модель (слева) и командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Гейнц Гудериан (справа). Лето 1941 г.

ЕРЕМЕНКО Андрей Иванович (1892-1970) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944). В Первой мировой войне сражался рядовым на Юго-Западном и Румынском фронтах. В Гражданской войне воевал в 1-й Конной армии Буденного. В январе 1941-го был назначен командующим 1-й Краснознаменной армией на Дальнем Востоке, но через восемь дней после начала Великой Отечественной получил назначение командующим Западным фронтом вместо расстрелянного генерала армии Павлов. Руководил фронтом до прибытия на театр боевых действий маршала Тимошенко, после чего стал его заместителем. Еременко лично пообещал Сталину «разбить подлеца Гудериана», однако не смог помешать

«Быстроходному Гейнцу» замкнуть кольцо окружения вокруг армий Юго-Западного фронта, что привело к трагической «Киевской катастрофе». В октябре 1941-го сам был разбит Гудерианом, серьезно ранен при выходе из окружения и эвакуирован в Москву на специально присланном за ним самолете. В ноябре 1942 г., во время операции «Уран», войска Еременко прорвали оборонительные рубежи Вермахта южнее Сталинграда, замкнув кольцо вокруг 6-й армии Паулюса. Войну он закончил в должности командующего 4-м Украинским фронтом, который в ходе Моравско-Оставской операции освободил Словакию и Восточную Чехию.

ШАПОШНИКОВ Борис Михайлович (1882-1945) – советский военачальник и военный теоретик, Маршал Советского Союза (1940). С отличием окончил Московское Алексеевское военное училище и получил чин подпоручика. В 1910 г. закончил знаменитую Императорскую Николаевскую военную академию. Первую мировую войну закончил командиром Кавказской гренадерской дивизии. В 1918 г. вступил в Красную Армию, где дослужился до начальника Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики. Во время Гражданской войны составил большинство основных директив, приказов, распоряжений фронтам и армиям. В 1937 г. стал начальником Генерального штаба. Был одним из главных советников Сталина по военным вопросам и пользовался большим уважением вождя. К нему чуть ли не единственному из своего окружения «Хозяин» обращался по имени и отчеству, а не просто «товарищ Шапошников», и позволял курить в своем кабинете. В 1940 г. по состоянию здоровья он ушел с поста начальника Генштаба и был назначен заместителем наркома обороны СССР по сооружению укрепленных районов, а в 1943 г. возглавил Академию Генштаба. Умер от рака желудка в марте 1945 г., не дожив всего 44 дня до Победы в Великой Отечественной войне.

В начале сентября 1941 года обстановка под Киевом ухудшалась с каждым днем и даже с каждым часом. Разрешенный Ставкой Верховного Главнокомандования отход 5-й армии за Десну был лишь частично успешным и привел к окружению и большим потерям. Бойцы переправлялись через реку вплавь, оставляя на правом берегу тяжелое вооружение и имущество.

10 сентября танки Гудериана вошли в Ромны, находившиеся глубоко в тылу защитников столицы Советской Украины. Командование Юго-Западного фронта запросило разрешение на отход. Ставка тянула с принятием решения, поскольку продвижение танковой группы Гудериана в тыл Юго-Западного фронта она считала еще возможным сдержать. До

Кременчугского плацдарма Гудериану оставалось пройти немалое расстояние – примерно 180 километров по прямой. Под градом контрударов и с открытыми флангами сделать это было затруднительно. Пехота на плацдарме существенной опасности не представляла. Танковая группа Клейста в тот момент отмечалась советской разведкой в низовьях Днепра, и это соответствовало действительности. С другой стороны, при отходе от рубежа Днепра войска Юго-Западного фронта могли быть разгромлены противником на марше. Могла повториться Уманьская драма, только в куда больших масштабах. Казалось, что угроза окружения куда менее существенна по сравнению с угрозой потерять управление отступающими войсками. Поэтому приказа на отвод войск от Киева не последовало. С точки зрения тех сведений о Вермахте, которые имелись у советского командования в первой декаде сентября, такой выбор казался вполне разумным.

Усложнялась ситуация необходимостью удержания Киева, имевшего для Советского Союза большое политическое значение. На 10 сентября в составе оборонявшей Киев 37-й армии было около 100 тысяч человек. На переговорах с начальником Генерального штаба Б.М. Шапошниковым в ночь на 11 сентября командующий Юго-Западным фронтом М.П. Кирпонос запросил разрешения использовать этот последний резерв: *«У нас имеется единственная возможность, откуда мы могли бы еще взять силы и средства для уничтожения группы противника, стремящейся выйти на глубокий тыл фронта, – КиУР»*. Шапошников отклонил предложение Кирпоноса, рекомендовав снимать дивизии с других участков фронта. Также он напомнил о тех силах, которые прорвались из окружения через Десну: *«В пятой армии у Потапова три дивизии из окружения пробиваются с переправами через реки, если они действуют организованно, то им это вполне удастся»*.

Через несколько часов с той же просьбой обратился в Москву командующий Юго-Западным направлением С.М. Буденный. Утром 11 сентября он писал: *«К данному времени полностью обозначились замыслы противника по охвату и окружению Юго-Западного фронта с направления Новгород-Северский и Кременчуг»*. Далее маршалом предлагались две альтернативы – отвод войск на восток или оставление Киева с высвобождением сил из КиУРа. Однако Ставке все еще казалось, что обстановку удастся удержать от сползания к катастрофе без оставления столицы Украины. 11 сентября также состоялся разговор между командованием Юго-Западного фронта и Сталиным. Темой для обсуждения вновь стал возможный отход на восток. Сталин напомнил Кирпоносу о недавней катастрофе под Уманью: *«Ваше предложение об отводе войск на рубеж известной Вам реки мне кажется опасным. Если обратиться к недавнему прошлому то <...> у Вас был более серьезный рубеж – река Днепр, и, несмотря на это, при отводе войск потеряли две армии, а противник на плечах бегущих войск переправился на другой день на восточный берег Днепра. Какая гарантия, что то же самое не повторится теперь?»* Позднее появилась легенда о том, что Сталин проявил неуместное упрямство и стремился удержать Киев любой ценой. Однако, как видно из содержания переговоров Сталина и Кирпоноса, это не соответствует действительности. Верховный Главнокомандующий лишь ставил условием отхода частей Юго-Западного фронта организацию обороны на рубеже Псёла и контрудары по наступающим войскам Гудериана. Кроме того, союзником Верховного в этом вопросе был такой опытный штабист, как Б.М. Шапошников. В итоге совместными усилиями им удалось убедить Кирпоноса сражаться с врагом, держась за Днепр и не оставляя Киев. Немалую роль здесь явно сыграл непререкаемый авторитет маршала Шапошникова. В итоге М.П. Кирпоносу было приказано: *«Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки»*. Маршал Буденный, твердо придерживавшийся идеи отхода, был отстранен от должности командующего Юго-Западным направлением. Вместо него 12 сентября 1941 года на этот пост был назначен маршал С.К. Тимошенко. Также Юго-Западному фронту выделялись резервы Ставки Верховного Главнокомандования, но их численность была куда меньше тех 100 тысяч человек,

которые могли бы освободиться в результате сдачи Киева. Резервы спешно выдвигались к Ромнам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.